

Отдел по церковной
благодетельности
и социальному служению
Санкт-Петербургской епархии

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ФОНДА
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ

Благотворительный фонд помощи
детям сиротам-инвалидам
во имя святой блаженной
Матроны Московской

Памяти
Екатерины
Константиновны
Трачёвой

Исторический очерк
об основании отечественной
дефектологии

*Памяти
Екатерины Константиновны
Грачёвой*

*Исторический очерк
об основании отечественной
дефектологии*

Санкт-Петербург
2020

Екатерина Константиновна Грачева

Исторический очерк об основании отечественной дефектологии

Проект реализуется Благотворительным фондом помощи детям сиротам-инвалидам во имя святой блаженной Матроны Московской при поддержке Фонда президентских грантов

Автор исторического очерка: Трефилова Татьяна Александровна, дефектолог, краевед, сотрудник епархиального радио "Град Петров"

Вступительное слово: Малофеев Николай Николаевич, Вице-президент Российской Академии образования, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО

Редактор, корректор, дизайнер: Арзамасцева Надежда Сергеевна, директор Благотворительного фонда святой блаженной Матроны Московской

Корректор, дизайнер: Сметанина Бэла Олеговна, кандидат искусствоведческих наук, координатор проекта

Выражаем благодарность:

- Российской Национальной Библиотеке и Центральному государственному архиву кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга за предоставление документов для данного издания

- Санкт-Петербургской епархии за организационную поддержку и лично протоиерею Николаю Брындину, руководителю отдела по церковной благотворительности и социальному служению

- Синодальному отделу по церковной благотворительности и социальному служению Московской Патриархии за консультационную помощь и особо Леонтьевой Веронике Викторовне, руководителю направления по работе с инвалидами

В предложенное издание вошел исторический очерк, который является результатом многолетней исследовательской работы автора Трефиловой Т.А., дефектолога по образованию. Работая по специальности, автор была в поиске "новых" методов работы с детьми с ментальными особенностями и начала изучать педагогическое наследие Е.К. Грачевой, применяя его на практике. Стало ясным, что забытые исторические факты будут интересны не только для узкого круга специалистов. Эта книга ценна и для широкого круга читателей тем, что описывает важные для России события рубежа XIX-XX вв.

Некоторые слова и выражения по отношению к умственно отсталым и психически больным детям в конце XIX века не считались оскорбительным, а лишь указывали на их диагноз. В книге используются слова в историческом контексте.

Содержание

<i>Вступление.....</i>	<i>4</i>
<i>Икона Божией Матери "Всех скорбящих Радость" (с грошиками) и Братство во имя Царицы Небесной</i>	<i>6</i>
<i>История чудотворной иконы.....</i>	<i>9</i>
<i>Исцеление отрока Николая Грачёва.....</i>	<i>13</i>
<i>Основание приюта для умственно отсталых детей.....</i>	<i>18</i>
<i>Братство во имя Царицы Небесной.....</i>	<i>23</i>
<i>Новый каменный дом приюта.....</i>	<i>27</i>
<i>Жизнь детей в приюте.....</i>	<i>34</i>
<i>Сотрудники приюта.....</i>	<i>41</i>
<i>Приюты в других городах.....</i>	<i>47</i>
<i>Начало XX века.....</i>	<i>54</i>
<i>Памяти Николая и Екатерины Грачёвых.....</i>	<i>61</i>
<i>Заключение.....</i>	<i>69</i>
<i>Приложение 1. Члены Братства во имя Царицы Небесной, причисленные к лику святых.....</i>	<i>70</i>
<i>Приложение 2. Прошение от иеромонаха Николая Грачева Митрополиту Вениамину Петроградскому.....</i>	<i>72</i>
<i>Приложение 3. Е.К. Грачева. Беседы с сестрами-нянями.....</i>	<i>73</i>
<i>Приложение 4. Места, связанные с жизнью и деятельностью Е. К. Грачевой.</i>	<i>142</i>
<i>Список литературы.....</i>	<i>146</i>

Вступление

*Николай Николаевич Малофеев, Вице-президент
Российской академии образования,
доктор педагогических наук, профессор, академик РАО*

Первые попытки обучения детей-инвалидов мы находим в европейских государствах с устоявшейся традицией частных инициатив, где большинство населения исповедовало христианство и признавало ценность школьного образования. На этапе становления во всем мире оно базировалось на трех основных принципиально важных вещах. Первое - это законодательство и закон о всеобщем обучении, второе - это гражданские права и третье - это милосердие, т.е. христианство. Из трех названных обязательных условий в Российской империи конца XIX века наличествовала только крепкая православная вера. Увы, одного только христианского сострадания, сочувствия, милости, милостыни, нищелюбия - недостаточно для масштабной организации обучения и воспитания детей-инвалидов. Впрочем, известны и исключения, но тогда в обществе должна явиться пассионарная личность, щедро наделенная христианскими добродетелями, с душой неутомимого и нестигаемого подвижника. На ниве христианского призрения обездоленных слабоумных детей Российская империя обрела такую труженицу в лице петербурженки Екатерины Константиновны Грачевой.

Чудесное исцеление отрока настолько потрясло чуткую православную душу Екатерины, что молодая женщина решает обустроить никому не нужную сиротку-калеку в собственной квартире, зафиксировав в дневниковой записи от 11 сентября 1894 года начало своей "новой жизни!" Меньше месяца потребовалось отзывчивой христианке, чтобы от умозрительного сострадания и добромыслия перейти к добродейанию, к деятельной заботе об убогих детях. К ноябрю в квартире, расширившейся благодаря заботе настоятеля Троице-Сергиевой пустыни архимандрита Игнатия (Мальшева), обрели приют уже 9 детей! Общаясь с подопечными, подвижница вскоре решает, что нельзя ограничиваться удовлетворением их физиологических потребностей и через полгода организует, как сказали бы сегодня, "развивающие занятия", не обращая внимания на увещевания "знатоков" о бесперспективности подобных начинаний. В мае 1898 года подопечные Грачевой на глазах изумленных гостей в ходе специального "экзамена" доказывают свою "обучаемость", а в августе того же года благотворительница убеждает специально организованное Русской Православной Церковью Братство во имя Царицы Небесной учредить школу для слабоумных детей и детей-эпилептиков. К 1907 году через руководимое Е.К. Грачевой уникальное (не только для России и для Европы) учебное заведение пройдет 134 ребенка в возрасте от 9 до 12 лет.

Поражает прозорливость, стратегическое решение возникающих проблем, широта действий. Нет готовой методики обучения - Грачева, полагаясь исключительно на здравый смысл, разрабатывает собственную, нет игр и пособий - доступных "особым" ученикам, придумывает и изготавливает их - нет российского опыта обучения слабоумных, отправляется изучать положение дел в Швецию, Германию, Францию. Не занимаясь критикой "чужого" разумно используя полезное и не противоречащее российским традициям. Переводит и находит способ издать (не указывая себя автором) полезные руководства.

На момент принятия решения посвятить жизнь заботе о слабоумных детях Екатерина Константиновна не обладала профессиональными педагогическими или медицинскими знаниями, не имела опыта деятельной благотворительности, как православный, глубокий, искренний человек она выбрала тернистый путь и прошла его с достоинством. Безусловно, Грачева намного опередила историческое время и часто не находила понимания у значительной части даже ближнего окружения, прежде всего у персонала.

Из забвения имя Е.К. Грачевой вернется в обновленной России, горько, что произойдет это через столетие, отраднo, что это случится. Радостно, что в конце XX столетия священничество, миряне вновь задумаются о судьбах детей-инвалидов.

Хочется надеяться, что благодаря представленному изданию примеры христианской заботы о страждущих получат большую известность, помогут современникам по-новому взглянуть на отечественный опыт призрения инвалидов, привлекут внимание молодежи к волонтерству, к участию в деятельной заботе о нуждающихся в ней.

Икона Божией Матери "Всех скорбящих Радость" (с грошиками) и Братство во имя Царицы Небесной

«И слепому, и прокаженному, и поврежденному рассудком, и грудному младенцу, и уголовному преступнику, и язычнику окажи почтение как образу Божию. Что тебе за дело до его немощей и недостатков? Наблюдай за собой, чтобы тебе не иметь недостатка в любви»

Святитель Игнатий Брянчанинов.

Санкт-Петербург в конце XIX века был не только центром политической, культурной и научной жизни Российской империи, но и столицей благотворительности. Здесь находились крупнейшие благотворительные организации, деятельность которых распространялась на всю страну: Ведомство учреждений императрицы Марии, Императорское Человеколюбивое общество, Российское общество Красного креста.

Во второй половине XVIII века при Екатерине Великой в Петербурге был открыт Воспитательный дом для спасения жизни незаконнорожденных младенцев и подкидышей; существовало множество приютов и для более старших детей, много богаделен для престарелых и инвалидов, устроенных по сословному принципу - для купечества, для военных, для духовенства, для дворян и мещан. Были также дома для престарелых актеров и для инвалидов столичной полиции. В 1844 году организована первая в России Свято-Троицкая община сестер милосердия, а в 1862 году при храме Рождества Христова на Песках открылось первое приходское благотворительное общество. Училища для глухонемых и слепых детей тоже первыми появились в столице. В 1870 г. около станции Удельная был открыт дом призрения душевно больных императора Александра III - единственное образцовое заведение подобного типа. В Петербурге в конце XIX века имелось такое многообразие различных благотворительных заведений, что можно было подыскать место нуждающимся в соответствии с их личными особенностями.

Но не было тогда в России заведений для умственно отсталых и психически больных детей, хотя и в бедных и богатых семьях томилась эта несчастные, которые всем были в тягость, даже своим родным. В психиатрические больницы принимали их неохотно, так как они не излечимы, в школы тоже не брали, так как считалось, что они необучаемы, а специальных приютов и школ для них не было.

Начало призрению и обучению умственно отсталых и психически больных детей в России в самом конце XIX века положило чудесное

*Икона Божией Матери "Всех скорбящих Радость" (с грошиками)
и Братство во имя Царицы Небесной*

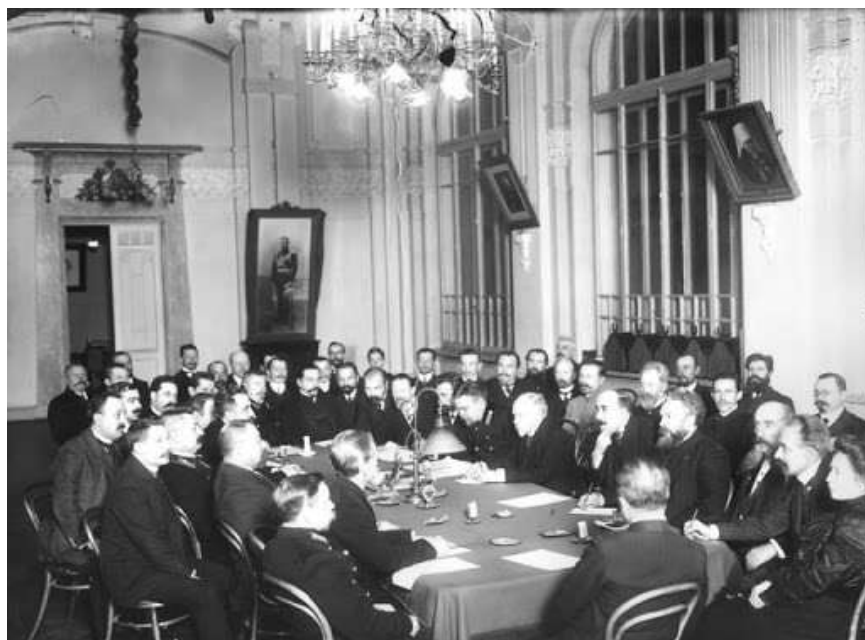
исцеления одного мальчика, страдавшего тяжелыми эпилептическими припадками. Многим православным петербуржцам, да и не только им, знакома икона Божией Матери "Всех скорбящих Радость" (с грошиками) празднование которой установлено 23 июля (5 августа по новому стилю). Но не многие знают, что отечественная олигофренопедагогика - наука о воспитании и обучении умственно отсталых детей, - стала развиваться после исцеления от этой иконы болящего отрока Николая Грачева.

Канцелярия Ведомства учреждений императрицы Марии. Казанская ул. д.7

Здание Российского Общества Красного Креста. Инженерная ул. д.9

Заседание членов совета Императорского Человеколюбивого общества.
Фурштатская ул. д.3

Императорский Воспитательный дом. Набережная реки Мойки, дом 48
в настоящее время — Педагогический университет им. А. И. Герцена

Императорское училище
глухонемых. Гороховая ул. д.18

Александро-Мариинское училище слепых.
Перед ним памятник К.К. Гроту.
Улица проф. Попова д.37

История чудотворной иконы

В конце XVIII столетия на берегу Невы, недалеко от Александро-Невской Лавры, был перевоз от селения Стеклянного завода к деревне Ключки, где находились покосы и огороды Лавры. Однажды лодочники-перевозчики увидели плывущую по реке икону, которая остановилась у причала. Икону подняли из воды, и оказалось, что это Тихвинский образ Пресвятой Богородицы. На месте обретения иконы на собранные пожертвования построили небольшую деревянную Тихвинскую часовню. Внутри поместили еще несколько икон. Среди них был небольшой образ Богородицы "Всех скорбящих Радость", простой живописи, закоптелый от времени. Сохранилось предание, что его пожертвовал один купец в благодарность за спасение во время бури на Ладоге. Фасадом часовня выходила на Шлиссельбургский тракт (ныне проспект Обуховской Обороны), и мало кто знал о ней в столице, но в конце XIX века об этой часовне узнали многие.

23 июля (5 августа по новому стилю) 1888 года около двух часов пополудни над Петербургом разразилась сильная гроза. Молния ударила в Тихвинскую часовню, и деревянное строение загорелось. Жители ближайших домов тотчас же увидели это и потушили пожар еще до приезда пожарных. Из часовни вынесли иконы, некоторые из которых обгорели и были залиты водой. Их положили на траву, при этом обнаружилось, что на иконе "Всех скорбящих Радость", вставленной в киот, стекло разбилось, а лик Божией Матери, бывший до этого темным от времени, просветлел. На самой иконе оказалось несколько мелких монет – полукопейки и одна четверть копейки, которые нисколько не повредили краску, а держались поверх нее. Кружка для пожертвований, стоявшая около иконы, разбилась, деньги из неё рассыпались, а к иконе пристали лишь мелкие монеты – грошики. Присутствовавшим при тушении пожара это напомнило Евангельскую притчу о лепте вдовицы (Евангелие от Марка 12, 41-44).

Весть о чуде разнеслась по Петербургу, и народ начал стекаться к этой небольшой часовне - всем хотелось поскорее взглянуть на икону и приложиться к ней. Во время молебнов богомольцы в часовню уже не помещались, и над входом сначала пристроили полотняный, а потом деревянный навес.

13 марта 1893 г. часовню посетил император Александр III с супругой Марией Федоровной и детьми. Царская семья молилась, прикладывалась к чудотворному образу. В дар Царской чете поднесли точную копию с этой иконы, которую они приняли с благодарностью. После посещения часовни император пожертвовал прилегающий участок земли на берегу

Невы для строительства большого храма, проект которого составили архитекторы А.И. фон Гоген и А.В. Иванов. [37]

В 1898 году храм был построен и освящен в присутствии о. Иоанна Кронштадтского. По наружному облику и внутреннему убранству эта церковь была одной из самых величественных в столице. Чудотворная икона находилась в храме, а в 1909 году рядом специально для нее построили большую каменную часовню в русском стиле, куда и перенесли эту икону; ее поместили в дорогую раму и украсили множеством драгоценных камней. На фасаде часовни поместили мозаичное изображение этого образа, поддерживаемого ангелами, а также иконы святителя Николая и пророка Илии.

Паровой трамвай проходил от Николаевского (ныне Московского) вокзала по Шлиссельбургскому тракту, подвозя паломников до храма. А.А. Ахматова так писала об этом:

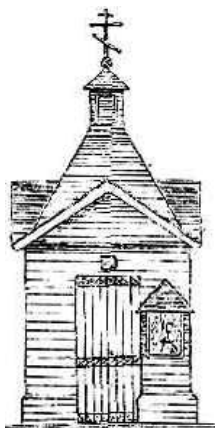
*Паровик идет до Скорбящей,
И гудочек его щемящий
Откликается над Невой.*

Поклониться чудотворной иконе стекались тысячи богомольцев из дальних мест, а списки с нее появились во многих храмах России.

В 1922 г. при "изъятии церковных ценностей в пользу голодающих" бесследно исчезли с иконы и золотая риза, и драгоценные камни. Церковь снесли в 1933 г., часовню закрыли в 1938 г., в ней разместили цех резиновой обуви и игрушки. В 1992 году часовню возвратили верующим, но без куполов и, конечно, без чудотворной иконы. Ныне здесь (проспект Обуховской обороны, д. 24) находится подворье Свято-Троицкого Зеленецкого мужского монастыря Санкт-Петербургской епархии.

Однако образ Богородицы "Всех скорбящих Радость" (с грошиками) сохранился в одной благочестивой семье. После Великой Отечественной войны его передали в церковь Пресвятой Троицы, более известной под названием "Кулич и Пасха" (пр. Обуховской обороны, дом 245), где он находится и сейчас.

Много чудес и исцелений произошло от этой иконы. Но был один случай, выдающийся по своим последствиям не только для самого исцеленного.

Скорбященская часовня
в первоначальном виде.
Рисунок из книги
прот. С. С. Наркевича, 1905 г.

Богомольцы у Скорбященской (Тихвинской) часовни.
Рисунок. 1888 г.

Деревянная часовня Божией Матери
"Всех скорбящих Радость" (1898 г. фото ателье К.Буллы)
из ЦГАКФФД СПб

Храм во имя Божьей Матери
"Всех скорбящих Радость".
Шлиссельбургский пр.д. 24.
Фото начала XX века

Каменная часовня
Скорбященской церкви.
Фото начала XX века

Храм Пресвятой Троицы "Кулич и Пасха". Шлиссельбургский пр. д.235
(ныне проспект Обуховской Обороны, д. 235)

Исцеление отрока Николая Грачева

Во второй половине XIX века в Петербурге на Васильевском острове проживала семья Грачёвых. Отец, Константин Петрович, был русским и православным, а мать, Алиса Андреевна, урожденная Граф, была лютеранкой и происходила из древнего дворянского немецкого рода. Две их старшие дочери умерли от дифтерита, и в семье осталась только младшая дочь Екатерина. В 1876 г., когда мать семейства ожидала рождения еще одного ребенка, она приняла православие и получила имя Александра. 3 декабря 1876 г. раньше срока, семимесячным, у неё родился сын Николай, крестной ему стала старшая сестра, десятилетняя Екатерина. Радость о рождении сына омрачилась множеством болезней мальчика, он был очень слаб, до пяти лет не мог ходить, что давало повод родственникам и знакомым считать это наказанием Божиим за перемену матерью веры. При этом умственно Николай развивался нормально: в шесть лет уже умел читать, писать и говорил по-французски.

Осенью 1886 г. почти одновременно чета Грачёвых отошла ко Господу: 18 октября скончался отец Константин Петрович, а 13 ноября мать Александра Андреевна. Их могила сохранилась на Смоленском православном кладбище. И девятилетний Николай остался на попечении своей девятнадцатилетней сестры Екатерины. Слабый организм ребенка не вынес горя раннего сиротства, и в день похорон матери с ним случился первый тяжёлый судорожный припадок.

После смерти родителей Екатерине пришлось продать богатую обстановку квартиры, где они жили всей семьей. Собственного жилья у Грачевых не было, они снимали квартиры у домовладельцев в доходных домах, как делали тогда многие жители города. В декабре 1886 года осиротевшие брат и сестра переехали на Петербургскую сторону и поселились у своей родственницы С.П. Мартыновой в небольшом деревянном двухэтажном доме, который принадлежал ей. Софья Павловна в то время была уже вдовой и жила на деньги от сдачи квартир в своем доме. Екатерина и Николай заняли две небольшие комнаты с кухней. Дом находился на Большой Белозерской улице (ныне ул. Воскова, д. 1) рядом с Введенским храмом.

Судорожные припадки у Николая стали повторяться все чаще и становились тяжелее. Сестра его обратилась сначала к детскому врачу Л.С. Тривусу, который посоветовал проконсультироваться с профессором И.В. Маляревским. Мальчика поместили на полтора месяца в лечебницу, но облегчения не наступило. Другой известный профессор психиатрии И.П. Мержеевский очень внимательно отнёсся

к болезни Николая, но все его старания облегчить состояние больного были напрасны. Тогда сестра обратилась к знаменитому тибетскому врачу П.А. Бадмаеву - и действительно, после его курса лечения мальчику стало лучше, но ненадолго. Посещали они и других врачей, но никто не мог им помочь. Екатерина несколько раз возила брата в Кронштадт к о. Иоанну Кронштадтскому, который знал их семью и молился о Николае.

Но несмотря ни на что, состояние больного ухудшалось: он стал плохо ходить, часто падать и сестре нередко приходилось носить его на руках - благо он был небольшого роста и мало весил. Николай не ходил в школу, так как детей с эпилепсией в школу не принимали. Да и не до учебы было ему — ежедневно по несколько раз в день повторялись припадки, а после них он чувствовал себя плохо.

Летом 1890 года профессор психиатрии И.М. Балинский осмотрев Николая, увидел его тяжелые припадки и сказал, что ему грозит паралич и что проживет он недолго, действительно, в ноябре мальчика парализовало, он почти не мог принимать пищу, быстро слабел, припадки случались по 6-8 раз в сутки. У окружающих, близко знавших мальчика, невольно возникал вопрос: за что такие страдания? Глядя на мучения брата, сестра, четыре года молившаяся об его исцелении, стала просить Бога о его безболезненной и быстрой кончине.[7]

В день, когда Николаю исполнилось 14 лет, 3 декабря 1890 г., он чувствовал себя особенно плохо: припадки продолжались всю ночь. Совершенно обессилевший лежал он на постели, и вдруг среди ночи его озарил яркий луч света, он увидел Божию Матерь и святителя Николая Чудотворца в окружении ангелов и услышал голос: "Николай, поезжай в часовню, где упали монеты, и 6 декабря ты исцелишься, но ранее не говори никому". Мальчик попросил сестру отвезти его в эту часовню, однако на сестру его просьба произвела тяжелое впечатление. Ей показалось, что это предсмертная мечта, предсмертный подъём сил. А Николай продолжал просить, к его просьбам присоединились доводы прислуги: "Он умрет, а вы будете скорбеть, что не исполнили его последнего желания".

6 декабря, в день именин, парализованного мальчика сестра повезла в часовню к иконе Скорбящей Божией Матери (с грошиками). Путь был не близкий - с Петербургской стороны на Шлиссельбургский проспект. Дорогою случился припадок.[7] На руках внесли Николая в часовню и положили на ковер под иконой. Припадок возобновился вновь; когда он закончился, богомольцы, бывшие рядом,

подняли мальчика и приложили к чудотворной иконе. После этого он сразу вдруг почувствовал облегчение и перекрестился недвижимой прежде рукой. Богомольцы, не зная, что он парализован, поставили его на ноги. Он ещё раз приложился к чудотворному образу и сам вышел из часовни.

Не все сразу поверили в чудо. Скептики утверждали, что это исцеление ненадолго. Профессор И.П. Мержеевский, лечивший Николая, говорил студентам Военно-Медицинской академии, что исцеление – это лишь временное улучшение болезни под влиянием сильного религиозного чувства, что оно будет продолжаться недолго. Но больше в жизни Николая Грачева припадки не повторялись никогда.

Весть об исцелении отрока быстро облетела столицу. Об этом чуде узнал настоятель Троице-Сергиевой Приморской пустыни архимандрит Игнатий (Мальшев) — известный и уважаемый в Петербурге человек, некоторые почитали его за духоносного старца. Его духовным наставником в течение многих лет был святитель Игнатий Брянчанинов, известный церковный писатель и богослов, ныне причисленный к лику святых.

Архимандрит Игнатий (Мальшев) приехал на Большую Белозерскую улицу к Грачёвым, он хотел услышать о случившемся от них самих. Было составлено подробное описание этого события и напечатана брошюра. В журнале "Церковный вестник" в апрельском номере за 1891 год опубликовали статью "Чудо милости Божией".[32] Исцеленный отрок Николай Грачев нарисовал рисунок, изображающий явление ему Пресвятой Богородицы. С этого рисунка архимандрит Игнатий заказал картину художнику и повесил её у себя в келье. Он решил выкупить у домовладелицы С.П. Мартыновой этот дом, где явилась Божия Матерь болящему отроку, чтобы на его месте построить каменный храм.[7] Не имея достаточно денег, чтобы расплатиться сразу, он купил с кредитным обязательством и в течение трех лет выплачивал долг. Комнату, где было явление Божией Матери, он оставил свободной и украсил её иконами. Остальные комнаты сдавали по-прежнему внаём: деньги, получаемые за них, шли на уплату кредита. В 1894 году весь дом был выкуплен, но квартиры по-прежнему сдавались, а вырученные деньги шли на помощь бедным. Брат и сестра Грачёвы остались жить в этом доме.

Когда о. Иоанн Кронштадтский узнал об исцелении отрока, то сам пришел к Грачевым поздравить их и отслужил благодарственный молебен. Он называл Николая Грачёва «счастливым», так как тот удостоился видения Божией Матери.

Поправившись окончательно Николай Грачев стал учиться под

руководством сестры, а потом сдал экзамены в гимназии и поступил в рисовальную школу при Обществе поощрения художников (Большая Морская ул., д. 38), поскольку имел способности к рисованию. Лето 1892 года, когда шел ему 16 год, он провел в Валаамском монастыре и принимал участие в росписи стен строившегося Преображенского собора.

После выздоровления брата Екатерина Грачева, по благословию архимандрита Игнатия, начала заботиться о других обездоленных детях. Она посещала дома бедняков, давала бесплатные уроки детям, которым было трудно учиться в школе. Немало детей, оставшихся без родительского попечения, ей удалось устроить в разные приюты. Она обращалась во многие благотворительные организации Петербурга, и конечно, в старейшую из них - Ведомство учреждений императрицы Марии, основанную по указу Павла I в конце 18 века. Екатерина стала членом Императорского Человеколюбивого общества и Общества попечения о бедных и больных детях "Синий крест", находившееся под покровительством великой княгини Елизаветы Маврикиевны, жены великого князя Константина Константиновича, который писал стихи подписывая их инициалами К.Р.

Церковь Введения во храм
Пресвятой Богородицы на углу
Введенской и Бол.Пушкарской улиц
Снесена в 1932 г.

Могила родителей Грачевых
на Смоленском православном
кладбище

Копия с картины
«Явление Божьей Матери болящему
отроку Николаю Грачеву»
художник протоиерей Иоанн
Рейпольский

Архимандрит Игнатий
(Мальшев) 1811-1897. Настоятель
Троице-Сергиевой пустыни с 1857 г.

Троице-Сергиева Приморская мужская пустынь. Стрельна
из ЦГАКФФД СПб

Основание приюта для умственно отсталых детей

Однажды в одной бедной семье на Петербургской Стороне Екатерина Грачёва обнаружила восьмилетнюю девочку Таню Петрову, глубоко умственно отсталую и страдавшую припадками. Родители её пьянствовали, братья и сёстры нищенствовали, а больную девочку дразнили и били. Она, постоянно голодная, стала похожа на зверька - кусалась и рвала на себе одежду. Екатерина хотела устроить Таню в подходящее ей заведение, но в психиатрическую больницу её не взяли, поскольку она неизлечима, а в доме призрения душевно больных императора Александра III в Удельной принимали только взрослых. В небольшом приюте для психически больных детей святого Эммануила, который содержала лютеранская церковь святого апостола Петра, также отказали, поскольку принимали больных лютеранского вероисповедания. Приехав в Троице-Сергиеву пустынь Екатерина рассказала об этом случае архимандриту Игнатию. "Он молча сидел, задумавшись, и смотрел на картину, на которой было изображено явление Божией Матери отроку Николаю. Затем сказал:

- Возьмите девочку себе.

- Но что же я с ней буду делать? Я с братом занимаю всего две маленькие комнаты, а ей нужно отдельное помещение. И я целый день занята уроками.

- Оставьте уроки и посвятите себя уходу за такими детьми. Это то дело, которое вы должны исполнить в память чудного исцеления вашего брата. Оставьте заботу о себе и поработайте для Царицы Небесной. Она сама через брата вашего призывает вас к этим детям. Для помещения девочки я даю смежную комнату, а об ее прокормлении позаботиться сам Господь" - так описала этот разговор в своем дневнике Екатерина Грачева 15 сентября 1894 года.

Архимандрит Игнатий сам много хлопотал об основании приюта, докладывая о нем императору Александру III.

Начало было самое скромное — приют занимал две небольшие комнатки в доме, где жили Грачевы. Не было ни кухни, ни кухарки - обед брали из ближайшей дешевой столовой. "Только верой мы богаты" - говорил отец Игнатий. Для ухода за детьми наняли одну женщину, а заведовать новым делом архимандрит Игнатий поручил сестре исцеленного отрока "благочестивой девице Екатерине", ей было тогда 28 лет. Она приняла благословение архимандрита Игнатия, который увидел в чуде исцеления ее брата указание Божией Матери на самых несчастных и отверженных детей, психически больных и слабоумных. Не прошло и месяца, как 8 октября 1894 года в приют на Б.Белозерской улице поступили три девочки. Первой поступила Таня

Петрова, с которой началась история приюта.

Второй была Шура Михайлова пяти лет. Она родилась здоровой, но мать, вынужденная работать, отправила её к родственникам в деревню, где девочку искалечили пьяные мужики. Напившись до безумия в праздник, они играли ребёнком как мячом: у нее оказались переломаны руки и ноги, она ослепла, оглохла и перестала развиваться. Третьей поступила Ира Лебедева шести лет, дочь нищей, которая пользовалась болезнью дочери для сбора милостыни. Ее руки и ноги были сведены, она плохо говорила и заикалась. При посещении матери всегда плакала и держалась за няню, от страха, чтобы её не отправили домой.

Первые дети, поступившие в приют, подробно описаны в отчётах, сохранивших их фотографии, имена, обстоятельства жизни, и в каждом случае – это несчастье, беда. [33]

3 декабря 1894 года архимандрит Игнатий с братией Троице-Сергиевой пустыни освятил первую квартиру для умственно отсталых детей: в ней были тогда всего три девочки. В той комнате, где было явление Божией Матери устроили часовню, на освящении которой архимандрит Игнатий сказал слова, оказавшиеся пророческими: "Мало вас тут детки, а много, много несчастных придёт сюда под покров Царицы Небесной. Меня не будет, а всё тут будет – и новый дом, и новый храм. Не оставит Матерь Божия милостью своею этот приют".[33] Потом отслужили молебен, призывая благословение Божие на новое дело. Этот день стал днём основания приюта. В это время архимандриту Игнатию было 83 года, он понимал, что уже стар и может положить только самое начало этому богоугодному делу. Он скончался 16 мая 1897 года. За несколько часов до смерти он думал о приюте и спрашивал: "Что Таня, что дети?".[42]

После смерти о. Игнатия связь с Троице-Сергиевой пустынью не прервалась: все последующие настоятели с братией монастыря часто навещали и поддерживали этот приют. Иконы из кельи отца Игнатия были перенесены в приютскую часовню, и в том числе несколько икон его собственного письма.

В первые годы своего существования приют для умственно отсталых считался учреждением Общества попечения о бедных и больных детях "Синий крест", и содержался, в основном, на пожертвования архимандрита Игнатия и его духовных чад, среди которых было немало представителей аристократии и богатого купечества. В 1895 году в газете "Петербургский листок"[3] появилась первая статья о приюте, после

которой стали поступать пожертвования, что дало возможность принять ещё несколько детей.

По завещанию архимандрита Игнатия весь дом на Большой Белозерской улице перешёл приюту для умственно отсталых детей. За домом был сад для прогулок и небольшой огород, в котором работали дети. В первые годы приют занимал только верхний этаж дома, на нижнем этаже по прежнему комнаты сдавались в наем, и только к концу 1897 года весь дом удалось полностью освободить от жильцов.

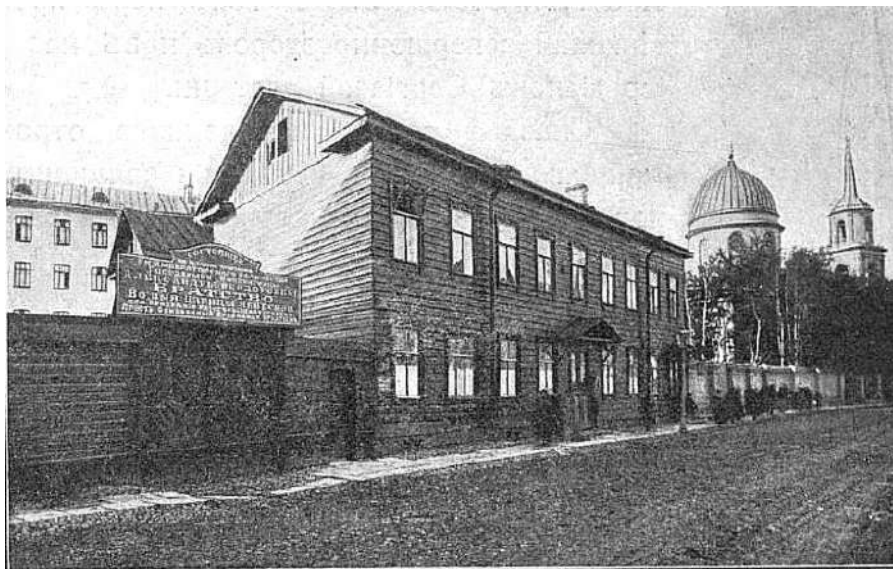
По проекту архитектора А.И. Балинского дом перестроили и приспособили к нуждам приюта. Открылись три отделения: для обучаемых детей, для необучаемых и для буйных - там устроена была комната с мягкими стенами и полом, чтобы возбуждвшийся ребенок не мог причинить себе вреда. Поскольку таких детей неохотно принимали в городские больницы, то был устроен свой лазарет. К приютской церкви пристроили отдельный вход с улицы, чтобы все желающие могли посещать ее. У ворот для сбора пожертвований повесили кружку, а над входом вывеску: "Приют во имя Царицы Небесной, основанный архимандритом Игнатием для детей-идиотов и эпилептиков".

С первых лет основания приюта его архитектором был Антонин Иванович Балинский, сын профессора психиатрии И.М. Балинского, который считал болезнь Николая Грачева неизлечимой. Сын известного психиатра архитектор А.И. Балинский все здания для приюта слабоумных детей строил, перестраивал и проектировал бесплатно.

Начальница приюта Екатерина Константиновна Грачева жила в этом же доме, занимая одну небольшую комнату, в которой было устроено окно в спальню девочек, чтобы все время присматривать за ними. Брат ее Николай после своего чудесного исцеления стал чувствовать в себе стремление к монашеству и в январе 1897 года на 21 году своей жизни поступил в число послушников Троице-Сергиевой пустыни. Он принял монашеский постриг с сохранением имени.

В седьмую годовщину явления Царицы Небесной отроку Николаю 3 декабря 1897 года часовня приюта была освящена как церковь во имя иконы Божией Матери "Всех скорбящих Радость". Церковную утварь пожертвовали из Троице-Сергиевой пустыни. Чин освящения совершил архиепископ Финляндский и Выборгский Антоний (Вадковский) в присутствии К.П. Победоносцева с супругой и сенатора В.К. Саблера. На освящение прибыла великая княгиня Елизавета Маврикиевна. Первые три года приютская церковь не имела своего причта - служили в ней иеромонахи Троице-Сергиевой пустыни и священники Введенского храма.

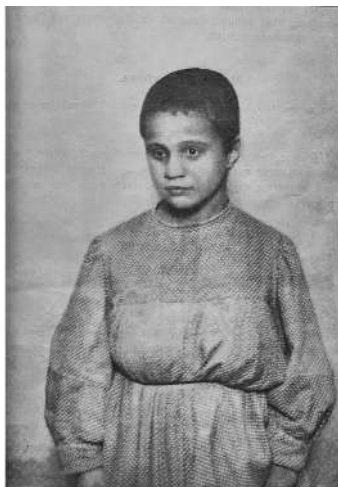
25 сентября 1901 года Николай Грачёв был рукоположен в иеромонахи и направлен служить в церковь приюта для умственно отсталых детей и эпилептиков, освященную в той самой комнате, где удостоился он видения Божией Матери.

Дом на Бол.Белозерской улице, где находился приют для умственно отсталых детей. (Построен в 1902 г., архитектор А.И. Балинский)

Дверь справа — вход в церковь приюта, далее Введенский храм

(фото из отчетов Братства во имя Царицы Небесной, РНБ)

Таня Петрова - первая воспитанница приюта (фото из отчетов Братства во имя Царицы Небесной, РНБ)

Степушка - воспитанник приюта (фото из отчетов Братства во имя Царицы Небесной, РНБ)

Профессор Иван Михайлович Балинский
(1827-1907) основатель кафедры
психиатрии при ВМА

Антонин Иванович Балинский
(1862-1913) архитектор Братства
во имя Царицы Небесной

Вид из коридора в храм во имя иконы Божией Матери
«Всех Скорбящих радость» на втором этаже деревянного дома
(Фото агелье К.Буллы, 1907) из ЦГАКФФД СПб

Основание Братства во имя Царицы Небесной

В 1899 году приют для умственно отсталых отделился от общества "Синий крест" и получил самостоятельность, поскольку это общество занималось только детьми, а умственно отсталые люди нуждались в помощи до конца жизни. Для того чтобы расширить и поддержать новый приют было основано Братство во имя Царицы Небесной. Святейший Синод утвердил его устав 6 июня 1900 года.[43]

10 июня 1900 года в храме приюта на Б. Белозерской улице состоялось открытие Братства во имя Царицы Небесной в присутствии Санкт-Петербургского митрополита Антония (Вадковского). Некоторое время своей жизни он был духовным сыном архимандрита Игнатия (Малышева) и по его благословию принял участие в этом деле. Председательницей Совета Братства стала графиня Ольга Дмитриевна Апраксина, заведующей приютом – Е.К. Грачёва. Членами Совета были протоиерей Самуил Наркевич, доктор Э.А. Гизе, настоятель Введенской церкви протоиерей Иоанн Херсонский и архимандрит Варлаам (Никифоров) - настоятель Троице-Сергиевой пустыни. Членами Братства и жертвователями стали многие известные люди, среди них члены императорской семьи, придворные чины, представители духовенства и купечества. Одними из первых членами и жертвователями Братства были о. Иван Кронштадтский и игумения Ангелина (Сергиева) – настоятельница Иоанновского монастыря, а также обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев и товарищ обер-прокурора В.К. Саблер. Членами Братства могли стать люди разных сословий и вероисповеданий.

Братство находилось в ведении Петербургского митрополита, которому представляло отчеты о своей деятельности. Средства Братства состояли из членских взносов, добровольных пожертвований, из платы за некоторых призываемых и из кружечного сбора.

Старый деревянный дом приюта стал слишком тесен для пятидесяти проживающих в нем и двадцати приходящих детей. Прошения о приёме поступали из всех епархий, поскольку этот приют был тогда единственным учреждением подобного рода в России. Совет Братства обратился к русскому народу с призывом пожертвовать деньги на строительство нового дома для умственно отсталых детей.

В 1901 году по просьбе Санкт-Петербургского митрополита Антония (Вадковского) Святейший Синод разрешил кружечный сбор для детей-инвалидов по всем храмам Российской Империи в течение всей Крестопоклонной недели Великого Поста. В храмах заблаговременно

вывешивали воззвание Братства во имя Царицы Небесной, в котором говорилось, что повсюду в городах и селах, в бедных и богатых семьях живут и страдают несчастные слабоумные дети. Этим детям часто бьют, насмеваются и издеваются над ними. Бедные родители, не имея возможности нанять няню, уходя на работу, вынуждены привязывать их. Были даже случаи, что умственно отсталых детей оставляли в лесу, надеясь, что они не найдут дорогу домой и погибнут. На эту тему священники в храмах произносили свои проповеди.

Члены Братства обращались к народу с такими словами: "Отзовитесь, православные христиане! Еще на Руси не бывало отказа в пожертвовании на нищих и убогих, а дети припадочные, безумные и калеки беднее нищих, и более жалки, чем последние из убогих".[5] По всей России были разосланы брошюры о судьбах умственно отсталых детей и о вновь созданном Братстве во имя Царицы Небесной. Автором одной из них "Зачем он страдал?" была Е.К. Грачева, хотя эта небольшая книжка издана без имени автора, но догадаться, кем она написана, не трудно. О судьбе Николая Грачева мы читаем такие слова: "Многие приписывали это исцеление гипнозу, самовнушению и тому подобному. Много, много подобных больных приходилось в эти десять лет видеть мне, пишущей эти строки, да и теперь я в окружении подобных больных; однако полного, мгновенного исцеления я в другой раз не видела, зато я поняла, зачем так страдал невинный страдалец! ... Да явятся на нем дела Божии и да успокоятся такие же страдальцы, каким он был".[22]

В сборе пожертвований приняли участие все епархии России, в том числе и такие далёкие от Петербурга, как Иркутская, Туркестанская, Забайкальская, Владивостокская и Алеутская. Во многих храмах России всю Крестопоклонную неделю Великого поста проносили сборные кружки для пожертвований с надписью "Для Братства во имя Царицы Небесной". Собранная сумма пожертвований превзошла ожидания.[33] Эти всероссийские сборы стали ежегодными и продолжались до самой революции 1917 года.

Братство вело тщательный отчет о своих доходах и расходах: очень подробно записывались пожертвования деньгами, предметами мебели, коврами, одеждой, учитывались даже банки варенья, окороки ветчины, дрова и игрушки. Отчеты Братства публиковались в периодической печати — в журналах "Правительственный вестник" и "Санкт-Петербургский духовный вестник".

Совет Братства старался ознакомить общество с проблемами умственно отсталых детей, издавал литературу об их жизни. Статьи на эту тему нередко появлялись в периодической печати. Небольшую книгу с замечательным названием "Земное дело Царицы Небесной"

написал известный церковный писатель Евгений Поселянин.[35]

Советом Братства была издана также брошюра "Дом благодарных родителей"[19] об истории создания приютов для психически больных детей в Германии близ города Билефельда. В ней рассказывалось, как однажды к одному пастору пришел бедный рабочий и положил перед ним несколько мелких монет со словами: "Я хочу заплатить свой долг Богу". И рассказал, что недавно он работал в больнице и видел как страдают в припадках эпилепсии несчастные дети, и как он возблагодарил Бога за то, что его дети здоровы. Рабочий попросил пастора посоветовать родителям нормальных детей подавать за них добровольную жертву Богу, за то что их дети не больны, и чтобы жизнь больных детей поддерживалась на эти деньги. Пастор рассказал об этом своим прихожанам, напечатал статью в газете и скоро стали поступать деньги от родителей здоровых детей, как благодарность Богу. Пожертвования эти оказались столь велики, что появилась возможность построить дом и открыть приют для психически больных детей. Его назвали "Домом благодарных родителей".

В Санкт-Петербурге члены Братства устраивали встречи, беседы и лекции о судьбах умственно отсталых детей. На углу Стремянной и Николаевской (ныне Марата) улиц в зале для духовных бесед при Троицком храме о судьбах умственно отсталых детей рассказывал священник Александр Рождественский, основатель Александро-Невского общества трезвости. Свои рассказы он сопровождал показом с помощью "волшебного фонаря" фотографий этих несчастных детей. (В настоящее время на месте снесенного Троицкого храма находится бизнес- центр).

На Невском проспекте в зале Городской Думы по благословению митрополита Антония 9 декабря 1901 года состоялось собрание членов Братства. На этом вечере с рассказом о судьбах слабоумных детей выступили священники и миряне, в том числе протоиерей Философ Орнатский; пел хор студентов Духовной Академии под руководством известного церковного композитора А.А.Архангельского. [33]

Благодаря деятельности Братства для помощи несчастным детям удавалось привлечь лучших специалистов и щедрых жертвователей.

Митрополит Санкт-Петербургский
и Ладожский Антоний (Вадковский)
(1846-1912)

Священник Александр Рождественский
(1872-1905) основатель
Алекса́ндро-Невского общества трезвости

Константин Петрович Победоносцев
(1828-1907) обер-прокурор Святейшего
Синода 1880-1905

Владимир Карлович Саблер
(1845-1929) обер-прокурор
Святейшего Синода
1911-1915

Новый каменный дом приюта

На собранные средства от Всероссийского сбора рядом с деревянным домом на Б.Белозерской решено было построить каменный четырехэтажный дом, проект которого составили архитектора А.И. Балинский и Н.П. Козлов.

22 июня 1901 года на месте сада был заложен дом, который и сейчас сохранился. Молебен на его закладке служил епископ Ямбургский Сергей (Страгородский), ректор Петербургской Духовной Академии. Дом построили быстро и уже 15 сентября 1902 года состоялось его освящение. На первом этаже в 12 комнатах помещалось отделение для самых беспомощных и беспокойных детей. На втором в 14 комнатах жили дети, которых можно было обучать, а также находился кабинет врача, аптека и комната начальницы приюта. На третьем была школа и мастерские, а на четвертом - комнаты сестер-нянь. На всех лестницах были устроены предохранительные сетки, в окна вставлены особо прочные корабельные стекла. Новый дом соединили тёплым коридором со старым деревянным, где находилась церковь приюта.

Новый дом был рассчитан на двести детей, постоянно живущих и приходящих в школу, но на очереди оставалось ещё очень много нуждающихся. Была заведена книга кандидатов на поступление, в которой записывались фамилии всех, от кого поступали прошения или о ком сообщали. При приёме была очередность: принимался один петербуржец, один иногородний. Проводился врачебный осмотр и обследование семейного положения. Принимали детей всех вероисповеданий и всех сословий, не отказывая самым тяжёлым: буйным, парализованным, лежачим, детям с припадками и выраженными уродствами. Принимали всех, кому не было места дома, в школе, в больнице, других приютах. Так, был принят психически больной мальчик, имевший навязчивую склонность к поджогам и уже совершивший восемь поджогов. Принимались слабоумные дети, приученные родителями-алкоголиками к водке. Некоторые родители, не дожидаясь очереди, оставляли своих детей на паперти соседнего Введенского храма, в надежде, что их подберут милосердные люди. И их принимали в приют без документов. Некоторые дети, найденные на улице, не могли назвать своего имени и фамилии. Они так и числились неизвестными. Большинство призываемых из бедных семей принимались бесплатно, но за детей из обеспеченных семей плату вносили родители. Не все воспитанники в приюте были брошенными. Родители, которые не могли содержать своих больных детей дома, навещали их в приюте и заботились о них. В 1902 году в приюте на Большой Белозерской было 112 детей, из них 90 жили постоянно, а 22 ребенка были приходящими.[33] Их приводили утром, а уводили вечером.

Отчёты Братства содержат имена некоторых детей и обстоятельства их жизни до поступления в приют.

Катя, 10 лет. Отнята полицией у нищего эксплуататора. Слепая, немая, идиотка. Постоянно кланяется, то есть просит милостыню.

Мотя, 8 лет. Родители – алкоголики. Провела под столом на привязи шесть лет жизни. При поступлении в приют очень боялась столов и убегала от них, ела лёжа на полу, лакая пищу, как животное. Немая, очень буйная, постоянно кричит, всё хватает, ломает и грызёт.

Семён, 8 лет. Родители – крестьяне. Мальчик случайно был найден в лесу во время охоты голодным и полузамёрзшим. Идиот, немой. Всего боится, постоянно убегает и прячется.

Зина, 9 лет. Настолько буйная, что была привезена из Сибири в отдельном вагоне.

Известен случай, когда ребёнка устроил в приют отец Иоанн Кронштадтский. Мать на руках принесла в Кронштадт из Петербурга своего восьмилетнего слабоумного сына Мишу, который мог ходить только на четвереньках. По благословию отца Иоанна Кронштадтского мальчика приняли в приют на Б.Белозерской улице. Миша оказался добродушным и весёлым ребёнком, и маленькие обитатели приюта катались на нём верхом, что ему даже нравилось. Лишь через три года он научился ходить без помощи рук.

Приют постепенно получил известность как центр по изучению особенностей умственно отсталых детей. Была выпущена анкета для медицинского и педагогического обследования таких детей. При приюте в 1903 году открылась бесплатная лечебница для приходящих детей. Приём вел врач-психиатр Адриан Сергеевич Грибоедов. Из приютской аптеки больным бесплатно выдавали лекарства.

Постепенно в приюте было открыто шесть отделений:

Лазаревское, куда принимались глубоко умственно отсталые дети, которых невозможно было обучать. Они требовали, в основном, физического ухода.

Фребелевское, на котором детей приучали играть и обслуживать себя самостоятельно.

Беспокойное - для детей, опасных для себя и для окружающих.

Школьное, в котором была первая в России школа для отсталых детей.

Ремесленное – где обучали ремеслу подростков, закончивших школу.

Лазаретное - для заболевших воспитанников.

На Смоленском православном кладбище были выделены места

для бесплатного захоронения призреваемых и служащих приюта.

Приют на Большой Белозерской улице стали посещать студенты высших педагогических и медицинских учреждений со своими преподавателями. Профессор В.М. Бехтерев неоднократно проводил здесь занятия со студентами Императорской Военно-Медицинской Академии. Посещали приют также слушательницы Женского Педагогического [Открыт в 1903 году на Малой Посадской улице д. 26. При институте был храм во имя Иверской иконы Божией Матери. В настоящее время здесь находится факультет коррекционной педагогики (бывший дефектологический) Педагогического университета им А.И.Герцена] и Женского Медицинского [Открыт в 1897 г. В настоящее время - Первый медицинский университет им. академика И.П. Павлова, ул Льва Толстого (бывш. Архиерейская д. 4).] институтов, которые находились на Петроградской стороне недалеко от приюта.

6 марта 1903 года приют на Большой Белозерской посетили Император Николай II и Императрица Александра Федоровна. Гостей встречали член совета сенатор В.К. Саблер, председательница совета Братства графиня О.Д. Апраксина и начальница приюта Е.К. Грачёва. Их Величества поднялись в церковь на втором этаже старого деревянного дома, где митрополит Санкт-Петербургский Антоний совершил краткий молебен в сослужении священников членов Братства – Философа Орнатского, Александра Рождественского, Самуила Наркевича, Апполона Темномерова, Петра Миртова, Виктора Плотникова, архимандрита Михаила (Горельшева), настоятеля Троице-Сергиевой пустыни и иеромонаха той же пустыни Николая (Грачёва).

После молебна митрополит Антоний рассказал о чуде явления Божией Матери, бывшем на том месте, где находился престол храма и о приюте для несчастных детей. "А больной мальчик здесь предстоит в сонме священнослужителей" - закончил свою проповедь митрополит Антоний и представил о.Николая (Грачева) императорской чете, а затем каждого из священнослужителей и членов Совета Братства, собравшихся в храме. Митрополит благословил царскую чету точной копией чудотворной иконы. Император Николай II и императрица Александра Федоровна подробно осмотрели весь приют, расспросили о страданиях и лечении детей, многих приласкали, прослушали их пение, посмотрели их работы. Также осмотрели комнаты сестер, трапезную и школу. На прощание более здоровые воспитанники собрались у царского экипажа и пропели вместе с сёстрами вслед уезжавшим "Многая лета".

Через день были доставлены в приют игрушки, выбранные лично Императрицей Александрой Федоровной для раздачи воспитанникам. Это внимание особенно тронуло родителей, которые просили дать хоть пустую коробочку на память о милости царицы к их детям-страдальцам

Императрица Александра Федоровна пожертвовала 3500 рублей и стала Августейшей покровительницей приюта Братства во имя Царицы Небесной. И с этого времени отчеты о деятельности Братства ежегодно представляли императрице Александре Федоровне.[46]

Дом для приюта, построенный 1902 году. Вид со двора
(Фото ателье К.Буллы, 1907) из ЦГАКФФД СПб

Сестры и служители с детьми приюта.
Справа на стене портрет архимандрита Михаила (Горельшева)
(Фото ателье К.Буллы, 1907) из ЦГАКФФД СПб

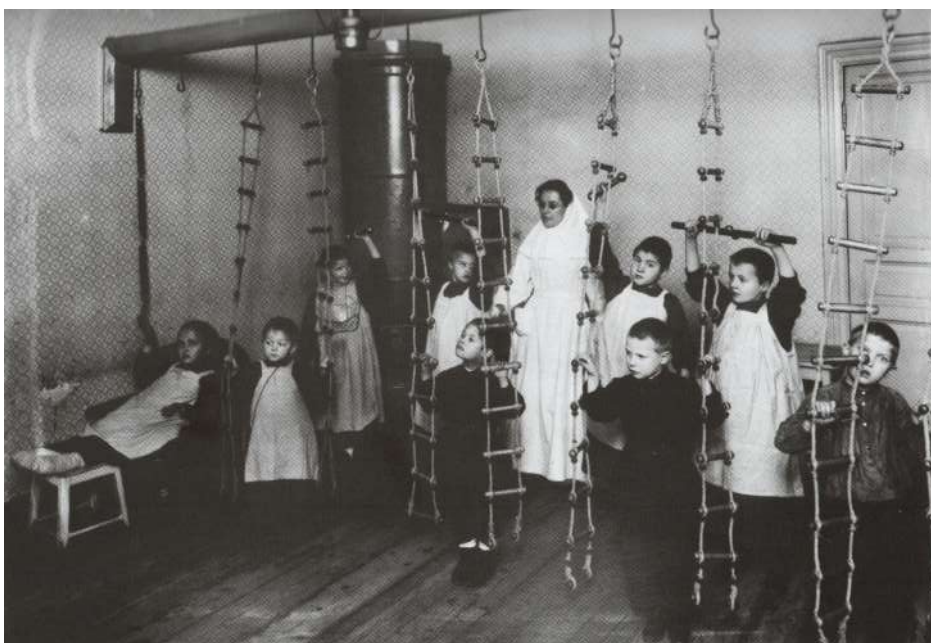
Дети в лазаретном отделении
(Фото ателье К.Буллы, 1907) из ЦГАКФФД СПб

Кухня приюта
(Фото ателье К.Буллы, 1907) из ЦГАКФФД СПб

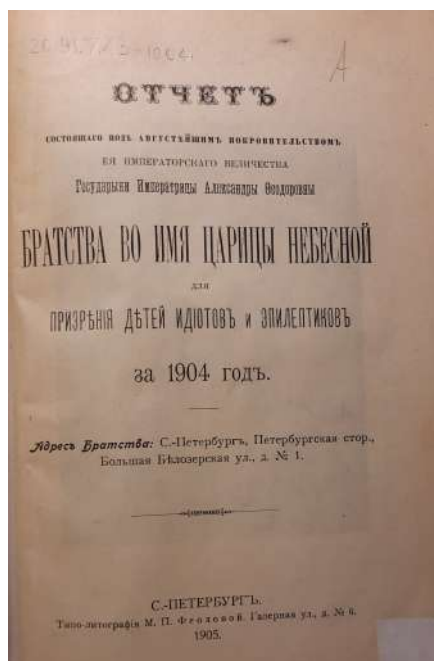
Прачечная приюта
(Фото ателье К.Буллы, 1907) из ЦГАКФФД СПб

Занятия лечебной физкультурой
(Фото ателье К.Буллы, 1907) из ЦГАКФФД СПб

Император Николай II
и императрица Александра Феодоровна

Девочки в комнате приюта
(Фото ателье К.Буллы, 1907) из ЦГАКФФД СПб

Обложки отчетов о деятельности
Братства во имя Царицы Небесной из РНБ

Жизнь детей в приюте

В начале XX века в приюте на Б.Белозерской улице обрели себе покой уход и ласку 200 умственно отсталых детей. Здесь их не обижали, не дразнили и даже не наказывали. Наказания были запрещены, так как дети больные. Был установлен режим дня, который соблюдать было не просто, так как многие дети до поступления в приют были не приучены ни к какому распорядку дня. В восемь часов утра дети вставали, но их старались не будить в виду их нервности. С половины десятого и до одиннадцати часов с детьми занимались, потом гуляли в саду приюта, где в летнее время они работали в небольшом огороде. В час дня обедали, с двух до четырех занимались рукоделием, потом снова занятия, в пять часов ужинали. В восемь вечера дети пили чай с молоком и хлебом и ложились спать. С детьми занимались по популярной тогда системе дошкольного образования, разработанной немецким педагогом Фридрихом Фребелем. Основу этой методики составляло развитие чувств, движений, памяти и речи ребенка.

С первых дней работы приюта воспитанников приучали к труду, ведь даже и для умственно отсталых детей бесполезна праздность. Были устроены различные мастерские – столярная, сапожная, шваберная, щеточная и переплетная для мальчиков, ткацкая, швейная и чулочная для девочек. Починку белья и ремонт обуви выполняли сами воспитанники. В столярной мастерской благодаря опытному столяру, который сумел заинтересовать своих учеников, дело пошло так успешно, что дети сами изготавливали мебель для приюта и могли даже принимать небольшие заказы. В ремесленном отделении старшие воспитанники работали по три часа утром и вечером. Изделия, изготовленные ими, продавались на ближайшем к приюту Сытном рынке.

Важным стимулом для привлечения к труду была его оплата - это пробуждало у детей чувство собственного достоинства. Заработанные деньги, как правило, отдавали родным. Те дети, которые раньше считались ни на что не способными, при правильном обучении смогли овладеть простой профессией и даже зарабатывать. "Теперь мы настоящие люди" - сказал один мальчик когда принес матери свой первый заработок — 15 копеек.[12]

Одновременно с приучением к труду более способных детей стали индивидуально обучать письму и чтению. На третьем году существования приюта в присутствии гостей провели проверочный экзамен, и ответы детей поразили присутствующих. Ведь еще тогда никто не верил, что их можно обучать. Было принято решение открыть школу для приютских и проходящих умственно отсталых детей, но денег не хватало. Решили устроить школу на деньги, вырученные от продажи детских работ - купили классную мебель и самые необходимые учебные пособия.

14 августа 1898 года через четыре года после основания приюта на Большой Белозерской улице открылась первая в России школа для умственно отсталых детей. Ни администрация, ни благотворители не затратили на школу ни рубля. Ученики берегли свои парты и книги, ведь они сами заработали на них. Устройство школы на заработок детей, причём детей умственно отсталых и инвалидов – явление необычное. В этой школе учились три года по специальной облегчённой программе, в которую вошли Закон Божий, чтение, письмо, пение, рисование и арифметика (четыре действия в пределах ста). Каждый урок начинался и заканчивался молитвой. В школе преподавали две учительницы и две сестры-няни. Для исправления речи была приглашена учительница из Императорского училища глухонемых (основанного императрицей Марией Федоровной на территории Воспитательного дома, в настоящее время – педагогический университет им. А.И.Герцена), директор которого – известный русский сурдопедагог А.Ф.Остроградский – был консультантом приюта.

Первые годы существования школы были годами опыта и эксперимента, ведь никаких методик и программ для таких детей не существовало. Почти сразу было понятно, что нельзя сразу начинать обучение с чтения и письма, а надо сперва приучить детей к порядку. Сначала классы были большими, как в обычной школе, потом стало ясно, что необходимо детей разделить по группам – не более 5-8 человек, чтобы можно было учитывать индивидуальные особенности каждого. Стало также очевидным, что нужно иметь много наглядных пособий, так как обучение таких детей возможно лишь с опорой на картинку или на предмет. На стенах класса повесили иллюстрации к Библии для обучения детей Закону Божию. Постепенно при школе был создан музей наглядных пособий и библиотека, в которой хранилось около двух тысяч книг.

В эту школу из разных учебных заведений переводили детей, которые по различным причинам не могли справиться с общей учебной программой. Здесь с ними занимались индивидуально, и некоторым удавалось вернуться в обычные учебные заведения. Главная задача администрации состояла в том, чтобы ученики полюбили школу. Ставили спектакли, которые имели для детей важное воспитательное значение: приучали к дисциплине, развивали память и речь. В школьном репертуаре были спектакли "Золотая рыбка", "Кот в сапогах", "Белоснежка", "Красная шапочка", "Принц и нищий" и "Жизнь за царя".

Двери школы были открыты для желающих ознакомиться с приёмами преподавания. В 1909 году вышла книга Е.К.Грачёвой "Вспомогательные школы для малоспособных и умственно отсталых детей".

1903 году, когда отмечали 200-летие основания Санкт-Петербурга в Таврическом дворце на международной педагогической выставке «Детский мир» были представлены работы воспитанников приюта Братства во имя Царицы Небесной - правильно сшитые платья, хорошо сделанные стулья и парты. Были подробно показаны и методы обучения умственно отсталых детей. Золотую медаль присудили заведующей приютом Е.К. Грачёвой, а работы ее воспитанников послали на международную выставку в Париж, где они были награждены почетным дипломом. В своем дневнике 9 июня 1903 года Екатерина Грачева записала: "Какая интересная выставка. Многому можно на ней поучиться. Я в рассказчика превратилась. Ежедневно много раз рассказываю на выставке все одно и то же о необходимости занятий с отсталыми детьми. Как мало знают этих детей, какие странные вопросы мне задают!" [12]

Приютские девочки за рукоделием
(Фото ателье К.Буллы, 1907) из ЦГАКФФД СПб

Девочки с сестрами за работой на ткацких станках
(Фото ателье К.Буллы, 1907) из ЦГАКФФД СПб

Девочки за починкой белья
(Фото ателье К.Буллы, 1907) из ЦГАКФФД СПб

Столярная мастерская
(Фото ателье К.Буллы, 1907) из ЦГАКФФД СПб

Мальчики за плетением корзин
(Фото ателье К.Буллы, 1907) из ЦГАКФФД СПб

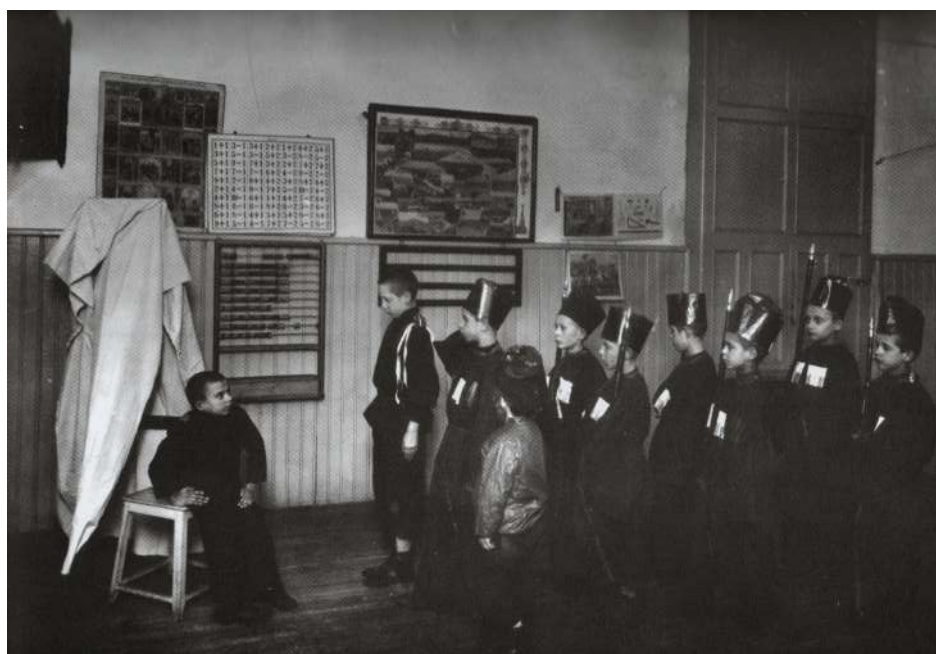
Урок в школе приюта, присутствуют учительница, сестра-няня и служитель-мужчина
(Фото ателье К.Буллы, 1907) из ЦГАКФФД СПб

Ученики в классе со служителем- мужчиной. На стенах иллюстрации к Библии
(Фото ателье К.Буллы, 1907) из ЦГАКФФД СПб

Сцена из спектакля "Жизнь за царя"
(Фото ателье К.Буллы, 1907) из ЦГАКФФД СПб

Детский спектакль в приюте
(Фото ателье К.Буллы, 1907) из ЦГАКФФД СПб

Сотрудники приюта

В первые годы после основания приюта для умственно отсталых нелегко было найти желающих за небольшую плату работать с такими трудными детьми. После основания Братства во имя Царицы Небесной и проведения всероссийского сбора приют получил известность, денежные средства его увеличились и появилась возможность нанять новых сотрудников. Приют, который прежде очень нуждался в людях по уходу за детьми, стал получать много прошений о приёме на работу. Основной труд по уходу за детьми выполняли няни. Их требовалось немало, так как количество детей в приюте постоянно увеличивалось. Некоторые девушки пришли сюда по благословению отца Иоанна Кронштадтского, который высоко ценил труд по уходу за такими детьми, считая его служением подлинно монашеским. О. Иоанн неоднократно бывал в приюте на Б.Белозерской улице, который находился недалеко от Иоанновского женского монастыря, основателем которого он был. В приюте трудились, в основном, послушницы монастырей. Много сестёр было из Казанского Вышневолоцкого монастыря Тверской епархии, подворье которого находилось на Малом проспекте Петербургской Стороны. Но не все послушницы и монахини оказались способными работать с такими детьми: игры с ними были им чужды, припадки пугали их, и они возвращались обратно в монастырь. Уход за воспитанниками был сложный, требовал много терпения и любви. Жизнь нянь в приюте была устроена как в общинах сестер милосердия. Во время служения больным детям они жили в приюте, не выходили замуж.

Так как большая часть сестёр стремилась к иноческой жизни то приют дал им возможность проводить жизнь подобную иноческой. Была введена форма одежды как у сестёр милосердия. Жили они по двое или втроем на четвертом этаже нового дома в комнатах похожих на кельи. Вставали в шесть часов утра, в половине седьмого собирались в церкви приюта для общей молитвы. Во время богослужения пел хор, составленный из сестер. Трапезы, во время которых читались жития святых, были общие, как в монастыре, соблюдение постов обязательным. По воскресеньям священники проводили духовно-нравственные беседы для сестер. Особенно сестры ценили встречи со священником Виктором Плотниковым (впоследствии епископ Венедикт), который очень поддерживал их в тяжелые минуты, многие считали его своим духовным отцом. Весь день сестры трудились при больных, поочередно дежурили ночью. Вечером все собирались в храме для общей молитвы.

Вскоре после основания приюта стало очевидным, что для ухода за психически больными детьми, кроме терпения и любви, необходимы профессиональные знания. Первые в России курсы по обучению уходу за такими детьми открылись 10 октября 1900 года для сестёр этого приюта. Курс обучения был рассчитан на два года и проходил по программе для сестер милосердия. Преподавали анатомию и физиологию, внутренние, хирургические и нервные болезни.

К этим предметам были добавлены специальные: исправление речи и обучение глухонемых, методика фребелевских занятий, массаж, лечебная гимнастика и педагогика.

Для более полного ознакомления с уходом за больными сёстры дежурили в Георгиевской общине сестёр милосердия, с которой у приюта установились прочные связи. Больница этой общины не отказывала умственно отсталым детям в госпитализации при тяжелых болезнях, тогда как другие городские больницы очень неохотно принимали таких особенных пациентов. Врачи общины В.Н. Зененко, Н.В. Стахович и В.В. Клименко преподавали на курсах и лечили воспитанников приюта. Начальница приюта Е.К. Грачева тоже училась на этих курсах и одновременно сама проводила занятия по уходу за слабоумными детьми. Ее беседы с сестрами-нянями о воспитании детей-идиотов и эпилептиков были изданы отдельной книжкой в 1902 году и стали первым пособием по олигофренопедагогике в России.

23 июля(5 августа) 1902 года, в день памяти прославления иконы Божией Матери "Всех скорбящих Радость" (с грошиками), состоялся первый выпуск сестёр, их было девять человек. После литургии и молебна в приютской церкви настоятель Троице-Сергиевой пустыни архимандрит Михаил (Горельшев) окропил святой водой форму сестер - чёрные передники с нашитыми на них белыми крестами. При выпуске с напутственным словом к сёстрам обратился член Совета Братства протоиерей Философ Орнатский: "Дорогие сёстры о Господе! ...Ваше служение ценится как самое значительное, превосходящее наше служение тому же делу. И мы трудимся: одни собирают средства, другие думают, как бы устроить наилучшее жилище для детей, иные думают, как бы вызвать к жизни приюты для таких детей по всей России. Но ваш труд непосредственного, постоянного изо дня в день необходимого служения детям превосходит все наши труды. Его нельзя купить, достойно оценить за деньги, как нельзя оценить на сребреники любовь Христову. Любовь к этим детям откроет и истинные радости служения им". [32]

Окончившие курсы получали звание сестры милосердия, но в отличие от них, этих сестер называли сестрами-нянями.

С первых дней основания приюта медицинскую помощь детям оказывали врачи Семен Львович Стуккей и Эрнест Августович Гизе. С 1896 года консультировать больных стал профессор В.М.Бехтерев, который порекомендовал для постоянной работы в приюте своего ученика молодого доктора А.С. Грибоедова.

В 1906 году в приюте на Б. Белозерской жили 134 воспитанника еще 50 детей ежедневно приходили сюда на занятия. За ними ухаживали тридцать сестер-нянь. Со старшими мальчиками-подростками работали шесть служителей мужчин, они же обучали их столярному, сапожному и переплетному ремеслу. Кроме того, в приюте трудились 10 человек наемной прислуги, а также сотрудники канцелярии и бухгалтерии. Заведующей приюта была Екатерина Константиновна Грачева.

Сёстры, закончившие курсы по уходу за умственно отсталыми детьми.

1902 год. В первом ряду в центре Е.К.Грачева
(фото из отчетов Братства во имя Царицы Небесной, РНБ)

Сёстры-няни с детьми.
На переднем плане
на четвереньках Миша,
принятый в приют
по благословию
о.Иоанна
Кронштадтского
(Фото ателье
К.Буллы, 1907)
из ЦГАКФФД СПб.

Сёстры с детьми в помещении приюта
(Фото ателье К.Буллы, 1907) из ЦГАКФФД СПб

Воспитанники приюта с сестрами
и доктором А.С. Грибоедовым
(Фото ателье К.Булы, 1907) из ЦГАКФФД СПб

Здание Георгиевской общины сестёр милосердия
Выборгская(Сампсонивская) набережная дом 9
(не сохранилось)

Подворье Казанского Вышне-Волоцкого женского монастыря Тверской губернии. Малый пр. П.С. дом 63 (не сохранилось)

Профессор Адриан Сергеевич Грибоедов (1875-1944) один из ближайших учеников В.М.Бехтерева, с 1903 г. врач приюта

Профессор Владимир Михайлович Бехтерев (1857-1927) с 1896 года консультант приюта, основатель Психоневрологического института

Приюты в других городах России

Прошения о приёме детей приходили со всей России, так как приют на Б. Белозерской был единственным, без слез их трудно было читать, порой невозможно было понять кому тяжелее — больному или его родным. Чтобы не собирать всех умственно отсталых в столице совет Братства решил открывать приюты в пригородах Петербурга в других городах. Деньги от всероссийского сбора в Крестопоклонную неделю Великого Поста из Петербурга перечисляли во вновь открытые приюты. Для помощи в устройении их приезжали из столицы сёстры-няни, закончившие специальные курсы при Братстве во имя Царицы Небесной.

На окраине Петербурга в Полюстрово недалеко от Безбородкинского проспекта еще до основания Братства благотворительница Л.З. Исакова пожертвовала участок земли для постройки приютской дачи. В третью годовщину со дня смерти архимандрита Игнатия 16 мая 1900 года там был освящен одноэтажный деревянный дом, построенный по проекту архитектора А.И. Балинского. У детей приюта появилась возможность проводить лето за городом, работать в огороде и приучаться к сельскому труду.

По повелению Николая II в 1902 году Министерство Государственных имуществ на Карельском перешейке рядом со станцией Райволо (ныне Рошино) выделило участок земли Братству во имя Царицы Небесной. Там в густом сосновом лесу по проекту архитектора А.И. Балинского был построен двухэтажный деревянный дом, рассчитанный на 50 человек. На втором этаже устроен храм во имя святого преподобного Сергия Радонежского. Посвящение храма связано с названием с Троице-Сергиевой пустыни. На освящение этого храма 9 июля 1903 года приехали из Петербурга многочисленные гости, пришла телеграмма от императрицы Александры Федоровны. Управление Финляндской железной дороги организовало бесплатную отправку детей и сотрудников приюта в Райволо.[33]

Через несколько лет там построили еще несколько деревянных домов для детей и сотрудников приюта. Были устроены мастерские – сапожная и шваберная, столярная и слесарная для мальчиков; швейная и вязальная для девочек. В Райволо перевели и более взрослых воспитанников, которые не могли обучиться грамоте и ремеслу, но могли работать на огороде и в поле, собирать хворост, помогать в уборке территории и помещений приюта. Часть воспитанников проживала здесь постоянно, став взрослыми, они оставались жить в Райволо.[33]

В 1905 году совет Братства во имя Царицы Небесной принял решение открыть приют для умственно отсталых детей в Москве. Для этого

арендовали у графини Ланской одноэтажный каменный особняк на Арбате в Дурновском переулке. Поскольку этот дом оставался в частном владении, то его нельзя было перестроить и приспособить к нуждам больных детей, но решили расположиться здесь, пока не найдут нужного дома. Ухаживать за детьми приехали из Петербурга несколько обученных сестер-нянь. Шамординский монастырь, основанный Оптинским старцем Амвросием, прислал туда своих послушниц. Заведующей этим приютом была назначена монахиня Ангелина из Петербургского Воскресенского Новодевичьего монастыря, променявшая тихую монастырскую жизнь на беспокойный и ответственный труд по уходу за умственно отсталыми детьми. В начале 1908 в этом приюте было уже 75 воспитанников.[33]

На средства Братства во имя Царицы Небесной в центре Москвы на улице Большая Полянка, был куплен деревянный одноэтажный дом на каменном фундаменте под № 61. Теперь появилась возможность немного перестроить и перепланировать его внутренние помещения и в сентябре 1908 года приют переехал в собственный дом. Жена Московского генерал-губернатора великая княгиня Елизавета Федоровна неоднократно посещала этот приют. Была она и на освящении приютского храма. В 1909 году 26 мая епископ Дмитровский Трифон (в миру князь Б.П. Туркестанов) освятил церковь во имя иконы Божией Матери "Всех скорбящих Радость" и сказал после богослужения "глубоко прочувствованное слово". Он очень поддерживал этот приют, участвовал в его делах, на проповедях неоднократно рассказывал о судьбах умственно отсталых детей, призывал к пожертвованиям. А по праздникам в свои архиерейские покои в Богоявленском монастыре он приглашал на чашку чая членов Братства, сестёр-нянь и воспитанников приюта.

В 1911 году на участке земли пожертвванной благотворителями на Зубовском бульваре под № 21 был заложен еще один дом для приюта. 13 октября 1912 года состоялось освящение нового трехэтажного дома и храма во имя иконы Божией Матери "Всех скорбящих Радость". Освящение совершил митрополит Московский Владимир (Богоявленский) в сослужении епископа Дмитровского Трифона (Туркестанова) и многочисленного московского духовенства. На одном клиросе пел хор певчих Чудова монастыря, а на другом - хор из детей и сестёр приюта. Присутствовала великая княгиня Елизавета Федоровна, протоиерей Философ Орнатский и графиня О.Д. Апраксина, специально приехавшие на это торжество из Петербурга, а также много приглашенных гостей, сочувствующих делам Братства во имя Царицы Небесной и его воспитанникам.[33]

Недалеко от Москвы в поселке Рублёво, там где сейчас располагаются дачи богатых людей, в 1908 году благотворительница Ю.М. Корзинкина

в память своего умершего сына Пантелеимона пожертвована участок земли для летнего отдыха детей приюта. 8 августа 1910 года епископ Трифон освятил построенную дачу с церковью во имя святого мученика Пантелеимона. Эту дачу в в Рублёво 26 октября 1911 года посетила великая княгиня Елизавета Федоровна, и, как написано в отчёте Братства за этот год, "осматривала постройки и помещения, ласкала детей и кофе кушать изволила".

Для сестер-нянь Московских приютов не было специальных курсов по обучению уходу за умственно отсталыми детьми. Они посещали занятия, которые проводили для них врачи в приютах, а также ходили слушать лекции в Марфо-Мариинскую обитель милосердия, основанную великой княгиней Елизаветой Федоровной, которая покровительствовала Московским приютам Братства Царицы Небесной - от нее поступали щедрые пожертвования.

В городе Курске приют для умственно отсталых был открыт в октябре 1902 года. Сначала он находился при психиатрической больнице в селе Сапогово в семи верстах от города, но в 1903 году приют перевели в специально купленный дом с садом в центре города. На помощь в организации приехали восемь подготовленных сестёр из Петербурга. Основные пожертвования на этот приют поступали из Курского Знаменского мужского монастыря.

В 1907 году появился приют в городе Вятке. Он был устроен богатым купцом Александром Ивановичем Швецовым. После того как этот купец ослеп от болезни, он не стал предаваться отчаянию, а искал себе утешения в молитве и добрых делах. Он прекратил свою коммерческую деятельность и в одном из своих собственных домов поселил 10 умственно отсталых детей. В этом приюте была семейная обстановка. Дети называли А.И. Швецова папой, а его жену мамой, и трогательно ухаживали за своим ослепшим папой. Приют был сначала частным, а затем перешел в ведение Братства во имя Царицы Небесной.

Были также основаны небольшие приюты Братства в городах Переяславле Полтавской губернии и Повенце Олонецкой губернии. Во всех приютах Братства во имя Царицы Небесной, открытых в других городах России, церкви освящали в честь иконы Божией Матери "Всех скорбящих Радость" в память о чуде, произошедшем от этой иконы, которое положило начало делу призрения умственно отсталых детей.

Дача приюта в Полюстрово, близ Безбородкинского (Кондратьевского) проспекта.
Не сохранилась. Фото нач. 20 в.
(фото из отчетов Братства во имя Царицы Небесной, РНБ)

Дом приюта с церковью св. преп. Сергия Радонежского в Райволо
(Фото ателье К.Буллы, 1907) из ЦГАКФФД СПб

Гости на освящении приютского храма св. преп. Сергия Радонежского в Райволо.
Слева направо в первом ряду стоит иермонах Николай (Грачев), далее сидят :
протоиерей Философ Орнатский, четвертая справа Е.К. Грачева, архимандрит Михаил
(Горельшев), за ним стоит справа о.Самуил Наркевич, далее сидит архиепископ Никон
(Налимов), В.К.Саблер, графиня О.Д.Апраксина, в белой шляпе архитектор
А.И.Балинский. Во втором ряду второй справа стоит доктор А.С.Грибоедов
(Фото ателье К.Буллы, 1907) из ЦГАКФФД СПб

Сестры с детьми на крыльце приюта. Райволо
(Фото ателье К.Буллы, 1907) из ЦГАКФФД СПб.

Внутренний вид приютского храма св. преп. Сергия Радонежского в Райволо
(Фото ателье К.Буллы, 1907) из ЦГАКФФД СПб

Москва. Дурновский переулок, дом графини Ланской, где первоначально
располагался приют Братства Царицы Небесной. 1905 г.
(фото из отчетов Братства во имя Царицы Небесной, РНБ)

Курск. Здание приюта. 1907 г.
(фото из отчетов Братства во имя Царицы Небесной, РНБ)

Митрополит Трифон
(в миру князь Туркестанов)
(1861-1934)

Вел.кн.Елизавета Фёдоровна (1864-1918)
основательница Марфо-Мариинской
обители милосердия в Москве

Приют в начале XX века

Количество членов и жертвователей Братства увеличивалось с каждым годом. Если в 1903 году их было около одной тысячи человек, то в 1913 - уже более трех тысяч.[33] Члены Братства являлись и его жертвователями. Их имена сохранились в ежегодно издаваемых отчетах, среди них немало людей известных: великие князья Георгий Михайлович, Сергей Михайлович и Кирилл Владимирович, княгиня Н.А. Бяратинская, князь Н.Д. Голицын, графиня М.В. Орлова-Давыдова и другие. Но были пожертвования от людей, которые хотели остаться неизвестными, тогда записывали только их имена, а то и просто инициалы. Присылали деньги крестьяне различных сел, школьники и студенты, солдаты и офицеры, даже больные, лечившиеся в больницах и призреваемые в богадельнях. Помощь поступала от монастырей и храмов, среди жертвователей было много священников и монахов.

Ежегодные собрания членов Братства проходили в помещении приюта, их возглавлял Санкт-Петербургский митрополит, но иногда бывало так, что присутствовали одновременно сразу три митрополита: Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский), Московский Владимир (Богоявленский) и Киевский Флавиан (Городецкий).[33] Собрания начинались молитвой, затем читали и обсуждали отчет о деятельности за прошедший год, принимали новых членов, а в конце произносилась проповедь. На этих собраниях проблемы умственно отсталых детей обсуждали архиереи и священники, государственные деятели и купцы, врачи и педагоги.

В разные годы в здании приюта можно было встретить известных церковных деятелей: о.Иоанна Кронштадтского, митрополита Петроградского Вениамина (Казанского), архиепископа Ярославского Тихона (Белавина) - впоследствии патриарха, архиепископа Волынского Антония (Храповицкого) - впоследствии митрополита, архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского) - впоследствии патриарха, архиепископа Тверского Серафима (Чичагова) - впоследствии митрополита, архиепископа Тобольского Гермогена (Долганова). Частыми гостями были здесь настоятели Троице-Сергиевой пустыни: Варлаам (Никифоров), Михаил (Горельшев), Сергей (Дружинин) и монахи этого монастыря.

В начале XX столетия в приюте стало тесно. Поступали новые дети, старый деревянный дом, где первоначально находился приют, ветшал. Архитектор Братства А.И. Балинский признал, что ремонтировать его уже невозможно, необходимо строить новый.

Банкир Яков Исаакович Утин пожертвовал 125 тысяч рублей на его строительство. Проект дома составил А.И. Балинский, но в сентябре 1913 года он скончался, и достраивали уже под руководством архитектора А.А. Яковлева.

Перед началом строительных работ 14 июня 1913 года митрополит Санкт-Петербургский Владимир отслужил молебен, во время которого пели иноки Троице-Сергиевой пустыни. После этого состоялось общее собрание членов Братства, зачитали телеграмму от императрицы Александры Федоровны. На молебен она прибыть не смогла, но помнила об этом и с яхты "Штандарт" прислала телеграмму на имя митрополита Владимира: "В день начала работ по постройке нового дома Братства с церковью во имя Божией Матери "Всех скорбящих Радости" - я молитвенно с Вами, Владыка, и со всеми собравшимися на это торжество". Члены Братства составили и послали ответную телеграмму. [20]

Разобрали старый деревянный дом, где находилась церковь приюта, ее убранство перенесли на приютскую дачу в Полюстрово. Во то время большая часть воспитанников находилась в Райволо.

Через два года, 11 июня 1915 г., состоялось освящение нового дома и храма в честь иконы Божией Матери "Всех скорбящих Радость". Храм разместили по прежнему на том самом месте, где было явление Царицы Небесной отроку Николаю, а на углу здания построили небольшую часовню.

Освящение совершил митрополит Петроградский Владимир (Богоявленский). В служении литургии приняли участие архиепископ Вениамин (Казанский), протоиерей Философ Орнатский, настоятель Троице-Сергиевой пустыни архимандрит Сергей (Дружинин) и иеромонах Николай (Грачёв).

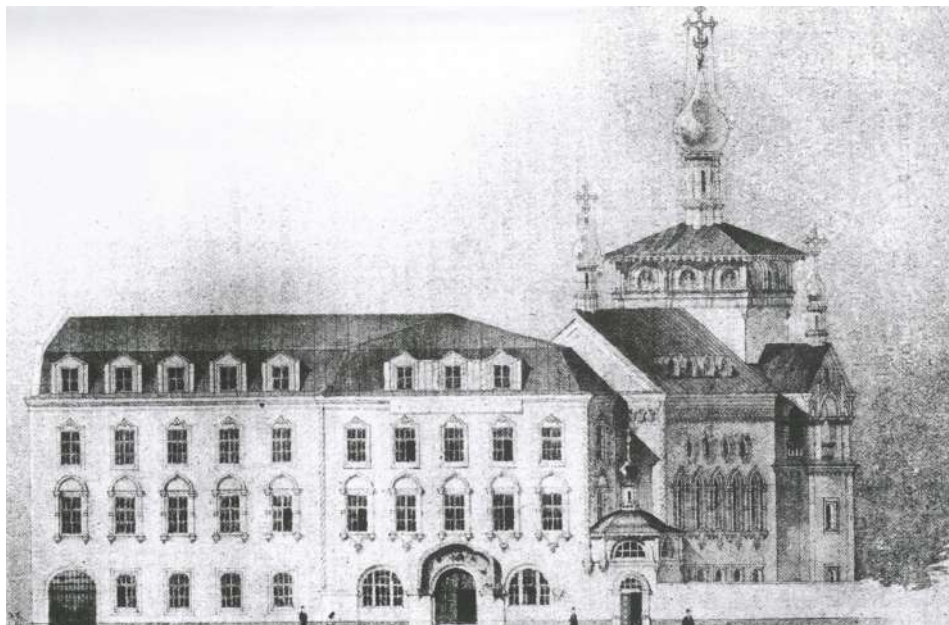
Однако в новый дом не поселили умственно отсталых детей. Шла Первая Мировая война и в Петрограде оказалось много людей, бежавших из прифронтовых городов и сел. Чтобы помочь им в новом здании решили устроить временный приют для 140 детей беженцев. Предполагалось, что сразу же после окончания войны сюда поселят воспитанников приюта. Часть старого здания отдали под лазарет для раненых воинов. Но не успела закончиться война, как произошла революция 1917 года. После отделения Финляндии от Советской России дети, находившиеся в приюте в Райволо оказались за границей на территории Финляндии. После советско-финской войны, "зимней

войны" 1939-1940 года Карельский перешеек вошел в состав Советского Союза. В поселке Райволо, переименованном в Рошино, в сохранившихся зданиях приюта разместили сначала туберкулезный санаторий, а потом базу отдыха. Но после пожара от домов остались только руины.

В марте 1918 года при настоятеле о. Иоанне Титове был закрыт храм в новом здании приюта на Б.Белозерской. Потом его открыли на некоторое время как приходской, а в 1923 году закрыли окончательно. Приют Братства во имя Царицы Небесной был превращен в интернат для "нравственно-дефективных" детей. Потом интернат расформировали, и в здании находились разные учреждения: школа, а на четвертом этаже - коммунальные квартиры. Во время Великой Отечественной войны здесь размещался госпиталь, после войны - снова школа, а в 1963 году здание передали музыкально-педагогическому училищу.

В столетнюю годовщину со дня явления на этом месте Божией Матери отроку Николаю Грачеву 4 декабря (17 декабря) 1990 года училище посетил митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн (Снычев) с представителями духовенства. Митрополит отслужил водосвятный молебен и окропил все здание святой водой, а также освятил часовню во имя иконы Божией Матери "Всех скорбящих Радость", отреставрированную к этому дню. В концертном зале — бывшем помещении храма - учащиеся и преподаватели исполнили перед гостями церковные песнопения. Это событие способствовало тому, что у студентов и педагогов возник интерес к истории здания. Постепенно стало традицией, что в самом начале учебного года преподаватели проводят для первокурсников экскурсию по этому необычному дому.

На фасаде училища со стороны Пушкарского сквера, где раньше стоял Введенский храм, взорванный в 1932 году, в начале XXI века появилась мемориальная доска с именами архитекторов и датой постройки первого в России приюта для умственно отсталых детей-инвалидов. Это здание признано памятником истории и культуры регионального значения.

Проект нового здания приюта с храмом во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» составленный архитектором А.И.Балинским
Фото из отчетов Братства Царицы Небесной, РНБ

Здание приюта с часовней и храмом,
построенное в 1915 г. на ул.Воскова дом 1
(бывш. Бол. Белозерской)

Парадная лестница вестибюля
музыкально-педагогического училища.
Витраж иконы Божией Матери

Дети с сёстрами в вестибюле нового здания приюта. 1916 г.
(Фото ателье К.Буллы) из ЦГАКФФД СПб

Вестибюль музыкально-педагогического училища. Улица Воскова, дом 1

Руины Введенского храма, взорванного в 1932 году.
За ним здание приюта со снятыми куполами и крестами

Домовый храм во имя иконы Божией Матери
«Всех скорбящих Радость» на 2 этаже здания
(Фото ателье К.Буллы, 1916) из ЦГАКФФД СПб

Концертный зал музыкально-педагогического училища в бывшем помещении храма

Памяти Николая и Константина Грачёвых

В заключение хотелось бы более подробно рассказать о судьбе Николая и Екатерины Грачевых, с именами которых связано основание приюта и Братства во имя Царицы Небесной.

После исцеления брата по благословению архимандрита Игнатия (Мальшева) Екатерина Константиновна всю свою жизнь посвятила умственно отсталым детям. Около двух тысяч обездоленных и отвергнутых детей были ею лично устроены, обласканы, воспитаны. Любовь её к ним была так велика, что ее нисколько не смущали их физические недостатки, а подчас уродства и неопрятность, которыми нередко сопровождается умственная отсталость. Она не брезговала никакой работой, даже самой нечистой. Став сестрой милосердия, Екатерина Константиновна не вышла замуж, своих воспитанников считала своими детьми и провела с ними почти 40 лет своей жизни. Приют не был для нее местом работы, куда приходят и уходят. Она и жила среди этих детей, в том же доме, занимая одну небольшую комнату.

В течение многих лет она вела дневник наблюдения за воспитанниками и анализировала свои записи. Из дневника Е.К. Грачевой от 25 ноября 1897 года: "Вчера многие приезжали меня поздравлять - мои именины. Детям было то же угощение, что и для гостей. Многие нашли, что это лишняя трата денег. Но я не знаю семьи, где бы детям давали худшую еду. Напротив, если даже люди не богаты они стараются детям дать получше, то, что подороже. Почему мои дети исключение? Говорят, что я их слишком балую. Но ведь пока это не приют, а моя семья". [12]

Екатерина Константиновна вникала во все подробности жизни своих подопечных и учила этому сестёр-нянь. Для них она проводила беседы о воспитании и развитии умственно отсталых детей. Эти беседы были изданы в 1902 году и стали первым в России руководством по работе с глубоко отсталыми детьми и эпилептиками. Безграничная любовь к детям, вера в возможность их развития, простота и конкретность повествования придают этой книге особое обаяние. Здесь даны подробные указания, о том, как учить детей одеваться, умываться, молиться, как их кормить и как с ними играть.

Приступив к занятиям со слабоумными детьми, Екатерина Константиновна с первых дней столкнулась с большими трудностями, ведь никакие из существовавших учебных программ не подходили к её воспитанникам. Ей приходилось самой искать методы обучения, придумывать и изготавливать наглядные пособия. В результате упорного

труда, путем проб и ошибок, появилась методика обучения и система занятий. Уникальность деятельности Е.К. Грачевой состоит в том, что не имея специального образования, которого и не было тогда в России, она стала основательницей первой вспомогательной школы, создала методику обучения умственно отсталых детей. Она была автором первых учебников по олигофренопедагогике, которые и сейчас в качестве практического руководства не утратили своего значения.

Когда среди воспитанников приюта оказались три слепоглухонемых ребенка, то Екатерина Константиновна приложила все усилия чтобы помочь им. Она консультировалась с врачами, советовалась со специалистами в Императорском училище глухонемых и в Александро-Мариинском училище слепых. Но обучением слепоглухонемых в России никто еще не занимался. Тогда она написала брошюру под названием "Он слеп, он глух, он нем", в которой рассказала не только о страданиях, но и о возможностях этих детей. Вскоре нашлись в Петербурге влиятельные и не равнодушные люди, обратившие внимание на эту проблему и было основано Общество попечения о слепоглухонемых.

Чтобы ознакомиться с зарубежным опытом работы с умственно отсталыми детьми, Е.К. Грачева совершила путешествие в Европу. Она хорошо знала французский и немецкий языки, что позволило ей в течении нескольких месяцев во Франции в г. Бисетре практиковаться в качестве воспитательницы в детском отделении "Убежища для слабоумных", директором которого был доктор Д. Бурневиль. В Германии в г.Билефельде Екатерина Константиновна познакомилась деятельностью пастора Фридриха Боденшвинга, который основал целый городок милосердия для психически больных детей и взрослых. Впечатления от поездок она описала в книге: "Приюты-школы для детей идиотов и эпилептиков в Швеции, Франции и Германии". Две книги [9] и [19] Е.К. Грачева посвятила деятельности пастора Ф. Боденшвинга. Узнав о нем, отец Иоанн Кронштадтский послал ему свой портрет с надписью "Брату во Христе".

Екатерина Константиновна была не лишена и литературного таланта. Все ее книги и статьи написаны красивым, выразительным, ясным, трогающим душу читателя, языком.

В 2002 году в журнале "Духовный собеседник"[7] были впервые опубликованы воспоминания Екатерины Грачевой, обнаруженные в архиве митрополита Мануила (Лемешевского). Эти воспоминания открыли нам картину внутренней жизни приюта на Б.Белозерской улице, которая не отразилась на страницах отчетов Братства во имя Царицы Небесной.

У Екатерины и Николая Грачёвых была особенная любовь к больным детям. Много перестрадавшие, не имевшие собственных детей, они полюбили приютских детей, как родных. И эта любовь была многим непонятна, ведь далеко не каждый может полюбить чужого слабоумного ребенка, его душу, его лицо, искаженное болезнью. Ведь и сейчас нередко можно услышать вопросы: для чего живут такие дети? Не лучше ли их усыплять?

Пока приют был беден и помещался в небольшом деревянном доме, в нём работали лишь те, кому действительно была небезразлична судьба этих отверженных детей. Работали безвозмездно, еще и свое приносили. Но когда после всероссийского церковного сбора пожертвований в приют стали поступать большие деньги, то работать в нем стало выгодно и престижно. Пришли новые люди, и не все они могли полюбить умственно отсталых детей так, как любили их Грачевы. Для некоторых сотрудников эти дети были всего лишь призреваемые, и чем дешевле их содержание, тем лучше. Как заведующая приютом, Е.К. Грачёва не жалела денег на улучшение жизни маленьких страдальцев. У каждого ребенка был свой столик, свои игрушки, детей хорошо одевали и кормили. Но потом было решено поставить дело так, как в обычных приютах: сократить расходы на детей и увеличить зарплату служащим. Екатерину Константиновну обвинили в излишних расходах, и вообще она со своим отношением к детям, оказалась неудобной. Когда на собрании членов Братства, которое проходило в памятный для России день - 9 января 1905 года, она выступила слишком резко, высказав много горькой правды, то нервы ее не выдержали, и она заболела нервным расстройством. И хотя она скоро поправилась и много работала по-прежнему, но для многих она так и осталась "ненормальной". Велись даже разговоры о помещении ее в больницу для душевно больных. И поэтому Екатерине Константиновне в 1910 году пришлось перейти на новое место службы - в Мариинский приют калек и умственно отсталых, который находился под покровительством великой княгини Марии Павловны. Двухэтажное кирпичное здание с церковью Божией матери "Утоли мои печали" было построено в 1905 году и находилось на станции Удельная (современный адрес: улица Аккуратова, дом 11). Екатерину Константиновну пригласили туда наладить учебно-воспитательную работу с детьми. В этом приюте, в основном, находились больные дети обеспеченных родителей, которые платили за них.

Но после 1917 года в Мариинский приют стали поступать беспризорники, их называли тогда "морально-дефективными". Грачева записала о них в своем дневнике: "дерзкие, непослушные, озлобленные. Запоров для них не существовало. Ложкой каждый замок откроют. Ругань, пение плохих песен, причинение обид слабым, не подчинение никаким правилам".[12]

В 1918-1920 годах она была лектором краткосрочных педагогических курсов по подготовке специалистов для работы с "дефективными детьми" - так тогда стали называть детей-инвалидов. Екатерина Константиновна продолжала работу в Мариинском приюте, преобразованном после революции в детский дом для умственно отсталых детей, до 1930 года. В возрасте 63 лет по состоянию здоровья она вышла на пенсию и занялась подготовкой к печати своей последней книги "Воспитание и обучение глубоко умственно отсталого ребенка", которая была издана в 1932 году с предисловием известного советского психолога Л.С. Выготского. На обложке после имени, отчества и фамилии автора, стояло имя, которым называли её дети - "тётя Катя". Эта книга представляет собой литературно оформленный итог её 35-летней работы. С какой любовью писала она о своих воспитанниках! Книга иллюстрирована фотографиями её подопечных, при взгляде на которых сердце обычного человека сжимается от жалости и невольного страха - так искалечены болезнью многие из них. А она их всех любила и долго, в течение всей жизни, молилась о них.

Е.К. Грачева скончалась 2 февраля 1934 года на 68 году жизни. Место ее захоронения найти не удалось, но на Смоленском православном кладбище сохранились могилы ее родителей и старшей сестры Ольги. Вполне вероятно, что и Екатерину Константиновну похоронили здесь вместе с родными, но нет там ее надгробия. Может быть стоял на ее могиле простой деревянный крест, который не сохранился до наших дней.. Не удалось найти и кладбищенские архивы за то время.

Отцом Николаем (Грачёвым) тоже были не довольны в приюте на Б. Белозерской. Некоторым он казался странным с его стремлением к молитвенной монашеской жизни и неподкупной честностью. Из-за тяжелых болезней в детстве он остался невысокого роста, его называли "маленьким батюшкой". О том, что он когда-то страдал припадками, было известно многим. И хотя припадки никогда в его жизни больше не повторялись, находились люди, которые не стеснялись говорить, что он такой же, как и все призреваемые.

Но богослужения иеромонаха Николая в маленькой, низенькой приютской церкви на втором этаже старого деревянного дома, где явилась ему Пресвятая Богородица, привлекали много молящихся. Иеромонах Николай служил с удивительным благоговением и в совершенстве изучил богослужение, хотя духовного образования не получил. Он отказался поступать в семинарию, когда приглашенный для подготовки к экзаменам студент духовной академии оказался атеистом. Это очень испугало Николая, и он стал готовиться

к принятию священства монашеским путем в Троице-Сергиевой пустыни. Он много занимался самостоятельно, хорошо рисовал. С детства он был очень внимателен к богослужению: после исцеления еще мальчиком прислуживал во Введенском храме, нередко бывал на подворьях Троице-Сергиевой и Киево-Печерской лавры. Несмотря на слабость здоровья, которая у него осталась на всю жизнь, он много путешествовал по монастырям: был на Валааме, принимал участие в прославлении преподобного Серафима в Сарове, совершил далекие и трудные для него путешествия в Иерусалим и на Афон. Результатом этих путешествий явились две написанные им книги о богослужебных чиноположениях и обрядах в разных церквях и монастырях, изданные в 1915 году. [30] и [31].

В практической жизни, как настоятель приютского храма, некоторым отец Николай казался "неподходящим", хотя дети очень любили "маленького батюшку", для них он был своим. Но для сотрудников приюта он оказался невыгодным и неудобным. Дохода его церковь не приносила, несмотря на множество богомольцев, которым он нередко сам помогал материально. "Здесь скоро не будет духа Грачёвых" - говорила новая начальница приюта. О. Николая стали потихоньку выживать с должности настоятеля. Он не жаловался, только молился и молчал. После освящения храма в новом здании приюта в 1915 году о. Николая вернули в Троице-Сергиеву пустынь, монахом которой он был. Тяжелым горем для него была невозможность служить в храме на месте явления ему Пресвятой Богородицы. В декабре 1917 года он решился написать прошение митрополиту Петроградскому Вениамину с просьбой разрешить ему служить в приютском храме, и хотя разрешение было получено, но отец Николай не мог им воспользоваться, так как новый настоятель этого не хотел.

В трудное послереволюционное время, о.Николай часто голодал, отдавая пищу бедным прихожанам монастыря, тяжело переживал революционную катастрофу. Горе и голод окончательно подорвали его здоровье. Последнюю литургию в своей жизни он служил в Иоанновском монастыре 20 сентября 1918 года. И в этот же день появились у него опасные признаки предсмертной болезни. Иеромонах Николай (Грачев) скончался 24 сентября (7 октября) 1918 года на 42 году жизни на руках своей сестры. Похоронили его в Троице-Сергиевой пустыни. На отпевание собралась вся братия монастыря и многочисленные его духовные чада. Могила иеромонаха Николая (Грачева) не сохранилась на уничтоженном в годы советской власти монастырском кладбище. Но в начале XXI в. за алтарем храма св. преп. Сергия Радонежского установили надгробный крест о. Николаю (Грачеву) рядом с могилой протоиерея Михаила Прудникова, который, как удалось выяснить, тоже был членом Братства во имя Царицы Небесной.

Не сохранились могилы Екатерины и Николая Грачевых, почти нет их фотографий. А ведь это настоящие подвижники благочестия, и есть надежда, что их жизнь и тихий подвиг станут известны многим.

**Екатерина Константиновна
Грачёва**

14 ноября (26 ноября) 1866 г.— 2 февраля 1934 г.

Воспитанники и служащие Мариинского приюта.
В первом ряду среди детей в центре Е.К. Грачева
(Фото ателье К.Буллы, 1914) из ЦГАКФФД СПб

Попечители и сотрудники Мариинского приюта.
В первом ряду сидит крайний слева архимандрит Михаил (Горельшев),
четвертая справа — Е.К.Грачева
(Фото ателье К.Буллы, 1914) из ЦГАКФФД СПб

Здание где находился Мариинский приют для детей-калек и умственно-отсталых
с церковью Божией Матери «Утоли мои печали» ул. Аккуратова (быв. Мариинская), дом 11

Ул. Аккуратова, дом 11.
За забором интернат для трудных подростков

Иеромонах Николай (Грачев)
3 декабря (15 декабря) 1876 г.-
24 сентября (7 октября) 1918 г.

Справа надгробный крест
иеромонаха Николая (Грачева)
в Троице-Сергиевой пустыни.
Слева могила протоиерея
Михаила Прудникова
(1850-1922)

Заклучение

О Екатерине Константиновне Грачевой пишут в современных учебниках по истории олигофренопедагогик. О ней отзываются как о первом русском дефектологе, работавшем с глубоко умственно отсталыми детьми, авторе первых пособий и методик, не утративших практического значения до сегодняшних дней. И везде на фотографиях она неизменно в косынке сестры милосердия. Но не принято было при советской власти писать о чудесном исцелении её брата, ставшего иеромонахом Троице-Сергиевой пустыни, и о Братстве во имя Царицы Небесной, объединившем для помощи умственно отсталым детям лучших людей России, некоторые из которых приняли мученическую кончину и ныне причислены к лику святых.

Членами Братства были люди разных сословий и вероисповеданий: аристократы и простолюдины, богатые и бедные, православные, католики и лютеране. Деятельность Братства во имя Царицы Небесной поднимала одну из важнейших человеческих проблем о значении и роли умственно отсталых людей в обществе. Ведь есть промысл Божий в том, что во все времена и у всех народов рождались дети, которых общество презрительно называет неполноценными. И развитие современной медицины не избавило нас от рождения таких детей. Эти дети рождаются для того, чтобы мы учились любви, чтобы эта любовь распространялась не только на умных, здоровых, красивых, но и на всех детей, которых посылает нам Господь.

Приюты Братства во имя Царицы Небесной не были делом только специалистов — врачей и педагогов. Это было делом всего народа — призреть самых несчастных, самых отверженных своих детей. Это стало частью нашей Российской истории. В наше время важно вспомнить, что начало призрению умственно отсталых детей положило чудо исцеления отрока Николая Грачёва от иконы Божией Матери "Всех скорбящих Радость" (с грошиками).

Приложение 1

Члены Братства во имя Царицы Небесной причисленные к лику святых

**протопресвитер
Алексей Ставровский
(1834 - убит в 1918)**

**епископ Гермоген
(Долганов)
(1858 - убит в 1918)**

**митрополит Владимир
(Богоявленский)
(1848 - убит в 1918)**

**архиепископ Венедикт
(Плотников)
(1872 - убит в 1937)**

**епископ Сергей
(Дружинин)
(1863 - убит в 1937)**

**писатель Евгений
Николаевич
Погожев(Поселянин)
(1868 - убит в 1931)**

**протоиерей Иоанн
Кронштадтский
(1829 - 1909)**

**великая княгиня
Елизавета
Федоровна (1864 -
убита в 1918)**

**митрополит Серафим
(Чичагов)
(1856 - убит в 1937)**

**митрополит Вениамин
(Казанский)
(1873 - убит в 1922)**

**патриарх Тихон
(Белавин)
(1865 - 1925)**

**протоиерей Философ
Орнатский
(1860 - убит в 1918)**

Приложение 2

Прошение от иеромонаха Николая (Грачева) Митрополиту Вениамину Петроградскому

Его Высокопреосвященству
Всемилоостивейшему Архипастырю
Высокопреосвященнейшему Вениамину
Митрополиту Петроградскому и Гдовскому
От иеромонаха Троице-Сергиевой Пустыни
Николая Грачева

Всепокорнейшее прошение

25 сентября 1901 года своим начальством я был назначен исполнять обязанности настоятеля и священнослужителя при церкви приюта Братства во имя Царицы Небесной для детей идиотов и эпилептиков в Петрограде, где исполнял таковую должность до 24 июля 1915 года, после чего возвратился в свой монастырь, т.е. в Сергиеву Пустынь. В настоящее время Совет названного Братства предлагает мне опять занять при этой церкви должность священнослужителя при настоятеле той церкви священнике Иоанне Титове. С разрешения моего ближайшего начальства Настоятеля Троице-Сергиевой Пустыни архимандрита Сергия, осмеливаюсь почтительнейше обратиться к Вашему Высокопреосвященству, Милостивейший архипастырь и Владыка, о разрешении мне возвратиться опять на прежнее место моего служения, на то дорогое для меня место, на котором я, больным мальчиком, удостоился видения Царицы Небесной и на котором имею желание, если сие будет угодно Заступнице Усердной Рода Христианского, пребыть до конца дней моей жизни.

18 декабря 1917 года

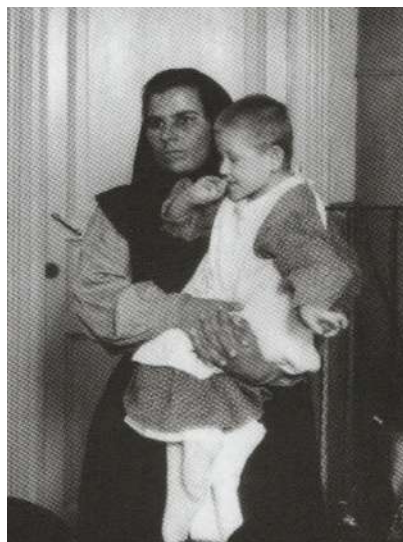
Долг имею почтительнейше донести Вашему Высокопреосвященству, что на переход иеромонаха вверенной мне Троице-Сергиевой пустыни Николая Грачева из Пустыни в церковь, что при приюте Братства во имя Царицы Небесной в Петрограде для изложенной в его прошении цели, я со своей стороны препятствий не имею.

Вашего Высокопреосвященства
послушник Архимандрит Сергей
(Дружинин)

18 декабря 1917 года

№ 636

Приложение 3
Е.К. Грачева

***БЕСЕДЫ С СЕСТРАМИ-НЯНЯМИ
О ВОСПИТАНИИ
И РАЗВИТИИ ДЕТЕЙ-ИДИОТОВ
И ЭПИЛЕПТИКОВ***

С-Петербург

1902 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для вас, несчастные матери, имеющие больных, ненормальных детей, решила я напечатать эти беседы; заранее прошу простить меня за то неизмеримо малое, далеко несовершенное, что я могу сообщить вам, — ведь я не получила никакой специальной, медицинской подготовки; все немного, что я знаю, приобретено мною лишь практически, при уходе в продолжение 7 лет за 106 ненормальными детьми. В последние годы издано много руководств по обучению глухонемых; в журналах часто попадаются статьи по воспитанию и обучению их, а также и слепых детей, — печальное исключение составляют дети-идиоты и эпилептики; о них точно забыли, а ведь многие из них, — говорю по опыту, — могут развиваться; к сожалению нет руководств по занятию с ними: ни одна книга по педагогике не дает указаний, как поступать с детьми ненормальными, как развивать их, сдерживать их порывы. Книги по психиатрии — подробно разбирают строение черепа, наследственность, причины и лечение психических болезней, но ни слова не говорят о занятиях и развитии ненормальных детей. Очень немного можно применить к этим детям из занятий по так называемой Фребелевской методе: трудно подчиняются они дисциплине; фантазия и память многих совсем не развита, часто даже отсутствуют, а многие занятия и совсем недоступны для них: слишком трудны. Конечно, есть дети, которых нельзя развить: это полные идиоты, требующие лишь физического ухода; или беспокойные, за которыми нужен только самый бдительный надзор, — ежеминутно они могут причинить вред как себе, так и окружающим, но таких несчастных детей, благодаря Богу, немного, — большая часть из них может развиваться, — конечно, при соответствующей обстановке, обучении и воспитании. Порою приходится слышать мнение: «зачем стараться развивать их, ведь умным все равно их не сделать», — некоторые находят даже неразумными затраты на материалы для ручного труда; а другие идут еще дальше и высказывают, что «лучше было бы истреблять идиотов и калек, по примеру Спарты», — но ни христианский, ни общегосударственный закон не позволяют воспользоваться примером Спарты, а потому эти несчастные дети будут жить и страдать: эпилептики — своим внезапным криком, падением, судорогами будут постоянно пугать своих здоровых братьев и сестер и «могут довести их, если не до эпилепсии, то до истерии» (мнение проф. Ковалевского), а идиоты могут принести еще худший вред, — до поджога и убийства включительно; а потому — как это ни тяжело — дети идиоты и эпилептики должны быть удалены из среды здоровых детей и помещены в специально устроенные для них приюты-больницы или приюты-школы (смотря по их болезни и умственному развитию). Очень трудно, почти невозможно воспитывать их дома: то из-за материальных

недостатков нельзя отдавать больному столько времени, сколько ему необходимо (для беседы, прогулок и занятий); то домашняя обстановка раздражает как больного, так и окружающих его, то он является жертвой насмешек или, наоборот, от него страдают живущие вместе с ним... Больного необходимо удалить! но куда?!! Братство во имя Царицы Небесной имеет целью призывать, лечить и учить таких несчастных, больных детей; а также и отсталых детей, исключаемых из школ за малоспособность; но в настоящее время оно призывает только наибеднейших детей, спасая их от истязаний и голода; расширение его деятельности всецело зависит от пожертвований, а кому, как не вам, несчастным матерям, имеющим больных детей, следует прийти на помощь Братству и помочь ему открывать новые отделения.

Трудно, очень трудно было Братству найти хороших людей для ухода за больными детьми, но, — как всегда, — Господь помог! Простые, даже неграмотные девушки отозвались на призыв Братства и, вместо монастыря, пришли в приют нести новое, тяжелое послушание: ухаживать с терпением и любовью за теми, кого так часто не любят, кем тягостятся даже в родной семье! Этих девушек прозвали сестрами-нянями; доктора взяли на себя труд ознакомить их с уходом за больными и подачей первой помощи, — несчастные случаи всегда возможны при таких больных!

А мне пришлось часто беседовать с добрыми сестрами-нянями об уходе и развитии ненормальных детей. Беседы эти я для себя записывала, но, конечно, никогда не думала печатать их. Случайно одна из несчастных матерей, имеющая больного ребенка и нигде не нашедшая ни опытной няни, ни руководства для занятий с ним, увидела мои записки и дала мне 50 руб. на издание их. Быть может, моя первая, слабая попытка укажет людям опыта и науки на необходимость обратить более внимание на воспитание ненормальных детей и послужит к изданию руководств, столь необходимых многим.

БЕСЕДА I

Обязанности сестры-няни.

Добрые сестры, вы пришли в Приют во имя Царицы Небесной учиться ухаживать за больными, ненормальными детьми, да поможет вам Господь! Не скрою от вас: трудное, очень трудное дело предстоит вам: много терпения надо иметь при уходе за больными, но особенно труден уход за ненормально-больными, то есть за теми, которые не в полном разуме: и себе, и другим могут они причинить вред; всегда очень внимательно надо следить за ними; больные эти бывают часто злы, капризны, пугливы иногда одно необдуманно сказанное слово может раздражить больной и этим принести ему вред; стук от захлопнутой двери или уроненной тарелки может испугать больного, вызвать припадок; а потому, сестры, вы всегда должны быть очень осторожны и внимательны при больных. У нас нельзя, как в других

больницах, только мыть, кормить больных, да вовремя давать им лекарства; нет, у нас надо еще играть с детьми, занимать их; а когда можно, то и развивать, то есть немного учить; конечно, учить наших больных детей нельзя так, как учат в школах детей здоровых, учить их надо без принуждения, играя; быть может, сестры, вам кажется это странным и напрасным: «ну, чего дураков учить, выдумали тоже», вот печальные слова, которые не раз приходилось мне слышать; нет, сестры, это так же важно и нужно для них, как одежда, как еда и питье. Знаете ли, сестры, чем меньше, чем глупее ребенок, тем труднее уход за ним. Я вижу, вы не доверяете мне, вам вспомнилась ваша родная деревня, где за малыми ребятами никто не смотрит, «а все-таки вырастают, да людьми делаются»; — так-то оно так, но, подумайте, сестры, сколько бывает несчастий в деревне от того, что нет присмотра за детьми: выгорают целые деревни из-за детей, вздумавших поиграть с огнем; а как часто в деревне тонут дети, и как много калек на Руси; — большая часть из них родились здоровыми и стали калеками в раннем детстве, — все из-за недосмотра. Знаете ли вы, сестры, сколько умирает детей? Один доктор сосчитал, если родится сто детей, — из них и 50 не доживет до 15 лет. Еще раз, сестры, повторяю вам, что чаще всего дети умирают от недосмотра: малым, слабым детям так нужен уход! а как часто бывает, — особенно в деревне, в бедности: ребенок кричит, зовет на помощь, он мокрый, ему неловко, холодно; быть может, больно, а никто и не придет к нему, не посмотрит, что с ним. Ударить, толкнуть ребенка, раздражить его — считается делом обычным; а подумал ли кто-нибудь, из обижающих детей, какой великий грех обидеть ребенка. Сам Спаситель любил детей, Он допускал их к Себе, Он ласкал их. Святой Игнатий — первый епископ христианской церкви называется Богоносцем потому, что Спаситель держал его, младенцем, на руках. Спаситель прямо говорит: «их (то есть детей) есть Царство Небесное... Ангелы их видят лице Отца Небесного», а мы, грешные люди, часто обижаем деток, сердимся на них; да, большой грех обидеть малого, беспомощного ребенка, а тем более больного; но еще больший грех научить ребенка дурному: петь дурные песни, браниться, воровать. Христос сказал: «кто соблазнит одного из малых сих, тому лучше было бы одеть камень и бросить во тьму». Вот как строго взыщет Господь с обидчиков детей; но велика будет награда тем людям, которые потрудились на благо детей, выучили их добру и оберегли от зла. Были люди, которые всю свою жизнь, все свои средства отдали детям. Одним из таких людей был Фридрих Фребель. В детстве он испытал много горя: ласки матери он не знал, а мачеха не любила его; когда он, уже взрослым человеком, получил от дяди большое наследство, то он ничего не оставил себе, а все употребил на детей: он собрал много маленьких деток, но ему казалось недостаточным только кормить да одевать их, — он заметил, что дети, с которыми занимаются — гораздо умнее тех маленьких заморышей,

которые кроме брани да побоев ничего не видали. Стал Фребель много думать о малых Детях, наблюдать за ними; и так, постепенно, удалось ему придумать много полезных занятий и игр для детей. Вот в такие «умные игры», — если можно их так назвать, — я и хочу, сестры, выучить вас играть с детьми. Помните, сестры, что игра для ребенка — та же работа. Играя, ребенок может многому научиться; все, что я буду говорить вам об игре, не пустяки, а очень, очень важно. — Много игр теперь придумано для детей, но все они называются фребелевскими — в честь Фребеля, который первый подумал о маленьких детях и научил взрослых играть с ними; потому и в нашем приюте то отделение, где нужно играть с детьми, называется — фребелевское. Но наши дети — не такие как все дети, а потому мне и пришлось несколько изменить, упростить существующие игры, а некоторые и самой придумать. Многие из наших детей, имея здоровые руки, не умеют владеть ими (не смогут сами кушать, одеваться), имея здоровые ноги, плохо ходят, часто падают; имея хороший слух и зрение, — тоже часто не умеют пользоваться ими, — они, как слепые, натываются на предметы, и часто бывает трудно узнать нам (конечно, не доктору), глухи они или нет. Вот, сестры, вы должны прийти на помощь таким несчастным детям: вы должны выучить их смотреть, слушать, владеть руками, ходить и говорить; — дело это очень, очень трудное; не скрою от вас, часто труды ваши будут напрасны: вам не удастся ничему выучить ребенка-идиота; а другой ребенок только что начнет, — благодаря вашим трудам, — немного развиваться, заучит что-нибудь, но случится с ним более сильный припадок, — и ваш питомец забыл все! опять надо начинать сначала! Но не отчаивайтесь, сестры, — с молитвой и терпением принимайтесь за ваше трудное дело; чем безнадежнее, тупее ваш питомец, тем большей похвалы заслужите вы, выучив его хоть чему-нибудь. Когда и как лучше учить этих детей, я расскажу вам. В следующих беседах распределим занятия на весь день, — чем больше порядка, тем лучше.

БЕСЕДА II Одежда детей

Настало утро, пора идти к деткам; прежде всего узнаем у дежурной, как спали дети: спокойно или нет, не пугались ли они во сне, не было ли припадков, не капризничали ли (ведь капризы детей часто бывают предвестниками тяжелых мозговых болезней); все, что мы узнаем от дежурной, непременно запишем: сон имеет громадное значение для больных, он укрепляет и успокаивает их. Вы не должны забывать, сестры, записывать и сообщать доктору о беспокойном сне ребенка, особенно если дети во сне вскрикивают, разговаривают или пугаются. Тихо,

осторожно подойдем к их кроваткам, особенно надо соблюдать тишину около тех деток, которые дурно провели ночь. Будить их никогда не надо: это может вызвать припадок; начинать одевать тех деток, которые еще не совсем разгулялись после сна, тоже не советую, — надо всегда помнить, что наши дети — больные дети, они не могут высказать, что с ними, быть может, просто не выспались, но вернее, что им нездоровится; прежде всего надо (прикосновением руки) узнать, нет ли жара у ребенка, не желающего вставать, и если есть, то внимательно осмотреть его: не показалась ли сыпь, как он дышит, свободно ли глотает; если вам показалось, что ребенок болен, поспешите позвать более опытную сестру, чтобы решить вместе с ней, нужно ли ребенка отправить в лазарет или просто, не одевая, дать ему еще полежать; не думайте, что ребенок обманывает вас и из-за лени не хочет одеваться (которую, конечно, легко отличить от болезни), — в продолжении 7 лет я встретила только 3 детей-лентяев. — Причиной нежелания вставать всегда была головная боль или предчувствие припадка; если дети чувствуют себя хорошо, то они утром всегда бывают веселы и оживлены, с радостью встречают сестер и с веселым криком требуют, чтобы их скорее одевали. Вот тут-то и должен начаться первый урок, выучить ребенка-идиота одеваться без посторонней помощи очень трудно, но за малыми исключениями возможно. Конечно, несравненно легче самой одеть ребенка, — это так просто и скоро. «Пока учишь один чулок одевать — можно трех ребят одеть», как часто мне приходилось слышать эти слова! Не желание одеть скорее ребенка, а лень, нетерпение слышались мне в этих словах. Учить ребенка-идиота обуваться можно, приблизительно, следующим образом: дайте ребенку в руку один чулок, а другой медленно, не торопясь, оденьте сами и, конечно, постарайтесь заинтересовать его этим делом; ребенок-идиот будет стараться одеть чулок на ту же ногу, ласково заметим ему его ошибку (лучше не словами, которых он может не понять, а наглядно), но дело не ладится: ребенок машет чулком по воздуху, обертывает им ноги, руку и т.п.; вывернув и расправив чулок (что лучше всего делать с вечера), вложим в него ножку ребенка, — давать ребенку прямо натягивать чулок — бездельно, т. к. пятка всегда придется не на месте, — а с вечера сложить чулки так просто и скоро! Постараемся ручками ребенка натянуть чулок, не забудем похвалить его, погладить по головке, назвать «умницей». Недели через две-три, при ежедневном повторении, ребенок выучивается одевать чулки; конечно, есть такие несчастные дети, которые никогда ничему не выучатся, но не о них я говорю в настоящую минуту. Как бы ни был беспомощен ребенок, все-таки можно, даже должно, время от времени начинать заниматься и играть с ним: вдруг да промелькнет хоть искра сознания, ребенок поймет вас научится хоть чему-нибудь! Какая это радость для окружающих, любящих ребенка!! эту радость я сама не раз, испытывала.

- Сапоги придется долго одевать вам, сестры, а именно по двум причинам: застегивать пуговицы для одних детей-идиотов составляет непреодолимую трудность, и они, раздражаясь, отрывают или, вернее, отгрызают пуговицы; а сапоги на резинках или с голенищами слишком трудно натягивать детям; они, напрягая все свои силы, или сами валятся с табуреток, или сапог, вырываясь из рук, попадает в соседа; последнее иногда случается и из шалости. Дети, сравнительно, довольно скоро запоминают, что надо одеть раньше и что позже, — но завязывать тесемки для многих идиотов, сравнительно даже довольно развитых, настолько трудно, что этой премудрости приходится обучать их на особом аппарате)¹. Случается, что ребенок во время одевания расшалится: нарочно одевает не то, что нужно, разбрасывает свою и чужую одежду, плескает водой и т. п. Если лаской вам не удастся успокоить его, то его, полуодетого, уложите опять в кровать и более серьезно просите его «не мешать одевать хороших детей — не шалунов». Дети всегда торопятся одеться, иногда им полезно одеваться «в перегонку», т. е. кто скорее окончит свой туалет. Все дети торопятся скорее идти в зало: приняться за свои любимые игрушки, а потому невольная задержка в одевании им не нравится и дети успокаиваются, перестают шалить, тогда вновь начинайте одевать их; но всегда старайтесь не раздражить ребенка, не довести его до слез, — помните, сестры, наказания для детей-идиотов не должно существовать; ласке подчиняются все, а наказания озлобляют, доводят их до бешенства.

Умывание. Одни дети-идиоты очень любят воду: их и не отогнать от умывальника, они готовы целый день играть с водой: плескаться, мочить себе голову и руки; зимою, несмотря на холод, подставляют они голову под кран, под струю холодной, ледяной воды. Другие, напротив, так боятся воды, что громко и пронзительно кричат, когда их подводят к умывальнику, и всеми силами стараются вырваться от моющей их сестры. При умывании нельзя обращать внимание на нежелание или крик ребенка; а приходится, к сожалению, употребить силу и, несмотря на сопротивление, иногда при помощи и второй сестры, хорошенько вымыть ребенка. Единственное послабление, которое можно, а в некоторых случаях и должно делать, — это зимою к холодной воде прибавлять немного теплой (комнатная вода 15). Идиоты очень мерзлые, — как знать, быть может холодная вода вызывает у них особенно неприятное, неведомое нам ощущение! — ведь, не без причины некоторые так громко кричат при умывании. Многие из них любят есть губку и мыло, — не забывайте, сестры, убирать подальше эти «вкусные вещи». Чистить зубы у детей-идиотов очень трудно: они облизывают, съедают порошок и обгрызают щетку. При ежедневном повторении дети приучаются и спокойно дают вычистить себе зубы и обтереть десны, что очень важно, так как немногие могут выучиться полоскать рот,

а все имеют испорченные зубы и очень слабые десны. Всех, кого только возможно, нужно выучить полоскать горло; правда, немногие могут этому выучиться (хотя многих забавляет звук воды в горле при полоскании и они с удовольствием стараются подражать ему). Умение полоскать горло очень важно в виду частых заболеваний детей горловыми болезнями. Воду, предназначенную для чистки зубов и полоскания рта, не забывайте разбавлять теплой водой: холодная вода у многих вызывает зубную боль. Чтобы дети не замочили белье, необходимо, при умывании лица, полотенцем закрыть грудь, а то очень легко замочить нижнюю рубашку; — как вам, сестры, досадно переодевать детей, так и им очень скучно переодеваться.

Причесывание. Причесывать детей-эпилептиков несравненно труднее, чем идиотов; последние относятся к причесыванию равнодушно или, из шалости, стараются схватить гребенку. Эпилептиков надо причесывать очень-очень осторожно: самое нежное прикосновение к голове вызывает у многих неприятное чувство (боль), а у некоторых даже конвульсивные движения; старайтесь, сестры, возможно осторожно, нежно причесывать таких детей-страдальцев.

БЕСЕДА III О МОЛИТВЕ

Утром и вечером, перед и после еды обязательно должна быть молитва. Для многих детей-идиотов крестное знамение очень трудно; родители часто жаловались мне, «что детей невозможно выучить креститься». В приюте многие дети выучиваются креститься правильно, учите их этому так: детям, совершенно не умеющим креститься или, что всего чаще, бессмысленно махающим руками при поступлении в приют, запрещайте креститься, т. е. махать руками, а учите только поднять руку ко лбу и опустить (пальцы каждому ребенку складывайте до начала молитвы); когда дети недели через две совершенно твердо запоминали поднимать руку ко лбу, тогда начинайте учить их опускать руку на грудь, — это уже гораздо труднее для них, когда дети-идиоты и это движение твердо запомнят (тоже приблизительно недели через две), тогда только начинайте учить их полному крестному знаменю, но непременно один раз перекреститься и остановиться; если же позволить им креститься несколько раз, то они сбиваются, торопятся, махают руками, начинают шалить и смеяться. Вообще дети довольно быстро привыкают стоять смирно на молитве. Во время молитвы не дозволяется ни смех, ни крики, ни улыбки: все дети оставляют свои игрушки и становятся ближе к образу; самым неразвитым или вновь принятым детям позволяйте держать игрушки, — насильственное лишение любимой игрушки вызывает слезы, раздражение и только мешает общей молитве; постепенно, глядя на других детей, и новые

детей, и новые приучаются перед молитвой оставлять свои игрушки. Дети поют, или по очереди читают одну-две молитвы, и каждый молится за своих родных; самые неразвитые произносят хоть одно слово: «маму, тетю»; иногда дети, но только по собственному желанию, прибавляют имя любимой сестры-няни. Дети должны твердо знать, что молитва всего важнее; здесь важен собственный пример, — если вы, сестры, входите в комнату и видите, что дети молятся, непременно остановитесь; если что-нибудь несете, — положите скорее вашу ношу, хоть на пол, и присоединитесь к молящимся; — в соседней комнате, конечно, не должно быть громкого разговора, чтобы не нарушить внимания детей. Помните сестры, вы никогда не должны себе позволить улыбнуться или, еще что хуже, разговаривать во время детской молитвы; поверьте мне, я много раз замечала, что если дети не понимают, то они чувствуют не только кто стоит, а кто и молится вместе с ними: если вы, старшие, будете молиться, то и дети не позволят себе смеха и шалости; я говорю это по личному опыту. Насколько дети внимательны к молитве, могу привести вам два примера: прошлый год, при чтении молитвы «Господи и владыко живота моего», маленькая Паша пресмешно кланялась или, вернее, становилась на четвереньки и чуть не кувыркалась; кто-то из сестер указал мне на нее и мы, во время молитвы, обе засмеялись, — дети оглянулись, святость молитвы была нарушена. В тот же день на вечерней молитве многие из детей подражали Паше, становились на четвереньки и вообще шалили; на мое замечание, почему так плохо молились, Леша ответил мне: «а чтобы ты, тетя Катя, посмеялась». В другой раз вы мне сами, сестры, рассказывали, как вы стали кормить парализную Катю, а она что-то шептала; на ваш вопрос, что ей нужно, она ответила: «я читала молитву»; итак, больная девочка напомнила вам, сестры, вашу святую обязанность. Если у вас на руках будет совершенно бессознательный, ничего не понимающий идиот, — не забывайте, сестры, утром, вечером, перед и после еды — перекрестить его; ведь вы, сестры, молитесь, — зачем же лишать молитвы его, больного? Каждая мать перекрестит своего ребенка, а здесь, вы, сестры, должны заменить больным детям их родную мать, которая вдали от приюта плачет о своем несчастном ребенке и, молясь за него, помолится о вас. После молитвы дети шумно, весело здороваются с сестрами и между собой. Дети, вообще, довольно скоро приучаются смирно стоять на молитве и смотреть на образ. Всякий, кто шалит, нарушает святость молитвы, — должен быть удален; конечно, я не говорю о совершенно бессознательных, беспокойных больных, но те и не присутствуют на молитве, — их можно только перекрестить! Когда молитва окончена, то удаленного за нарушение молитвы ребенка непременно нужно заставить перекреститься и сказать хоть несколько слов молитвы; большей частью дети подчиняются и шепчут молитву, но ребенок взволнован и легко может перепутать слова молитвы; не поправляйте, сделайте вид, что не заметили ошибки: ваши попреки

могут еще более раздражить ребенка и вызвать новое непослушание, — ведь вы, сестры, помните правило не доводить ребенка до раздражения, в этом случае важна не молитва, а подчинение ребенка вашей воле: заставить его послушаться. Иногда случается, что ребенок (большей частью из новых) продолжает упрямиться и на ваше предложение помолиться упорно повторяет: «не хочу, не буду», или вертится и отворачивается от образа; тогда самое лучшее не кричать, не сердиться на него, а спокойно заявить, что Бог дает нам все, что ничего нельзя дать тому, кто не хочет молиться; случается, что ребенок продолжает злиться, начинает топтать ногами, кричать, царапаться; все это забавляет остальных детей и многие начинают громко смеяться. Детей необходимо остановить: смех над товарищем не должен быть никогда допущен, а раскапризничавшегося ребенка необходимо скорее удалить в другую комнату или сообщить ему, что крик его всем неприятен и, насколько возможно, стараться обратить его внимание на что-нибудь другое, хотя бы на пробежавшую по улице собаку; или попросить поднять (иногда нарочно уроненную) вещь. Раскапризничавшегося ребенка одного в комнате оставлять нельзя: он легко может причинить себе вред: начнет передвигать кровати, биться головой о стену. Иногда разговоры раздражают ребенка, тогда лучше всего дать ему прокричаться и, находясь в комнате, заняться чем-нибудь, делая вид, что не обращаете на него внимания, и в то же время зорко следить за каждым его движением: возбуждение, вообще, быстро проходит, — минут через 5, много 10, ребенок утомляется, перестает кричать, послушно крестится и спокойно возвращается в зал, но вздрагивает, дрожит и испуганно оглядывается по сторонам, как бы ожидая чего-то страшного, быть может, побоев? — ведь дома его наверное наказывали.

Очень важно, сестры, в эту минуту не раздражить вновь ребенка, — не забывайте, что он ребенок больной и что вся его злость, капризы суть лишь признаки его слабой воли, его нервности; достаточно сказать ему: «ах, какой ты злой, нехороший мальчик, тебя с молитвы прогнали, чуть без чая не оставили» и т. п., чтобы вновь довести его до бешенства. Забудьте, сестры, слово «наказание», — это слово никогда не должно произноситься здесь в приюте; не наказанием, а лаской и любовью можно усмирить не только жалкого больного, но и даже «дикого зверя». Наказание озлобляет, ласка подчиняет. После такого бурного проявления злобы большей частью ребенок бывает очень тих, держится в стороне от детей, как бы стыдится. Если ребенок довольно сознательный, хорошо понимает речь, то часа через 3—4 или вечером можно побеседовать с ним об его утренних капризах, посоветовать сдерживаться, но, конечно, очень осторожно, чтобы вновь не раздражить его.

БЕСЕДА IV

Питье и еда

Перед чаем, обедом и ужином дети поют молитву; самых слабых, беспомощных не забудьте перекрестить. Мне долго не удавалось ввести молитву в отделении беспокойных. Когда эти несчастные дети видят еду, то они превращаются в маленьких зверков: дико мычат, кричат и кидаются на еду... Если бы в эту минуту начать их заставлять перекреститься, то можно довести их до бешенства. Сестры, мои добрые помощницы, устраивают теперь так: заранее завязывают им салфетки и раньше, чем подают кушанье, помогают каждому перекреститься, — но если после молитвы запоздает еда, то дети сердятся — лучше всего еду приносить до молитвы, но ставить ее так, чтобы дети не видали. Каждый ребенок должен иметь, а более сознательный, знать свое место; очень хорошо приучить более разумных помогать слабым: усадить их, завязать им салфетки. Каждый ребенок должен иметь свою салфетку, никогда не надо детям менять салфетки, — сегодня завязать одну, завтра Другую, — это беспорядок, который не должен существовать ни в приюте, ни в частном доме: чистота салфетки служит прекрасным мериллом для определения внимания и аккуратности сестры, кормившей ребенка. Очень хорошо, если более развитые дети помогают слабым: усаживают их, завязывают им салфетку, а если в состоянии, то и кормят их; мне встречалось видеть девочек-идиоток, которые замечательно терпеливо, с особой любовью и лаской кормили своих беспомощных товарищей. Вообще девочки любят ухаживать за маленькими, — препятствовать им в этом не надо, так как это очень их развивает. При назначении места детям необходимо считаться с их развитием: нельзя идиота, привыкшего есть руками, лизать тарелки и т.п., посадить рядом с ребенком, оставившим уже эти дурные привычки. Припадочных лучше сажать на низенькие табуретки, за маленькие столики.

Маленьким и менее развитым детям не надо давать булку или хлеб в руки: они непременно постараются весь кусок сразу отправить в рот и могут подавиться; им можно давать только моченую, крошенную булку. Как я заметила, некоторые сестры имеют обыкновение крошить заранее много булки и все ее опустить в чашку; булка в чае или молоке быстро разбухает, впитывает в себя всю жидкость и таким образом ребенка уже не поят, а кормят какой-то очень невкусной кашей; так, сестры, делать не следует: нужно не сразу крошить всю булку (хотя оно скорее, а потому и удобнее для вас), а надо взять маленький кусочек мякиша, — корки откладываются: они слишком тверды, ведь многие идиоты не умеют жевать и могут ими подавиться, конечно, я говорю о слабейших; крошив на блюде булку, приблизительно, со столовую ложку, ее поливают чаем или молоком, и, убедившись, что питье или кушанье не слишком горячо — начинайте кормить ребенка. Пробовать той же ложкой, которой будете кормить ребенка, конечно, нельзя, -

вспомните, что доктор говорил вам о заразе и о человеческой слюне. Есть идиоты, которые не умеют глотать, — кормить их очень, очень трудно, — тут нужно не одно умение, но и терпение: более твердую пищу полный идиот не умеет глотать, давится ею, а жидкая выливается изо рта. Таких несчастных детей приходится кормить лежа; если ребенок не очень велик, то всего удобнее положить его себе на колени так, чтобы его головка была ниже туловища и, откидывая головку назад, осторожно вливать ему жидкую пищу в рот; долго держать ребенка в таком неудобном положении, конечно, нельзя; влив одну-две ложки, необходимо приподнять головку ребенка, больше половины влитой пищи выльется обратно, но половина все таки будет проглочена. Этим детей надо кормить особенно питательной пищей, напр. крепким бульоном с яйцом, мукой Нестле, отваром овса и т. п. При кормлении таких детей пища быстро остывает, почему нельзя класть на тарелку полную порцию, а лучше положить немного и, когда остынет, добавить, принести еще горячей; вообще этих несчастных детей надо, как новорожденных, кормить понемногу, но возможно чаще; могу добавить, что все дети-идиоты, у которых нет физического недостатка глотательных органов, научаются, если не жевать, то, сидя, глотать пищу; в некоторых случаях очень облегчает кормление особая посуда (среднее между чашкой и чайником, продается в аптекарских магазинах); благодаря приделанной крышке питье не выливается, а из носика питье свободно вливается в рот ребенка; дети-идиоты значительно быстрее научаются пить из такого чайника-чашки; одно его неудобство: это трудность держать его в чистоте, — из-за приделанной крышки его трудно мыть. Есть несчастные дети, страдающие особого рода судорогами, сжатием челюстей; при малейшем волнении (например, радости при виде пищи) у них судорожно сжимается или, напротив, разжимается рот; этих детей-страдалцев возможно кормить лишь тем людям, которые обладают большим терпением: приходится выжидать (иногда по несколько минут), пока раскроется рот и, давая пищу, возможно быстрее вынимать ложку изо рта; если при сжимании челюстей часть ложки останется во рту, то это причиняет страшное страдание больному: челюсти сжимаются настолько сильно, что зубы трещат, из десен показывается кровь, а ложка ломается, не только деревянная, но и серебряная. Необходимо наблюдать, чтобы дети во время еды не шумели, не кричали и не баловали; достигнуть это не трудно: дети-идиоты очень прожорливы и не трудно обратить все их внимание на еду, гораздо труднее приучить их не хватать с чужих тарелок; при таких невоспитанных детях (конечно, я исключаю полных идиотов) должна во время еды находиться отдельная сестра, которая бдительно следит за движениями ребенка и предупреждает возможность воровства: все, взятое с чужой тарелки должно быть непременно отнято: ребенок скоро поймет, что воровать невыгодно, — все равно отнимут, — и отвыкает; но следить за такими детьми приходится очень долго; не доверяйтесь им, бдительно наблюдайте за

ними: вы отошли к другому ребенку, а он спешит своровать у соседа и скорее съесть; если это удастся ему раз-другой, то вновь отучать его гораздо труднее, почти невозможно. Дети-идиоты очень хитры, они хорошо знают при которой сестре можно своровать и пошуметь, а при которой — нет; значит в беспорядке за столом виноваты вы, сестры. Мне часто приходилось слышать: «с ним ничего не поделаешь, он не слушает», но немного терпения, побольше внимания и твердости, и дети быстро подчинятся вам; говорю это по опыту.

Некоторые идиоты едят очень быстро, они не жуют пищу, а прямо глотают, — это часто происходит не от глупости, а от излишней жадности, желания получить прибавку; при таких детях тоже надо иметь отдельную сестру, которая должна следить, чтобы ребенок не брал на ложку слишком много, а главное не торопился бы есть; таких детей даже лучше первое время кормить с ложки, как маленьких; когда они замечают, что торопливость не ведет ни к чему, то они начинают есть медленнее и, благодаря этому, некоторые из них приучаются жевать пищу.

Раздачу кушаний необходимо начинать с более слабых, с тех, которые кушают более медленно. Разговоры, шум и хохот во время еды не допускаются; каждый должен быть занят своим делом: сам кушает или кормит слабейшего.

Часто при поступлении новых детей родители жалуются: «за столом никогда не сидит, схватит кусочек и убежит». При общем порядке в неделю, много в две, дети приучаются сидеть за столом, не убежать. Около нового, еще не привыкшего к порядку ребенка, обязательно должна быть отдельная сестра, которая ласково, но твердо останавливает его; напр., если ребенок (я говорю о детях, сохранивших некоторое сознание) начинает нарочно плескать по тарелке, разливать суп или выливать его на пол; это ясно доказывает, что ребенок сыт, балует, и лучше всего в таком случае унести тарелку, не обращая внимания на его крик, — случалось, что это его настолько удивляло, что он даже и не кричал; если же он начинает кричать, то старайтесь, насколько возможно, объяснить ему, что вы унесли тарелку потому, что он не хотел кушать, бросал еду, выливал суп на пол и т. п., поспешите, чтобы его успокоить, дать ему второе; если он мало съел супа, то второе дайте в большем количестве. Иногда приходится поступать с ребенком, как во время молитвы, т. е. удалить его, но опять, сестры, напоминаю вам, что о наказании, об оставлении ребенка «без обеда, без второго» — и речи быть не может, — наказанием вы только озлобите больного ребенка и, поверьте мне, ничего не достигнете.

Большая часть детей вновь поступающих ест очень грязно: руками хватает пищу из тарелок, дерется ложками и тому подобное; таким невоспитанным детям не надо первое время позволять есть

самим их приходится кормить с ложки, а чтобы они своими руками не мешали, одевайте им очень большие салфетки и завязывайте ее в двух местах: около шеи и у талии, таким образом, руки остаются под салфеткой; некоторые дети этому спокойно подчинялись; другие, напротив, выказывали неудовольствие; не доводя их до раздражения, спешите начать их кормить, и еда всегда успокоит их.

Есть дети-идиоты, которые не могут сами есть, потому что не умеют держать ложку и подносить ее ко рту; при ежедневном многократном повторении и терпении сестры иногда можно выучить такого ребенка кушать без посторонней помощи; —говорю это по опыту. Однажды в приют привели 7-летнего мальчика, полного идиота; дома его не обижали, а, напротив, целый день с ним занимались. Бабушка и мать уверяли меня, что его невозможно выучить держать что-нибудь в руках, так как он ничего не понимает, никого не узнает и, несмотря на все их старание, они не могли ничему его выучить. Тогда у меня было только 8 детей; я имела возможность изучить привычки и странности вновь прибывающего ребенка, могла все дни проводить около детей, — счастливое это было для меня время! Я сразу заметила, что Миша очень любит кушать, и решила этим воспользоваться при его обучении; кормила я его всегда сама, и делала это так: ложку я вкладывала в его ручку, а сама держала его ручку и, придерживая ложку, кормила; после 2—3 ложек, чтобы не утомить его, я на минуту останавливалась кормить его. Миша ронял ложку и беспомощно смотрел в тарелку; но помните, сестры, запомните хорошенько: учить ребенка-идиота можно только ласково и с любовью; одно резкое движение, одно грубое слово, и все пропало! Ребенок-идиот начинает бояться вас, а потому все путать, или озлобляется и делает все назло. Я никогда не заставляла Мишу долго ждать и, заметив, что он начинает сердиться, что его хорошенькое личико морщится и он готов заплакать, я спешила вложить ложку в его ручку и продолжала кормить его. Так я кормила его четыре раза в день с полным терпением; я никогда не торопилась докармливать его. Месяца через четыре Миша держал ложку, даже очень полюбил ее, радовался при виде ложки и стучал ею по столу или тарелке (он, по-видимому, не отличал ложки от еды и не догадывался брать пищу руками). Месяцев через шесть он выучился подносить ложку ко рту, и часто днем, сидя на своем маленьком кресле, он подражал тому движению, которому я так упорно учила его. Месяцев через 14 после поступления в приют он выучился кушать сам правильно и опрятно. Могу добавить, что он кушает опрятнее многих идиотов. И вы, сестры, выберете себе того ребенка, который вам более нравится, и начните, с Божией помощью, учить его кушать; но учите всегда одного и того же ребенка; он привыкнет к вам, поймет, что вы от него хотите, и вам приятнее замечать его успехи. Не сердитесь, не теряйте терпения, если ребенок долго не понимает вас, - помните пословицу: «терпение и труд - все

перетрут».

В общем, обед не должен долго продолжаться; чем скорее окончится, тем лучше; необходимо, чтобы дети смиренно сидели за столом, а долго поддерживать порядок трудно и для вас, сестры, и для детей; вообще дети сидят в начале обеда более спокойно и с нетерпением ждут своей порции, почему более подвижным давайте последним, этим правилом удастся поддерживать порядок и приучать подвижных детей не убегать из-за стола. Когда дети оканчивают обедать или пить чай, то необходимо напомнить детям обтереть рот, а более слабым самой это сделать, и посмотреть, не спрятали ли они кусок хлеба или булки, — привычка, которую очень трудно искоренить. Конечно, найденный хлеб отбирается (только у вновь поступивших первые два-три дня можно оставлять хлеб, чтобы их не восстановить против себя). Опять напоминаю вам, сестры, что осмотр должен быть сделан ласково, полушутя.

После чая, или обеда и ужина, дети обязательно должны помолиться и поблагодарить за обед, — большею частью дети благодарят ту сестру, которая кормила их или раздавала им кушанье.

Более слабые, не успевшие до молитвы съесть свою порцию, доедают ее после молитвы, — конечно, это не порядок, но с этим «небольшим беспорядком» приходится мириться: нельзя торопить слабых, но нельзя и других задерживать, — требовать, чтобы они смиренно сидели, пока их слабые товарищи доедают свою порцию. Более развитые сами складывают свои салфетки и сдают дежурному.

БЕСЕДА V

Дежурство детей и занятия I группы

Очень полезно для развития детей назначать их дежурить; это их очень занимает, а главное развивает. Дежурному можно дать какое-нибудь отличие, например бантик, — нужно видеть, как дети ими дорожат как стараются хорошо исполнять свое дело, особенно первые дни, хотя иногда и порядком надоедают. Девочки скорее мальчиков приучаются к домашним работам. Дежурство может быть: 1) «по столу»: накрывать стол, собирать посуду, а если позволяет помещение, то мыть чашки, раздавать и собирать салфетки; 2) по уборке: мести, вытирать пыль и убирать игрушки; хорошо иметь маленькую щетку, так как при длинной палке у обыкновенной щетки или швабры дети могут нечаянно ушибить друг друга; 3) по одежде: собирать и убирать пальто, калоши и т. д. Конечно, дети не могут делать все самостоятельно, а только помогают сестре; при исполнении всех мелких, а для наших детей очень трудных дел, необходимо с большим терпением руководить ими: показывать детям по несколько раз одно и то же дело, напоминать им, что именно надо делать. Здесь большую роль играет похвала: чем более вы хвалите ребенка-идиота

чем чаще называете «своим помощником, умницей», тем больше будет он стараться; но стоит несколько раз упрекнуть его в забывчивости или непонятливости, поторопить или прикрикнуть на него, и ребенок совершенно теряется, все валится у него из рук, или он озлобляется, дуется и упрямо твердит: «не хочу, не буду». При ласковом обращении и терпении старших, многих детей можно приучить к несложным домашним работам. При нерадивом исполнении дежурства, можно переменить дежурного, но перемена может быть только в том случае, если дежурный упрямится, ленится (что случается очень, очень редко), но ни в каком случае не за непонятливость. Надо сознаться, что дети дежурят дурно при нетерпеливой сестре, и прекрасно при спокойной и веселой сестре, умеющей многое, вместо упреков, обратить в шутку.

Дежурство должно быть недельное, т. е. еженедельная смена дежурств (одно и то же дело надоедает), или одна неделя — дежурство, а другая — отдых, смотря по здоровью и количеству детей.

Занятия. Утро. Дети напились чаю, комнаты убраны, пора приняться за дело; если лето, то, конечно, нет ничего лучше, как поспешить выйти с детьми в сад; но, к сожалению, при нашей погоде более приходится сидеть дома, чем гулять. Чем же занять детей? Утренние часы — самые удобные для учения; даже самые здоровые, умные учатся утром лучше, чем вечером. Учение наших детей не то учение, которое бывает в школах, наше учение особенное: прежде всего мы должны выучить наших детей, как я вам уже говорила, владеть руками и ногами, видеть и слышать, если возможно так выразиться, и говорить хоть несколько слов; потом будем учить их тому, чему ребенок нормальный выучится сам, без посторонней помощи, например, самостоятельно кушать, одеваться, называть предметы и т. д., наконец, у детей, поддающихся развитию, постараемся развить память и соображение, начнем поучать их к ручному труду.

Для удобства занятий, я делю детей на 6 групп: 1) дети — полные идиоты, ничего не понимающие; 2) дети-идиоты, которые узнают близких лиц и различают некоторые предметы; 3) дети, которые понимают и любят игрушки; 4) дети, способные к ручному труду и запоминающие стихи, молитвы; 5) дети-школьники, и 6) дети-ремесленники.

Занятия детей I группы

Вы все, сестры, конечно, видели новорожденных детей, и знаете, что маленькие дети совершенно глупые: ничего, ничего они не понимают. Новорожденный котенок или даже маленькая птичка гораздо умнее: только что родился или из яйца вылупил, сам к матке тянется,

а утенок даже и плавать умеет, но ребенок совершенно беспомощен, только кричит! Много, много надо времени, чтобы он выучился поворачивать голову, смотреть или, как говорят, переводить глазки. Долго также учится ребенок брать вещи, все вываливается из его ручек.

Зрение. Итак, начнем, сестры, прежде всего, учить наших деток смотреть. Забудем, что наши дети не маленькие новорожденные, а будем заниматься с ними так, как любящая мать или добрая кормилица потешает грудного ребенка. Вы, конечно, сестры, замечали, что маленькие дети более всего любят свет: горящая свеча доставляет ребенку большую радость. Постараемся и мы обратить внимание наших деток на свет. Возьмем зажженную свечу, поставим ее перед ребенком и будем наблюдать, обратит ли он на нее внимание, обрадуется ли свету? Поднимем свечу, опустим ее, передвинем в одну сторону, в другую; это заставит ребенка, как говорят нянюшки, переводить глазки, а, быть может, и повернуть головку, протянуть ручки. Как грудной ребенок не сразу, а постепенно приучается следить глазами за интересующими его предметами, так и наши дети через неделю, или две, при ежедневных опытах (раза 2—3 в вечер минут по 5), начинают радоваться огню, махать ручками, смеяться и следить за светом, т. е. смотреть в ту сторону, куда уносят свечу. Днем, вместо свечи, возможно показывать детям блестящие предметы. Наиболее подходящие — это солнечные украшения, только не те дутые шары, которые ломаются чуть не от прикосновения, но есть более массивные; правда, они дороже, копеек по 30 за штуку, но зато они безопаснее свечи, могут занимать ребенка и днем, и вечером. Я употребляла три шара: золотой, серебряный и синий. Серебряный всегда всем более почему-то нравился. Над кроваткой таких больных хорошо повесить шерстяной шарик (работа идиотов III группы, см. ниже); дети часами следили за качающимся шариком, радовались и смеялись. Правда грустно, до боли тяжело видеть, как большой, 16—18-летний юноша, тянется к блестящему шариком, и делает невероятные усилия, чтобы поймать его; но внимание больного возбуждено, явился признак сознания, и это, сестры, должно утешить, ободрить вас.

Слух. Постараемся также, сестры, развить и слух ребенка: музыку и пение любят все дети, а наши дети даже более нормальных. Знаете ли вы, сестры, что многие, даже самые буйные, больные успокаиваются при звуках музыки; к сожалению, хорошие музыкальные инструменты слишком дороги и, по цене, почти недоступны для наших бедных деток; но заведите наш небольшой музыкальный ящик или, за неимением его, просто начните петь вблизи ребенка: если он не глух, выражение его лица быстро изменится, он сделается веселее, начнет поворачивать головку, прислушиваться; конечно, лучше играть более веселые мотивы, но только не слишком громкие, — громкая музыка некоторых возбуждает: дети начинают слишком много хохотать, двигаться

а те, которые могут, начинают прыгать и бегать, — такое шумное веселье обыкновенно оканчивается слезами. Пение тоже действует на детей очень хорошо; есть полные идиоты, которые замечательно верно запоминают мотивы, при малейшей ошибке старших, они начинают плакать или драться. Развитие слуха имеет громадное значение: дети запоминают звуки и выучиваются произносить слова. Есть идиоты, которых приходится учить сначала петь, а потом говорить.

Вкус. Старайтесь, сестры, развить у детей вкус. Некоторые говорят, что это совершенно излишне, одно баловство. Быть может, оно отчасти и справедливо, но мне кажется, что мы, сестры, не вправе так рассуждать, и должны сделать все, что в ваших силах для развития вверенных нам ненормальных деток. Мне приходилось видеть детей, по-видимому, совершенно ничего не понимающих, ко всему безучастных, но когда им давали сладкое, конечно мягкое, например мармелад, шоколад, они смеялись, а при виде гречневой размазни одна полная идиотка постоянно нарочно кашляла, как бы выражая этим, что кушанье ей не нравится, — это доказывало, что и у самого несчастного, бессознательного ребенка есть слабое проявление сознания и, благодаря сладкому, есть хоть какая-нибудь радость на земле. Но когда ребенок, более развитой, делается вдруг менее разборчив на еду, лишь бы есть да побольше, а что, — все равно, — хоть грязь, хоть кал, тогда приходится с грустью сознаться, что все кончено! Ни заботы о развитии, ни занятия не нужны несчастному ребенку, он требует только самого бдительного надзора, самого тщательного ухода.

Мне приходилось встречать детей, даже школьного отделения, которые, ради шалости, пили мочу; — разговор по душе удерживал детей от повторения такой ненормальной шалости.

О движении. Часто спрашивают, возможно ли давать детям-идиотам игрушки? Не только можно, но должно: игрушки развивают детей. Я уже говорила вам, что игра для ребенка — та же работа, подчас очень сложная: наших детей надо выучить не только играть, но и держать игрушки в руках. Заметили ли вы, сестры, что многие дети-идиоты, имея совершенно здоровые руки, ничего не умеют держать в руках: одни не умеют взять, другие все роняют. Чтобы взять какую-нибудь вещь, надо, во-первых, подумать об этом; во-вторых, — сделать известное движение, поднять, протянуть руку; в-третьих, — направить движение в ту сторону, где находится вещь; в-четвертых, — согнуть пальцы известным образом и, наконец, употребить силу, чтобы удержать вещь, — все это довольно трудно даже для нормального ребенка. Вспомните, как долго маленький ребенок учится схватывать предметы, и как часто он их роняет; но нормальный ребенок все-таки выучится сам брать и держать,

а ребенку-идиоту, вы, сестры, должны прийти на помощь. Самая первая, подходящая игрушка — это мяч, или тот же шарик на ниточке; заинтересовав им ребенка, начинайте учить его схватывать шарик. Поступайте приблизительно, так: посадите ребенка к себе на колени, а одному из детей-идиотов (более развитых) предложите «поиграть», дети всегда охотно исполнят вашу просьбу, и будут вертеть мяч или шарик перед ребенком. Конечно, можно и одной играть, но лучше занять двух-трех детей. Иногда можно катать мячик по столу, — более развитые ловят, схватывают его, а менее развитой смеется и машет ручками, но не догадывается схватить его. Тогда нужно взять в свои руки его слабые ручки и помочь ему удержать, или взять заинтересовавшую его игрушку; но стоит только перестать поддерживать его ручки, и вещь упадет, иногда это очень огорчает ребенка. При ежедневных повторениях (обыкновенно раза три в день, минут по 5 — 10) можно выучить ребенка-идиота держать вначале только крупные, но, конечно, легкие, а потом и более мелкие вещи. Замечательно, что почти все идиоты стараются держать, даже брать вещи не пальцами, а ладонью, и придерживать их рукой, прижимая к груди; некоторые стараются повесить вещи на пальцы, и очень долго не могут привыкнуть владеть пальцами, сгибать их. Чтобы выучить их этому, приходится прибегать к гимнастике пальцев, а чтобы более заинтересовать ребенка, хорошо играть с ним в общеизвестные игры, сороку или ладушки, но, конечно, не щекотать ребенка, что очень, очень вредно.

БЕСЕДА VI

Занятия детей II группы

Когда ребенок выучится переводить глазки, т. е. следить глазами за интересующими его предметами, прислушиваться к звукам музыки и пения; откликаться на свое имя; узнавать ухаживающих за ним сестер (не по костюму, а по чертам лица, что составляет громадную разницу); схватывать и держать вещи в руках, то такого ребенка можно перевести во II группу.

Игра в мяч, опять-таки, одна из наиболее полезных и удобных. Поставив или посадив детей в круг, вы, сестра, станьте в середину круга и по очереди кидайте им большой мяч. Как ни проста эта игра, но все дети ее очень любят. Много пройдет времени, пока ребенок-идиот выучится ловить мяч; мне приходилось даже видеть таких детей (из вновь поступавших), которые пугались брошенного в них мяча и, закрывая голову, убегали; другие дети, вместо того чтобы ловить мяч, растопыривали руки и сердились, что не могут поймать мяч, — почему лучше вначале катать мяч (дети при этом должны сидеть на ковре, но только не на земле или на полу, так как могут простудиться); когда ребенок вполне освоится с этой игрой и выучится ловить катящийся

мяч, то можно его бросать. — Поймать брошенный мяч составляет для ребенка-идиота большую трудность: он учится этому очень долго. Игра в мяч очень полезна для параличных детей: очень хорошо заставлять ребенка ловить или поддерживать мяч парализованной рукой. Я знала мальчика, с детства разбитого параличом, который через три месяца, при ежедневной игре в мяч, стал значительно лучше владеть рукой. Игра в мяч тоже полезна для счета: кидая мяч, можно считать с детьми сколько раз его кинули, сколько раз поймали и т. п. Лучше употреблять большой мяч, — он, правда, стоит дорого — рубля 1 1/2 — 2, но за то не так легко затеряется, как маленький, а главное, значительно удобнее для игры. В комнате лучше играть легким, красным мячом, попадая в вещи он не сломает их; но на дворе он неудобен: слишком легок: малейший ветер мешает игре с ним. В комнате играть в мяч можно только днем! и никогда при зажженной лампе: несчастье может быть слишком велико.

Знакомство с окружающими нас предметами.

Каждое утро дети учат названия предметов, окружающих их; для многих еще слишком трудно называть их, а потому, особенно вначале, не надо добиваться точного, ясного произношения, а только возможно больше самой говорить с ребенком; часто называйте одни и те же предметы, чтобы он легче мог запомнить названия их, так, например, когда вы попросите его дать вам катушку, чтобы он не бежал за подушкой; пусть ребенок не называет, а только показывает те предметы, которые вы называете (но не по картинкам, которые еще слишком трудны, непонятны для него); при ежедневных занятиях 2 раза в день, по 1/2 часу, иногда во всю зиму ребенок успевал лишь заучить и верно показывать, где у него нос, глаза и т. п., не путать и верно показывать самые обыденные вещи, которые он видит каждый день. Утреннее время, как я вам уже говорила, наиболее удобно для учения, а потому его надо употребить с пользой: если ваш питомец уже понимает что-нибудь, то не давайте ему рано утром мяч, а употребите это время, наиболее благоприятное, на развитие памяти: старайтесь выучить ребенка новым словам, новым оборотам речи; заставляйте ребенка приносить, относить и класть на известное место разные вещи, например: 1) Паша, принеси табурет; 2) Покажи где окно, где стол, поставь табурет около окна, около стола. Постепенно идут приказания более сложные: 3) Маша, дай платок Ване и возьми от Вани мячик; 4) Леша, открой шкаф, возьми кружку, принеси и поставь на маленький стол; 5) Принеси из спальни коробку, положи в коробку мячик и убери коробку в шкаф. Никогда не заставляйте ребенка повторять ваше приказание (многих слишком затрудняет речь), - важно, чтобы ребенок запомнил и точно исполнил то, что вы сказали. Всегда начинайте с более легкого, и постепенно переходите к более трудному. Я вам привела по степени трудности 5 примеров, по этим примерам вы

должны составлять другие. Постепенно можно перейти к сравнению: 1) Это что? — Кошка. — Покажи, где глаза у тебя. А у кошки? — А есть ли у тебя шерсть? Нет. — А у кошки есть, и т. д. 2) Дай маленькую кружку, дай большую кружку; которая меньше, которая больше? 3) Положи на стол, положи под стол (эти предлоги дети долго путают).

Такой разговор-урок не должен продолжаться более 10—15 минут: он может утомить, а главное надоесть ребенку, а все, что делается по принуждению, кроме вреда ничем детям принести не может. Для разнообразия можно учить детей различать цвета: для этого употребляют кусочки картона, обклеенного цветной бумагой, или бristolская бумага, которая дороже, но значительно практичнее (20 к. лист). Дети очень любят игру в карты, как они называли изучение цветов. Для начала дайте только три карты, наиболее резко отличающиеся по цвету одна от другой, например: красную, черную и белую; а потом, постепенно, прибавляйте другие цвета; дети стараются заучить скорее цвета, так как очень дорожат своими карточками, — у кого больше? Играть можно приблизительно так: 1) разложить карты и покрывать картой того цвета; или 2) сдавать как карты и, подавая по одной, заставлять ребенка закрывать картой того же цвета: или 3) просто спрашивать: дай красную, белую и т. д. Детей этой группы надо начать учить говорить, что очень, очень важно, но вместе с тем и очень трудно. — Многие дети этой группы начинают лепетать; радуйтесь, сестры, их начинающемуся развитию, внимательно прислушивайтесь к тому, что силится передать вам ребенок и не слишком настаивайте на правильном произношении. Много пришлось мне думать, что лучше: 1) добиваться ли правильного произношения нескольких слов, или 2) дать ребенку волю лепетать и, не останавливая его ежеминутно, дать ему возможность высказывать все, о чем думает его большая головка, и, благодаря нестесняемой, подчас и очень надоедливой болтовне, заглянуть в его душу, узнать его мысли и желания, или 3) требовать ясного произношения и заставлять часто повторять одно и то же слово, чем вы можете раздражить больного ребенка, а это уже совсем плохо; вы раз, другой резко остановите ребенка и он замолчит, почти совсем перестанет говорить, — это я знаю по опыту... Итак, сестры, позволяйте детям лепетать, не поправляйте их слишком часто, но никогда не позволяйте детям выдумывать «свой язык», называть вещи словами, вымышленными самими детьми; — эту дурную привычку имеют многие, даже здоровые, дети. Но все-таки надо детей учить правильно говорить хоть по одному слову в неделю: это достигается частым повторением одних и тех же слов, конечно, сначала более легких, а потом — более трудных. Я говорю о детях, не страдающих недостатками речи, вследствие глухоты или других болезней, так как те требуют лечения и особого преподавания; для обучения таких детей существуют особые курсы при училище глухонемых. Дети-идиоты очень любят похвалу, а потому все правильно заученные слова они будут повторять не только на уроке, но

но и днем, лишь бы их лишний раз похвалили; воспользуйтесь этим, сестры, и вам многое удастся, конечно, если вы будете терпеливы. Обучению речи очень много помогают картинки; есть две очень хорошие книги: «Живое слово», к сожалению, очень дорогое, 2 части 6 руб., и «Мама, что это такое?» 75 коп.; — к сожалению, текст последней книги не особенно удачен. Но ведь вы сами можете рассказывать по картинкам то, что доступно нашим деткам. Хороши картинки по обучению глухонемых. Очень удобно покупать простые картинки для вырезания (лист 3—5 коп.). Старшие дети вырезают и наклеивают их в тетрадь, а младшие заучивают. Всего лучше расположить картинки по группам: на одной странице посуда, на другой одежда, на третьей звери и т. д. Все эти разговоры с детьми полезны лишь тогда, когда они веселы и оживлены.

БЕСЕДА VII Занятия детей III и IV группы

Дети этих двух групп, от 8 лет до 15—16, знают, что все дети учатся, что надо учиться; но многие, особенно вновь поступающие, боятся учения: слишком много труда употребили они, бедные, на учение, но кроме упреков, насмешек да наказаний ничего не заслужили; а потому за учение надо приниматься очень осторожно, конечно, без всякого принуждения: оно должно быть весело и оживлено. Достигнуть этого не трудно: нужно видеть, как радуется детей каждый малый успех.

Вновь поступающие первые 2—3 дня только смотрят, слушают и отвечают лишь по собственному желанию; им не надо предлагать вопросов, чтобы не смутить их, а на знакомые, легкие для них вопросы они сами поспешат ответить.

Перед учением дети поют молитву «Царю Небесный». Прежде я учила детей обычно читаемой пред учением молитве, но одна девочка, калека и эпилептик, раз спросила меня: «Зачем мы неправду в молитве говорим?» — и указала на слова: «дабы возросли мы Тебе, нашему Создателю, во славу, родителям на утешение, церкви и отечеству на пользу»; эта страдалница-девочка (скончавшаяся от воспаления мозга) вполне сознавала, что не на утешение матери, не на пользу живет она на свете. — Вот вам, сестры, и еще пример, как дети внимательно относятся к молитве.

Хотя учить этих детей надо возможно веселее, приближаясь более к игре, чем к учению, но все таки дети должны знать, что учение не игра, и что дозволено в игре (например, шум, шалости), то не дозволяется на уроке; должны дети также помнить, что учение дело доброе, хорошее, а потому начинается и оканчивается молитвой. Пропев молитву, дети садятся на свои места, — наиболее удобными оказались маленькие.

низенькие столики и табуретки. Детей надо размещать по их познаниям, так как за одним столом дети едят палочки, за другим буквы, за третьим слова и т. д. Тоже было и при чтении: за одним столом дети учили буквы (звуки), за другим — складывали из знакомых букв слова, а за третьим — читали по книге. Столики заменяли классы; так мы и называли: большой столик, средний столик, маленький столик. Часто ребенок читал за большим столиком, а писал за маленьким (конечно, все столы были одной величины). Переход с одного стола к другому никогда не должен задевать самолюбие детей. Хорошо пользоваться дружбой детей, например: «Вера, помоги Мише учить стихи. Ваня, помоги Оле сложить буквы», и т. д. Дети всегда с радостью и большим терпением помогают слабейшему товарищу.

Урок хорошо начать с разговора, вопросами об имени, фамилии и годах детей. Дети, слыша только свое имя, скоро забывают свою фамилию; а лета, — даже многие и здоровые дети не знают. Потом спрашивайте их: где они живут, на какой улице, как называется приют? Это все дети должны знать твердо, в предупреждение несчастья, если бы кто из них потерялся на прогулке или убежал. Конечно, эти вопросы предлагают не всем, а 2—3 слабейшим, более развитые поправляют их. Для разнообразия можно спрашивать: какое теперь время года? и почему дети это знают? Например:

В. Дети, что теперь: лето или зима?

О. Зима.

В. Почему ты так думаешь?

О. Снег на улице.

В. Какой снег?

О. Белый, холодный.

В. А еще почему?

О. Елка была.

В. А что теперь будет?

О. Масленица, чухонцы.

В. А потом?

О. Великий пост.

В. А кто знает молитву, которую читают в посту? И т. д.

Полезно спрашивать названия месяцев, которые почему-то дети запоминают сравнительно легко, но зато названия дней составляют для многих камень преткновения.

Как важно бывает, иногда, только изменить постановку вопроса, чтобы дети поняли вас, могут привести вам такой пример: детей спрашивали:

В. Какой сегодня день?

О. Понедельник (урок происходит во вторник).

В. А вчера?

О. Воскресение.

В. Нет; вы, дети, ошибаетесь, сегодня вторник. Какой вчера был день?

О. (Все кричат). Нет, ты сама сказала сегодня понедельник, завтра вторник; а теперь говоришь сегодня вторник.

И так всю зиму учили их, и ничего не выходило; наконец, догадались изменить вопросы и дети сразу поняли. Слова: сегодня, завтра, вчера были непонятны для них, но изменили вопросы, и дети поняли в один час то, что не могли выучить в продолжение целой зимы. Им объяснили так: «дети, сегодня понедельник, вечером вы пойдете спать, а когда вы встанете, — будет опять сегодня, но не понедельник, а вторник; вечером во вторник вы ляжете спать, а когда вы встанете, то будет опять сегодня, но не вторник. А какой день? кто догадается? И т. д. Таким образом объяснили совершенно непонятные для них слова: вчера и завтра. Вот и вы, сестры, поступайте так. Если дети не поймут вас, не сердитесь, не настаивайте на ответе, а лучше сами постарайтесь облегчить детям ответ, — измененным вопросом.

Во время разговора я раздавала детям тетради и карандаши. Примите, сестры, за правило непременно с вечера чинить карандаши и надписать каждому в тетради те буквы или слова, которым вы его хотите учить. Нож перочинный не надо брать на урок, — может случиться несчастье. Если вы вздумаете при раздаче тетрадей каждому писать первую строчку, да еще и карандаши чинить, то порядка у вас на уроке никогда не будет: вы не добьетесь, чтобы дети смиренно сидели без дела; первые двое, трое, которым вы дали работу, начнут писать, а другие непременно будут шалить и мешать тем, которые могли бы быть заняты. Хорошо иметь в запасе несколько очиненных карандашей, чтобы обменивать сломавшиеся; остро чинить карандаши нельзя, — скоро ломаются, нужно оставлять возможно маленький графит. При письме приходится детям очень часто напоминать, что карандаш «не конфета и в рот брать его нельзя». Некоторые дети нарочно слюнят карандаш и ломают его; от таких непослушных, упрямых детей, после нескольких замечаний, самое лучшее отбирать карандаш и ни за что не возвращать на том уроке; если дети начнут слишком громко кричать, драться, царапаться, то такого ребенка надо немедленно удалить, сдать другой сестре, и день или два не брать на урок. Опять, сестры, напоминаю вам, что тут и речи не должно быть о наказании: вы просто удалили его потому, что он «мешал вам заниматься». Не возвышайте голос, не кричите: ваш крик несколько не подействует на маленького упряма, а только может раздражить других детей и вызвать подражание его непослушанию. Уведите или унесите упряма, и спокойно, как бы ничего не было, продолжайте урок. Бывают несчастные дни, когда приходится удалить 2—3 детей, особенно в начале учебного года. Не пугайтесь этого, сестры, старайтесь сделать урок

веселым, занимательным, и вскоре не только вам не придется никого удалять, но дети сами будут вас просить «еще поучиться».

Письмо

Если вы вздумаете, сестры, дать нашим детям, так же как и нормальным, обыкновенные тетради и, надписав 2—3 палочки, дадите им карандаш и предложите писать, а сами отойдете к другому ребенку, предполагая, что он будет писать по данному образцу, то вы жестоко ошибетесь: ребенок-идиот тетрадь перемнет, карандаш сломает или, вернее, отгрызет графит, а если и начнет писать, то или проведет линии во всю страницу от края до края, или начертит такие замысловатые узоры, которые, конечно, не будут иметь ничего общего с вашими черточками.

Для начала лучше всего давать им шаблоны; в продаже их нет, надо самой изготовить. Дня через 4 или неделю дети выучивались проводить линии по шаблону; тогда, не забыв похвалить и наградить его конфеткой или картинкой, дайте ему писать черточки без шаблона от точки до точки, которые непременно поставьте с вечера. Часто приходится, вначале, взяв в руку ручку ребенка, проводить линии вместе с ним и с каждой линией слабее придерживать его ручку.

Очень трудно детям даются округления букв; из всех букв наиболее трудная для многих буква ж. Многие дети не могут сразу написать букву; приходится изучать ее по частям.

Так страшно медленно, с большим терпением можно выучить и идиотов писать или, вернее, списывать и писать только несколько знакомых им слов. Конечно, я говорю здесь о наиболее отсталых. — На письмо должно употреблять от 15 до 45 минут в день, но не более, чтобы не утомить наших слабых, больных деток.

Скоро вы заметите, сестры, что некоторым детям совсем не нравится писать писанные буквы, а разница в очертании писанной и печатной буквы окончательно сбивает их. Многие в свободное время списывают из книги, но всегда печатанными буквами; таких детей можно учить по образцу института слепых: писать печатными буквами. Это очень облегчает дело: дети-идиоты несравненно скорее и лучше пишут печатные буквы, а при списывании это является для них громадным облегчением. Ранее многие писали так: *вВеРра* или совершенно путали буквы, например, *кома* вместо *вода*, *ром* вместо *дом* и т.д. Хотя дети-идиоты и выучиваются списывать, но совершенно машинально, почти никогда не понимая, что они пишут, часто сбивают строчки, а перенос слов для них — непреодолимый труд. Очень немногие могут писать самостоятельно; большая часть из них выучивается без ошибок писать лишь несколько слов, например, свое имя, фамилию, названия дней и т. п.

Обращайте внимание на вид тетрадей, чтобы они не были грязны и измяты. Многие вновь поступающие имеют обыкновение, когда неверно напишут, поцеловать палец и мокрым пальцем стирать написанное; при частом напоминании и внимании учащей сестры дети скоро отвыкают от этой дурной привычки. Каждую субботу полезно делать осмотр тетрадей, и тех детей, у которых тетради не измяты, написаны чисто, наградить пряником или конфеткой. Детей очень интересует, кто в субботу получит сладкое и кто нет, а потому в пятницу и субботу все пишут лучше других дней. Не забывайте, сестры, надписывать на тетради имя, фамилию ребенка, число, когда тетрадь выдана и № тетради. Очень важно для проверки успехов ребенка знать, сколько тетрадей он исписал; не забывайте также хоть простой черточкой отмечать ежедневно, сколько написал ребенок: все это очень важно и интересно для определения не только успехов, но даже и болезни ребенка: ведь у нас нельзя, как в нормальной школе, руководствоваться годами или временем, употребленным на учете.

Чтение

Чтение, слияние звуков для детей-идиотов несравненно труднее письма; даже и научившиеся бегло читать (отсталые и эпилептики) часто не находят в чтении никакого удовольствия. Мне кажется, — быть может, я и ошибаюсь, — что сам процесс чтения настолько труден для наших детей, так утомляет их слабый ум, что интерес к прочитанному быстро теряется, а утомление часто вызывает головную боль. Вот, почему продолжительное чтение очень вредно для наших детей.

С большим терпением и трудом можно идиота выучить читать по складам.

Вначале детям не надо давать книг, а учить их можно только по азбуке.

Звуки дети-идиоты запоминают, сравнительно, довольно скоро, но зато долго путают их начертанье; чтобы заинтересовать детей, хорошо каждому подарить по маленькой коробочке; каждую букву, которую ребенок заучил, он получает в «подарок», как дети. Каждому хочется иметь побольше букв, и это возбуждает их старание; очень часто дети в свободное время вынимают свои коробочки и складывают знакомые слова. «У тебя только *мама*, да *ам-ам* есть, а у меня и *маша* и *каша*. — А покажи *машу*. Как будет *каша*! болтают дети между собою. Они, сами того не сознавая, значительно облегчат вам, сестры, ваш труд по обучению грамоте. С удивительным терпением учат они и поправляют друг друга. Конечно, случалось, что коробочки ломались, а буквы употреблялись детьми на постройку домиков: ломались и терялись; — не сердитесь за это на детей, — ведь и мы, взрослые, как часто не бережем своих вещей, употребляем их не на то, на что они

предназначены, — вспомним хоть хирургические ножницы, которые так часто употребляются вами для кройки и шитья! Но если вы заметите, что дитя нарочно рвет и бросает буквы, то, можно не только не заменять испорченных букв новыми, но и совсем взять у ребенка коробочку; но сразу отнимать буквы не надо: нужно предупредить об этом ребенка, сказать, что вы в последний раз даете ему буквы, — и сдержите ваше слово, сдержите непременно, даже не обращая внимания на его слезы. Любите, даже балуйте ребенка, но всегда исполняйте то, что обещаете. Дети, несмотря на то, что они мало развиты, прекрасно знают, кого можно неслушаться, а кого нет.

Чем веселее урок, тем лучше. Так, если вы при звуке *а*, шутя представитесь глухой, или при звуке *у* — выкажете страх, то это вызывает общий хохот, и эти два звука никогда не забудутся детьми; говорю по опыту.

Слияние звуков очень, очень трудно для детей-идиотов (для многих, к несчастью, оно остается непонятно на всю жизнь и, прекрасно зная азбуку, многие из них поэтому остаются неграмотными). Многие дети-идиоты стараются взять памятью и зрением, но не соображением: они запоминают и верно складывают многие слова, но при изменении хотя бы одной буквы совершенно теряются; разложить с ними слова на звуки, почти никогда не удается (потому так трудно детям-идиотам выучиться писать); сложить из знакомых звуков даже самое легкое слово дети тоже никогда не догадаются. Для многих несравненно легче заучивать слоги, т. е. — *бра, бре, бри* и т. д.; конечно, при этом буквы все-таки нужно называть только по звукам, т. е. не *бе, ре*, а *б, р*. Для многих почему-то значительно труднее слоги обратные: *ам — ом*, чем *ма — мо*. — Детям, которые очень просят книжку, можно дать азбукочку, азбуку Некрасова 5 к., как наиболее доступные по цене. Рекомендовать для вас, сестры, азбуки я не могу: выбирайте ту, которая вам кажется более удобной. Только для тех детей, которых, к сожалению, приходится учить по складам, пользуйтесь старинной азбукой «Елка»; она, правда, дорога, но более удачно составленной азбуки трудно найти. Для обучения по звуковому способу очень хороши азбуки «Наше родное» Бунакова и Попова для церк. прих. школ.

Называю вам эти книги не потому, что они лучше других, а просто потому, что они более мне знакомы.

Многие спрашивают: «по какой книге лучше учить, по какой азбуке легче выучить читать больного, отсталого ребенка?»

Такой книги, такой азбуки — нет, да и быть не может: дело не в книге, а в вас, сестры, в тех, кто обучает. Приведу для вас пример урока, точно записанный мною: *С*. — Дети, откройте коробочки и выньте ваши буквы, только не шумите. Кто мне сложит *мама*, а к то может сложить

маша (о прописных, больших буквах дети вначале не знают). Очень хорошо. Дайте мне букву *а*, теперь *м*. — Посмотрите, что я сложила, *а* — *м*. Повторите *а* — *м*, скорее, еще скорее, громче, скорее. Дети, догадайтесь, кто так кричит?

Д. — Собачка.

С. — Очень хорошо, но нельзя сказать собачка кричит, а как надо? кто знает?

Д. — Мяучит.

С. — Нет. Кто мяучит? подумайте.

Д. — Кошка.

С. — Вот хорошо, а собачка?

Все не знают, молчат; убедившись, что никто не знает, вы поясните «собака лает», но, нарочно, не сразу говорите, чтобы дать подумать деткам и иметь случай похвалить знающего. С. — А как надо сказать про корову, про лошадь? как называется человек, который не умеет говорить, который не слышит, не видит? — Очень хорошо, детки; но теперь довольно разговаривать, примемся опять за дело. (Если время позволяет, то можно рассказать о помощи слепым и калекам, о том как дурно смеяться и дразнить немого и т. д.)

С. — Вчера, дети, мы учили букву, да такую трудную, мудреную, что наверно позабыли? кажется, *у*.

Д. — Нет, сестра позабыла, совсем не *у*, а *е*.

С. — Вот молодцы, детки, мне помогли, лучше меня помните. Отыщите теперь эту букву и дайте мне. Посмотрите, какая это буква, повторите. Хорошо. Теперь вот что, детки, слышали ли вы, как наша маленькая Шура кричит?

Д. — Знаем, знаем: *ме-ме-ме*.

С. — Леля, напиши мне, как Шура кричит (ставит *ам*). Дети, смотрите, верно ли Леля написал?

Д. — Неверно, это — собака (дети уже позабыли слияние звуков, но у них осталось что-то в памяти о собаке и этих 2 буквах), наконец, кто-то поправляет, вспоминает: *ам, ам*, но сложить не может.

Я знаю, я знаю, хвастается другой, и пишет *м-а-м-а*. — Да он *мама* написал; вот Шура какая умная, и говорить начала, смеются другие (ребенок, сложивший неверно обижен, готов заплакать). Дети, не смейтесь, не хорошо; что ж, что он неверно сложил, — это не беда, разве вы никогда не ошибаетесь? Ты, Ольга, над всеми смеешься. Сложи-ка сама верно (складывает *маша*). Дети, кто прочтет?

Д. *маша*

С. — Вот какая у вас Шура умная стала: и *мама* и *маша* говорит; а все-таки никто из вас не сложил мне то, что нужно. Смотрите вот *м-е*, повторите за мной *м-е*, *м-е*, — скорее *м-е*, еще скорее. Вот, на завтра мне заучите, да чур не забывать, что *м-е* — будет *мэ*. — Теперь вы, маленькие, уберите ваши буквы да попишите немного, а я с большими почитаю.

Только так, шутя, играя, обладая большим терпением и возможно учить детей-идиотов.

Общее классное чтение, т. е. чтобы один читал, а другие следили совершенно бесполезно: один будет читать, а следить никто не будет, — слишком мало развиты, слишком рассеянны наши дети. Здесь с каждым приходится заниматься отдельно и ни в каком случае не более, как с двумя сразу. Очень часто случается, что ребенок прочтет 2—3 строчки, а запомнит только 3—4 последних слова и совершенно изменит смысл прочитанного; напрасно будете вы заставлять его перечитывать одно и тоже несколько раз; прочитанное не делается для него более понятным: придется вам самим прочесть ребенку то, что он читал, и разъяснить. Но вообще с теми, кто хоть несколько выучился читать, не надо останавливаться на объяснении каждого слова (иногда это окончательно сбивает ребенка, а главное, мешает скорейшему изучению чтения); лучше обращать более внимания на само чтение, а когда ребенок начнет читать гладко (что, должна с грустью сознаться, бывает очень редко), можно опять приняться за пояснения. Чтением более 10—12 минут с одним ребенком заниматься нельзя: чтение страшно утомляет всех наших больных детей.

Заниматься одновременно более, как с 10 детьми-идиотами, одной сестре не советую; в продолжение 40 или 45 минут нужно успеть в это время раздать всем тетради и с каждым почитать; к концу урок дети утомляются и чтение идет более вяло. Урок оканчивается и дети сдают свои тетради дежурному или сестре. Не забудьте непременно каждому сказать, довольны ли вы его письмом, — это необходимо: пусть дети знают, что труд их не пропал даром, что они трудились не напрасно.

Но вот тетради и карандаши собраны, столы сдвинуты дежурными; пора приняться и за веселую игру или за гимнастику, смотря по расписанию.

БЕСЕДА VIII

Подвижные игры: пение, гимнастика

Самое главное при подвижных играх: это быть веселой и оживленной: бегать, шутить, смеяться; знаю, сестры, знаю по опыту, как иногда бывает

трудно, невыносимо тяжело казаться веселой: смеяться, когда готова расплакаться, но что делать, приходится переламывать себя; при детях вообще, а при больных тем более, нельзя быть скучной. Наши дети — больные дети, часто бывают они раздражительны и капризны; вы, сестры, должны развеселить их, помочь им забыть об их болезни, а если мы сами будем скучные да задумчивые, то на детей только тоску наведем и принесем им большой вред. Повторяю еще раз: когда подвижные игры веселы и оживленны, то дети никогда не откажутся от них; но если вы будете играть вяло, как бы нехотя, часто останавливать, окликать детей, то дети или нарочно будут путать игру, или все разойдутся. Принуждать детей к игре, конечно, никогда не надо: дети по собственному желанию, принимают участие в подвижной игре и уходят, когда захотят. Быть может, сестры, вы думаете, что от этого произойдет беспорядок? нет — игра по принуждению — не игра; от вас, сестры, зависит заинтересовать детей, и тогда никто не уйдет, а, напротив, дети, даже наименее развитые, сами придут к вам и будут просить вас (часто знаками) принять их в игру. Если они и помешают вам, — не сердитесь на них, не гоните от себя, а, напротив, ласково встречайте их и старайтесь заинтересовать игрой.

К несчастью, есть дети-калеки, которые не могут принимать никакого участия в подвижных играх; чем веселее, оживленнее игра, тем скучнее, злее делаются они: вид веселых, резвящихся детей доводит их до отчаяния, а у некоторых просто от шума да крика появляется головная боль. Таких больных, раздражительных детей необходимо до начала игры отнести в другую комнату и сдать такой сестре, которая сумела бы отвлечь их от шума и смеха соседней комнаты и заинтересовать игрой или рассказом, доступным ему. Но есть и такие дети-калеки, которых, напротив, очень радуют, занимают подвижные игры: они громко смеются, машут ручками и ножками, такими радостными минутами ребенка-страдальца необходимо воспользоваться и, если он не слишком тяжел, то взять его на руки или подвести его кресло ближе к играющим и дать ему возможность тоже принять хоть какое-нибудь участие в игре. От вас, сестры, будет зависеть направить детей так, чтобы они жили дружной семьей, и более здоровые уступали бы, хоть иногда, слабейшим, не сердились бы, когда и они, бедные и слабые калеки, принимают участие в игре; а напротив, давали бы возможность, замедляя бег, поймать себя, что всегда доставляет большое удовольствие больному ребенку. При ровном, добром, а главное справедливом отношении ко всем детям — этого не трудно достигнуть.

Игры в мяч. Дети составляют круг, но не держатся за руки, или стоят на ранее определенных местах, а если детей мало, 2—3, то просто становятся в ряд, а сестра или один из детей становится в середину круга и, по очереди, кидает каждому ребенку большой мяч, а дети, строго соблюдая очередь, ловят его. Как ни скучна, ни однообразна эта игра,

но могу сказать по опыту, что она всегда почему-то очень занимает детей; игра эта очень полезна: она упражняет детей, плохо владеющих руками, а главное, дисциплинирует детей; дети сами во время игры строго следят за очередью и всегда остановят товарища, который захотел бы ранее схватить мяч.

Партийные игры в мяч (когда дети делятся на две партии, и одна из другой старается отбить мяч, или перекинуть за черту) мало понятны, трудны для наших детей, а потому совсем их не интересуют².

Бросание мяча вверх или вдаль с таким расчетом, чтобы дети, кидаясь веселой толпой, ловили его — опасно и вредно: слабейший может быть смят, ушиблен; а желание поймать мяч настолько возбуждает наших нервных детей, что они совершенно забывают об осторожности и, вырывая мяч друг у друга, легко переходят от игры к драке. — Вообще, сестры, не забывайте никогда, что дети наши — больные дети, с очень слабой волей, не умеющие сдерживать себя, а потому надо играть с ними лишь в такие игры, которые занимают, но не возбуждают их, — ведь вы, по опыту, знаете, как вредно для них волнение.

Игра, — катание большого мяча, а дети стараются маленькими мячами попасть в него, тоже доступна только школьникам: дети менее развитые путают мячи, и нарушают очередь, — все это вместо веселой игры, даже и при опытной сестре, легко вызывает ссоры детей. Наиболее подходящие игры в мяч для детей III и IV группы: это 1) катить и ловить мяч, сидя на ковре, но отнюдь не на табуретке, так как пришлось бы наклоняться, а это очень вредно нашим детям: может вызвать припадок. 2) Бросать и по очереди ловить мяч. 3) Бросать мяч так, чтобы он ранее ударился о землю или пол, а потом ловить его. 4) Бросать мяч, а тот, кто ловит его, должен ранее, чем поймать мяч, сделать какое-нибудь, заранее условленное, движение, например бить в ладоши, подпрыгнуть и т. п. Теперь, сестры, я скажу вам еще нечто об игре в мяч, что вам покажется, быть может, и странным и лишним, но я считаю это очень, очень важным. До начала игры в мяч вы непременно должны запастись полотенцем: многие из наших детей лизнут мяч, или просто их слюни (которые так часто текут у них) попадают на мяч, — пыль, как вы знаете, легче пристает к мокрому; подумайте, сколько лишней пыли бедные дети наглотаются (почему гораздо лучше бросать мяч, чем катать его), а как велика опасность, если мокрый мяч с необтертой слюной, попадет в руки другого ребенка, который тоже полижет его!... Вам необходимо, сестры, во время игры возможно чаще вытирать мяч, почему всего удобнее, если вы находитесь в середине круга, и каждый ребенок бросает вам мяч; вы всегда будете иметь возможность, когда нужно, обтереть его; но если, по ходу игры, дети кидают мяч друг другу, то, до начала игры, установите их так, чтобы чистенький ребенок играл с более опрятным, а сами встаньте около «слюнявчика», как вы их называете. Конечно, это причинит вам некоторые хлопоты

но что делать! ведь не на отдых вы, мои милые, добрые сестры, пришли сюда.

Подвижные игры

Самая любимая игра мальчиков, и всем известная, это игра в лошадки. Дети играют в эту игру одни, — без вашей, сестры, помощи; надо только следить за кучером, как он запрягает лошадь; никогда не позволяйте завязывать веревку около шеи или брать в рот; лучше всего дать две петли в руки ребенка, изображающего лошадку; опоясывать тоже неудобно: при замедлении бега веревка опускается, запутывает ноги ребенка и он падает. Необходимо тоже почаще напоминать кучеру, чтобы он не бил лошадку, а был бы добрым кучером.

Игра в пятнашки очень вредна для наших детей, — трудно найти двух-трех одинаково ловких детей; слабейший в этой игре всегда будет обижен; но особенно эта игра вредна тем, что поймавший слабейшего ударяет его, т. е. делает то, что должно быть совершенно изгнано из стен приюта. Говорю по опыту: эта игра не раз служила началом драки, а некоторых детей-идиотов выучила драться; ведь немногие из них понимают шутку, а соразмерить силу удара и совершенно не могут.

Игра в горелки тоже мало понятна нашим бедным деткам, они всегда разбегались в разные стороны, вместо того чтобы ловить друг друга³.

Более доступна и понятна для наших детей игра в полотно, в золотые ворота, в коршуны, короли и краски. Эти игры известны всем, а потому я и не буду их описывать.

Очень занимает детей игра *гуси-лебеди*; но в эту игру можно играть лишь утром, но никогда — вечером: волк, ловающий гусей, производит на многих столь сильное впечатление, что дети, игравшие вечером в эту игру, ночью просыпались с криком: «волк, волк». Вот, насколько нервны наши бедные дети! и насколько надо вам, сестры, быть внимательными даже при выборе и руководстве играми. Хороша тоже *игра в птиц и зверей*: она очень похожа на игру в краски. Каждый ребенок берет себе название птицы или зверя; хозяин запоминает названия и продает их, а покупатель приходит покупать; и как только он назовет птицу или зверя, имя которого выбрал один из играющих, то он встает, хозяин расхваливает его и говорит цену; покупатель торгуется, во время торга, зверь или птица убегает, а покупатель бежит и догоняет его; если покупатель не догнал, то, вернувшись к хозяину, ребенок меняет название. Эта игра хороша тем, что дети запоминают названия зверей и птиц и полезна для счета.

Но не все дети любят шумные, подвижные игры: особенно в комнате не все могут выносить шум и крик, почему несравненно полезнее для наших детей игры с пением, которые все дети очень любят; игр этих очень много в разных сборниках сетских песен и игр. Особенно полезны

и интересны те песни, где детям приходится подражать движениям при полевых работах крестьян, или петь по очереди, как, например, при известной песне: «а, попалась, птичка, стой», или «сей-ка, сей мужичек».

Несколько таких песен, вы, сестры, обязаны списать и заучить наизусть, чтобы петь с детьми.

Гимнастика довольно скоро надоедает детям, но раза два в неделю дети занимаются ею довольно охотно, особенно мальчики. Конечно, нельзя требовать от наших детей точного, ровного исполнения всех движений — достаточно если они все будут в состоянии в одно время (по команде) поднять или опустить руки, но требовать совершенно прямо вытягивать руку, с повернутой известным образом ладонью, совершенно излишне; при такой педантичности гимнастика, — говорю по опыту, — быстро надоедает детям и превращается в самый скучный урок. С нашими детьми наиболее удобно делать лишь следующие движения: 1) подымать вверх и опускать руки при счете 1—2; 2) подымать руки наравне плеч, тоже при счете 1—2, это движение почему-то очень трудно для многих детей; 3) сгибать руки вперед и в стороны при счете 1—4; 4) сгибание туловища вперед, вправо и влево, при счете 1—4 (руки держать на бедрах). Маршировка и повороты. Подымание и сгибание ног, 1—2. Приседание, 1—2. Прыгание через разложенные на полу палки. Очень полезно делать движения с толстыми палками в руках; детям это доставляет большое удовольствие, а все движения производятся гораздо ровнее. При гимнастике необходимо, чтобы дети стояли возможно далее друг от друга, иначе они могут нечаянно ушибить соседа. Гимнастикой можно заниматься раза два в неделю минут по 20, с перерывами, чаще — она надоедает; конечно, я не говорю о врачебной, назначенной доктором.

Примечание для сестер. Участвовать вам, сестры, необходимо во всех подвижных играх (кроме бега в лошадки): дети одни играть не могут: они или поссорятся, даже подерутся, или разбредутся по углам. Помните, когда дети ссорятся, то в этом виноваты вы, сестры: если вы не заняты между собою пустыми разговорами, а обращаете все ваше внимание на детей, то вы всегда вовремя придете к детям на помощь, и ссоры или драки не произойдет (конечно, я исключаю случаи особенной болезненной раздражительности детей, — обыкновенно предшествующей эпилептическим припадкам, но такого ребенка нельзя оставлять с другими детьми, а необходимо отделить). Вы, сестры, должны, внимательно следить за играми детей и при малейшем неудовольствии играющих спешить к ним на помощь: самой принять участие в игре и, вообще, стараться помирить их; если один другого дразнит, отнимает игрушки, не сердитесь на обидчика, не возвышайте голоса, не стыдите его; верьте мне: вы никогда не убедите ребенка-идиота, особенно когда он раздражен; он даже и слушать вас не будет; постарайтесь лучше обратить его внимание на что-нибудь другое.

БЕСЕДА IX

Продолжение учения. Счет и заучивание наизусть

Поиграв в одну из вышеприведенных игр или поделав гимнастику и отдохнув вполне от первого урока: письма — чтения, дети принимаются вновь за учение. Теперь устный урок, счет. Учить детей считать наизусть 1, 2, 3, 4 и т. д. — не надо, лучше наглядно; многие дети-идиоты обладают хорошей памятью и легко выучиваются называть числа до 30, даже до 100, но какая в этом польза? (до начала урока не забудьте приготовить те мелкие вещи, которые вы хотите считать, например, палочки, пуговики). Дайте ребенку одну пуговику и скажите, что это одна пуговица, потом дайте вторую и сообщите, что теперь у него или на столе — две пуговики. Многие дети-идиоты стараются заметить, которая пуговица одна, а которая две; много, очень много терпения и труда надо употребить, чтобы избавить детей от этой ошибки; очень долго некоторые дети не понимают, что значит число 2, 3, и на просьбу дать две пуговики, — подают ту, которая дана им второй. Более 1—2 чисел в неделю не заучивайте; но то, что выучили, дети должны знать твердо. Для более развитых детей очень хорош учебник Воленса, где такая масса легких задач. Все задачи нужно решать наглядно (те задачи, которые наглядно решить нельзя, например о годах, лучше пропускайте); никогда не задавайте слишком трудной задачи; чем проще и легче, тем лучше; но если вы ошиблись, задали задачу не по силам и замечаете, что ребенок начал раздражаться, — не настаивайте на объяснении, а лучше помогите, объясните. Дети особенно любят считать мелкие предметы, особенно конфетки, или карамель в бумажке; все, кто верно считал, имел право после урока съесть одну конфетку, а потому урок счета, или «сладкий урок», как дети его называли, — был любимым уроком. Часто бывала во время урока оживленная торговля (вместо денег можно употреблять кружки бумаги соответствующей величины, обклеенные коричневой бумагой). Вот тебе одна копейка, дай мне 2 конфеты: продай мне три конфеты, а я тебе дам 3 копейки, вот тебе за 1 конфетку 1 коп., за вторую конфету 1 коп. и за третью конфету 1 коп., — сосчитай сколько копеек я тебе дала? Одна конфета стоит одну коп., — вот тебе 2 коп., сколько дашь ты мне сдачи? (это слово хорошо знакомо нашим детям, так как многие из них бегали в лавку до определения в приют). Одна булка стоит 1 коп., дай мне 2 булки; сколько мне надо тебе заплатить? У меня было 3 коп., я купила карандаш за 2 коп.; сколько у меня осталось? Тетя тебе дала 3 коп., ты одну потерял; сколько у тебя осталось? У тебя было 2 коп., Леля дал тебе одну коп.; сколько у тебя теперь денег? И т.д. и т.д.

Замечательно, дети никогда не ели то, что считали! Три раза в неделю (через день) удобно заниматься счетом, а другие три дня употребить на заучивание наизусть. При **заучивании наизусть** надо обращать

особенное внимание на произношение: лучше выучить одну строчку, даже одно слово, но правильно, чем много, да плохо. При выборе стихов или песни (конечно возможно короткой и легкой), необходимо обратить внимание на каждое слово, — в состоянии ли дети произнести их; чтобы убедиться, что выбранное вами стихотворение или песня не слишком трудны для детей, — лучше всего, до начала заучивания первых слов, прочтите детям все стихотворение, пусть все дети повторят его за вами, и когда вы убедитесь, что дети в состоянии ясно произнести все встречающиеся в нем слова, — вы вновь, одна, прочтите, объясните детям его смысл и тогда только начинайте учить первые слова отдельно, по складам, иногда помогает отбивание такта. Дети особенно любят заучивать такие стихотворения, где приходится говорить двум-трем. Сшейте деткам соответствующие костюмы или просто склейте головные уборы, и дети будут в восторге. Не торопитесь заучивать длинные стихотворения; если у вас и попадетсЯ ребенок с хорошей памятью, — не утруждайте его. Правда приятно, иногда, похвалить познаниями своего воспитанника, но не забывайте, сестры, что и чрезмерно быстрое запоминание длинных, непонятных ребенку стихотворений, имен или чисел есть тоже ненормальное явление, которое не только не следует развивать, но, напротив, приходится сдерживать.

Примечание для сестер. Всего правильнее заниматься с детьми утром, от 9—10 или немного менее, чтением и письмом; 10 - 10 1/2 подвижными играми или гимнастикой, а до 11 счетом или заучиванием наизусть; если вы занимаетесь с одним или двумя детьми, то время учения должно быть еще сокращено; так как занимаясь с меньшим числом детей, вы можете в 1/2 часа сделать то, чего не сделаете и в целый час с большим числом детей (вообще классное учение мало подходит для наших детей, где каждый ученик требует полного внимания учащего). Не удивляйтесь, сестры, если ваш ученик-эпилептик, вчера еще учившийся порядочно, вдруг ничего не знает, все путает. Бога ради в такие тяжелые для него дни (он, несчастный, часто сам сознает, что делает и говорить не то, что надо), не сердитесь на него, не упрекайте его, а напротив, старайтесь ободрить и успокоить. Такое печальное состояние бывает предвестником продолжительных, тяжелых припадков. Случается, что после особенно сильного припадка, или ряда небольших, но тяжелых приступов, ребенок забывает все, что знал. Досадно, тяжело вам, сестры, вновь учить его тому, чему вы обучили его с таким трудом, но подумайте, каково ему, несчастному? Не упрекать, не сердиться, а напротив, должно жалеть его, стараться облегчить ему его тяжелое состояние и, посоветовавшись с доктором, временно освободить его от занятий; как бы ни были они легки, но все-таки утомляют его слабый, больной мозг.

БЕСЕДА X

Прогулка

Ранее чем начать собираться на прогулку, необходимо точно решить, кого брать и кого оставить дома. Если в той комнате, где играют дети, начать говорить о прогулке, или принести пальто, шапки, калоши и другие принадлежности детской одежды для прогулки, то те дети, которые не могут идти гулять, непременно начнут капризничать и плакать; никакие ваши убеждения, «что ты кашляешь, тебе доктор велел дома сидеть, у тебя насморк» и т.д., — не помогут; ребенок будет плакать и упрямо повторять: «я хочу гулять, пустите меня». Конечно, возможно не обращать внимания на крик ребенка или (как многие часто советовали) просто запереть его, «чтобы никому не надоедал своим криком»; но подумайте, сестры, хорошо ли это? не лучше ли не доводить ребенка до раздражения. Не забывайте, сестры, никогда, что дети наши — больные дети, а потому, сестры, вы должны предвидеть и отстранять от них то, что их может раздражить: лучше всего приготовьте заранее все, что нужно им одеть, и вызовите незаметно в другую комнату тех детей, которые пойдут гулять, а оставшихся дома постарайтесь занять игрушками.

Всех детей сразу одевать нельзя: тем, которых одели ранее, будет жарко и они легко могут простудиться; несмотря на запрещение почему-то няни, ранее служившей в приюте, всегда нарушали это правило и, желая вывести гулять всех детей сразу, торопились одеть их, путали вещи; а дети, ранее одетые не хотели ждать, капризничали, и в свою очередь тоже торопили сестер или старались открыть двери и без старших уйти; няни ворчали на детей, и, вместо веселой, здоровой прогулки, была ссора, общее неудовольствие. Советую вам делать так: ранее, чем одевать детей на прогулку, необходимо более старшим напомнить о необходимости «выйти», а всех маленьких посадить. Дети очень часто мочатся на прогулке, особенно в холодные дни. Убедившись, что ребенок сходил, вы ему одеваете (кому назначено) теплые штаны и чулки, и всем калоши; конечно, я говорю о холодном времени; вообще, надо начинать одевать детей со старших, более здоровых; многие из них, конечно, могут сами одеться, надо только до прогулки каждого осмотреть: дети-идиоты очень часто не застегивают крючков у воротника, потому что застегнуть крючок для них несравненно труднее, чем застегнуть пуговку; часто тоже они забывают одеть шарф или так завяжут его, что пользы никакой нет. Башлыки или платки надо завязывать вам, сестры, самим. Хотя очень хорошо, когда старшие дети помогают одевать младших, но не доверяйте, сестры, старшим детям одевать маленьких на прогулку: небрежность может повести к слишком печальным, даже опасным последствиям. Я знаю такой случай: одна

няня слишком крепко завязала 2 л. мальчику шелковый платочек и принесла его с прогулки задышающегося, в полусознании, а как часто причиной дифтерита, воспаления легких и других серьезных заболеваний бывает преступная небрежность нянюшек, недостаточно тщательно, аккуратно одевших детей! Конечно, чем меньше кутать ребенка, тем лучше, но, к несчастью, не всегда это возможно. Вспомните, сколько есть между нашими детьми больных, слабых детей, даже чахоточных, требующих особого внимания к себе. Как тяжело вам будет, сестры, сознавать, что, благодаря вашему невниманию, увеличился кашель, усилились страдания ребенка, а потому одевайте детей на прогулку очень тщательно, особенно в холодные дни; а вы, вновь поступившие, молодые сестры, не одевайте детей никогда по собственному разуму, а всегда посоветуйтесь со старшими, более опытными сестрами. Раньше всех детей непременно должна одеться одна сестра и, как только будут одеты 2—3 больших, более здоровых детей, — пусть она, никого более не дожидаясь, идет с ними в сад. Одетых детей сестры постепенно выводят к ней и остаются помогать ей присматривать за гуляющими детьми. В более холодные дни необходимо на прогулке, снимая перчатку, дотрагиваться до щечек и ручек более слабых детей, чтобы определить, не озябли ли они. Ведь не все наши дети могут даже криком выразить, что им холодно; вот, как беспомощны, жалки наши дети! Вообще, идиоты очень мерзлые; маленькие, конечно, зябнут скорее больших, а потому ранее должны быть уведены домой.

Весною или летом, когда дети одевают кофточку, да платочек или одну шляпу, можно сразу выводить всех детей (конечно по отделениям). Всего удобнее было бы, как во всех приютах, расставить детей попарно, по росту, и «по команде» двинуться в путь; — увы, не все наши дети подчинятся команде, да и многим ли будет она понятна! А пары так легко могут быть расстроены неожиданным припадком!

По лестнице всего удобнее идти в таком порядке: впереди идут 3—4 более развитых детей, твердо держащихся на ногах, за ними сестра, а за нею 2—4 припадочных; заметьте, сестры, припадочные идут непременно сзади сестры, потом опять сестра и около нее 2—3 маленьких; сзади сестры с маленькими на руках, или поддерживая слабейших; еще раз повторю, — припадочные идут посредине; — при внезапном припадке вы всегда имеете возможность поддержать его. Подумайте, какое может быть ужасное несчастье, если припадочный ребенок, идя впереди всех, скатится в припадке, в конвульсиях, со всей лестницы, как страшно он может разбиться! Конечно, было бы удобнее каждого припадочного отдельно свести с лестницы за руку, но эпилептики, как вам известно, большею частью очень упрямы: «зачем ты меня держишь? отпусти меня!» кричит ребенок, стараясь вырваться. Вы знаете, сестры, мое правило предупреждать всякое волнение больного; если вы всегда будете идти среди детей, то и дети привыкнут к этому; а если эпилептик

вздумает идти впереди, то его легко задержать, хоть под предлогом принести игрушку, шляпу и т. п. Главное, не дайте детям-эпилептикам возможности догадаться, почему вы не пускаете их впереди. Приходится сознаться, что с эпилептиками несравненно труднее, чем с идиотами: они непослушны, придирчивы, очень раздражительны и крайне обидчивы; порою приходится при эпилептиках обдумывать каждое слово, ранее чем сказать его; так, например, достаточно сказать эпилептику на прогулке: «не лазай туда, ты припадочный, можешь упасть и разбиться», будьте уверены, что все эпилептики непременно полезут туда, или, если и подчинятся более строго высказанному запрещению, то начнут жаловаться на свои страдания и лишения, и испортят веселое настроение всех гуляющих.

Самое лучшее, это во время прогулки предоставлять детям возможно больше свободы и следить за ними издали, как бы незаметно, и никогда не напоминать эпилептикам, что то или другое запрещают им по болезни, из-за припадков: никакое объяснение не помогает. Даже наиболее развитые эпилептики, хотя и прекрасно сознают справедливость запрещения, но почему-то страшно раздражаются им и, пренебрегая опасностью, как бы нарочно нарушают его.

Чем больше дети резвятся и бегают на прогулке, тем лучше: стеснять их не следует; если они упадут, даже немного ушибутся, то вред будет несравненно меньший, чем от частых и порою бесполезных окликов: ничто так не раздражает детей, не портит их беззаботное детство, как ежеминутные напоминания: не махай руками, держись прямо и т. п.

Во время прогулки на дворе или в саду ваша помощь, сестры, почти не нужна, конечно, кроме подвижных игр, которые летом из-за жары переносятся на вечер. На прогулке, будь это в саду, поле или просто на дворе, ребенок всегда найдет себе занятие: и побегать места больше, да и всякая букашка, каждый цветок летом привлекают его внимание; осенью его занимают сухие листья, которые он собирает в кучу, а зимою — снег, да салазки доставляют ему истинное блаженство; вот иногда пробежать, да прокатить ребенка на саночках — дело хорошее⁴.

От вас, сестры, на прогулке требуется бдительный надзор, который очень, очень труден: на прогулке вы особенно внимательно должны следить, чтобы дети-идиоты не убежали; не глотали зимою снега, а летом камешки, что весьма опасно: вся ответственность при несчастном случае, происшедшем от недосмотра, падает всецело на дежурную сестру-няню, которая может за это серьезно ответить, даже перед судом.

Возможно ли и нужно ли водить наших детей гулять на улицу, за ограду приюта? спрашивают многие. Не только можно, но и должно (конечно, не полных идиотов и не слишком беспокойных). На прогулку

по улице надо брать не более 2—3, и гулять с одними и теми же раза два в неделю. Прогулка за оградой приюта, — это тот же наглядный урок, но более оживленный и веселый, а потому и более полезный. Сколько нового, интересного увидит ребенок на улице, сколько новых слов он заучит, а сколько впечатлений!

На прогулку надо брать детей, приблизительно, одинакового развития и, применяясь к их познаниям, обращать их внимание на встречающиеся предметы, или просто называя их (менее развитым), или объяснять что и для чего делается (кондуктор звонит, вывеска висит и т. д.). Необходимо во время прогулки обращать внимание детей на все, что может заинтересовать, а главное, развить их. Весьма интересно проследить, что особенно поражает и радует ребенка, как на него действует шум улицы, насколько он запоминает местность, и т.п.

По возвращении домой, сестра, не участвовавшая в прогулке, обязана расспросить ребенка обо всем, что он видел и что более всего понравилось ему. Случалось, что ребенок, не умеющий связать 2—3 слов, под впечатлением передавал довольно толково о своей прогулке; всего лучше, если сестра, которая гуляла с детьми, тоже присутствует при разговоре и соответствующими вопросами наводит ребенка на мысль, напоминает то, что ребенок забыл рассказать. — Прогулка за оградой приюта, это одно из вернейших средств заставить детей говорить; придя домой, дети всегда бывают очень разговорчивы. Некоторые очень неохотно, кратко отвечают старшим, и очень много, подробно рассказывают своим сверстникам. Как полезно для вас, сестры, прислушиваться более внимательно к их лепету: вы можете узнать, что более всего нравится или удивляет ребенка, легко убеждаетесь, развита ли у него фантазия, или совершенно отсутствует? есть ли у него склонность ко лжи, преувеличению и т. п. Все это очень важно не только для вас, сестры, но и для врача-психиатра; а как бывает отраднo замечать, что на каждой прогулке ребенок выучивается чему-нибудь новому: привыкает не сталкиваться с прохожими, узнавать свой дом, улицу; запоминает новые слова, ранее ему неизвестные.

Насколько полезны детям прогулки, могу привести такой пример: в приют была определена десятилетняя немая девочка, очень отсталая в умственном развитии. С большим трудом, по губам, она выучилась говорить несколько слов, наиболее ей необходимых; звуки она могла все произнести, но учиться говорить более не хотела; напрасно ей показывали картинки, желая выучить ее названиям нарисованных предметов. «Не хочу, не надо», — был ее обычный ответ. У нее заболели глаза; пришлось через день ездить с нею в Георгиевскую общину: моя Катя увидела массу новых, заинтересовавших ее вещей (она была очень наблюдательна): и мост, и ялик, и «большая вода» (река), и сестра

милосердия в невиданном ею костюме, все служило предметом для бесед; после каждой поездки Катя заучивала 2—3 новых слова. Ей нарочно не отвечали тотчас, на предлагаемые ею вопросы; интересовавшие ее предметы нельзя было, как дома, взять в руки или указать их: приходилось говорить о них, описывать их. Катя впервые поняла, чего она лишена, не имея дара слова. «Учись, старайся», — был наш обычный ответ, и она с жаром принялась за учение. За три года она выучилась говорить настолько порядочно, что могла оставить приют и поступить на место.

Но насколько полезна, даже необходима прогулка по шумным улицам города для ребенка вялого и отсталого, чтобы вывести его из его вечной, скучной апатии и возбудить его внимание, настолько вредна прогулка по улице для ребенка нервного и впечатлительного, или подверженного подергиваниям, которые обращают на себя внимание прохожих и могут, к сожалению, вызвать неуместные замечания, которые страшно обижают и волнуют наших бедных деток. Звонки конок, шум экипажей — пугает некоторых, а толпа, магазины, — все это настолько возбуждает их, что может вызвать даже ухудшение болезни. Для таких нервных, впечатлительных детей, наилучшая прогулка на дворе, в своем саду, где никто не пугает и не раздражает их, где они могут пользоваться полной свободой: лучше всего, если такой нервный, раздражительный ребенок имеет «свой уголок», хоть в одну квадратную сажень; — он может иметь в нем и «свой огород», грядка в 1 арш., и свой дом (скамейка с навесомъ), и сад, — куртинку с 2—3 цветками, или просто кучу песка, доставляющую ребенку такую массу удовольствия; говорю по опыту: такой «свой сад» сослужил мне добрую службу, успокоив совершенно девочку настолько раздражительную, что ее приходилось связывать...

Конечно, прогулки по шумным улицам города нельзя и сравнивать с прогулками в поле и лесу, но не для всех они доступны!..

Запомните, сестры, хорошенько, что я вам теперь скажу: возвратясь с прогулки, надо непременно посмотреть, не промочили ли дети ноги. И если это случилось, то поскорее переобуть их; зимою обращайтесь ваше внимание, не озябли ли более слабые дети; и поспешите дать озябшим, в предупреждение простуды, несколько глотков теплого молока; но никогда, сестры, не подпускайте их греться к печке: это очень, очень вредно. Не забудьте также и посадить их, а тем, которые постарше, напомните об этом; сознайтесь, очень уж скучно их переодевать. Более развитых детей необходимо приучать самих вешать на место свое пальто, убирать шляпу, башлык, перчатки. Приучить детей к порядку совсем не трудно: надо только каждый день, при возвращении с прогулки, напоминать деткам об этом; но если вы сегодня сами

повесите пальто, завтра бросите его куда-нибудь, а послезавтра потребуете, чтобы ребенок убирал свои вещи, то, конечно, ничего не достигнете. Вешалку необходимо прибить так низко, чтобы дети сами, без труда, могли бы ее достать, и каждый ребенок имел бы на ней свой крючок, со своим номером. После прогулки необходимо вымыть детям руки, а иногда и лицо.

БЕСЕДА XI

Ручной труд

После прогулки, обыкновенно бывает обед, но о нем я ничего говорить не буду, так как об этом мы уже подробно говорили в беседе IV. Не забудьте только перед обедом осмотреть, чисты ли у детей руки, а маленьких «посадить»; очень неприятно, когда за обедом случится беда и приходится уводить или уносить ребенка, который при этом всегда поднимает крик. После обеда дети принимаются за ручной труд, который я считаю наиболее нужным, наиболее важным для наших бедных, больных детей; много, очень много пришлось мне потрудиться и подумать о нем. Сознаюсь, вначале я часто ошибалась, давая детям не те работы, начиная не те рисунки, которые они могли исполнить. Много материала перепортили мы! — но не напрасно прошли эти годы, теперь я могу по опыту предупредить вас, чтобы и вы, сестры, уча детей, не впали в те же ошибки, как я. Первое и самое главное правило: давайте ребенку работу по силам, только то, что он может исполнить, что ему легко исполнить; один-два раза вы ошиблись; дали слишком трудную работу, которую пришлось распарывать и переделывать несколько раз; ребенок теряет всякое желание, интерес к труду: он более не старается, работает нехотя, а такая работа, конечно, пользы не принесет.

При обучении детей-идиотов чтению, письму и счету, к сожалению, результаты получаются очень неудовлетворительные: после нескольких лет упорного труда идиоты едва научаются читать по складам и писать несколько слов, или списывать, да немного считать. Конечно, эти малые, печальные результаты не могут принести никакой практической пользы: учить идиота можно лишь: 1) надеясь, что он как-нибудь вдруг да разовьется, и 2) для удовлетворения родителей, которым так тяжело, невыносимо - тяжело сознаться, что их ребенок настолько туп, что даже останется безграмотным на всю жизнь. — Детей-идиотов, как я вам уже говорила, ни чтение, ни письмо несколько не интересуют и, как вы, сестры, ни будете стараться весело вести урок, детям все-таки через 2—3 года надоедает учение настолько, что многие бывают очень рады, когда их перестают учить. Совсем не то с ручным трудом: очень немного встретите вы таких ленивых идиотов, которые не хотели бы работать; напротив, все они готовы помогать вам: мальчики всегда стараются раздобыть гвозди да молоток, девочки — иголку с ниткой, и пошла работа! Но какая? сколько испорченных вещей, сколько слез! Тот руку

ушиб, эта — палец уколола, а там, глядишь, и вещи нужные испортили! Вот тут-то, сестры, и нужна ваша помощь, ваше умение: занять идиота, дать ему посильный труд. Конечно, если бы вы захотели воспользоваться трудом ребенка-идиота, достигнуть практического результата, то, конечно, вы не были бы удовлетворены; правда, они могут делать многие маленькие вещицы для лотереи или для подарков, — но если вы подсчитаете, сколько времени пришлось вам употребить на заготовление да окончание работы, то, пожалуй, труда вашего будет более детского! Но что же делать? с этим приходится мириться: труд для ребенка необходим, он так же нужен ему, как воздух, как питание. Конечно, хорошо здорового мальчика-идиота приучать рубить дрова, а девочку — мыть полы, но не всегда это возможно. Вот и приходится, считаясь с местом и обстоятельствами, придумывать доступные им работы и занятия. Как все дети-идиоты, при умело выбранных работах, любят заниматься! Какая радость, какое старание скорее окончить «красивую работу», особенно если это подарок! — Постоянное занятие для детей-идиотов еще более необходимо, чем для детей нормальных. Помните, сестры, никогда не оставляйте их без дела. Какие только шалости, до онанизма включительно, не придут им на ум при бесцельном шатании из угла в угол. Вот причина, почему я даю детям, полным идиотам, так много бумаги: пусть они рвут ее, лишь бы руки не были свободны. Часто дети, даже II группы, просят дать им иголку и нитку. Не бойтесь, сестры, давать детям-идиотам самые большие канвовые, тупые иголки, — только следите, чтобы они не брали их в рот и не портили ими свою одежду, а по окончании работы непременно, по счету, принимайте их обратно.

Но приступим к обучению ручному труду.

Вышивание

Вышиванию можно учить как мальчиков, так и девочек; это одно из любимых занятий детей-идиотов. Но как приняться за него? Почти все девочки-идиотки очень любят шить. Но что это за шитье! Взяв иголку с наидлиннейшей ниткой, они совершенно бессмысленно втыкают иголку куда попало, стягивают нитку, и вскоре вся работа превращается в комок; некоторые, более развитые, замечают неправильность своей работы, сердятся, портят и рвут работу, но исправить ее не умеют. Так как шитье несравненно труднее вышивания, то начинайте учить детей ранее вышивать, что легче, да и веселее. Для начала возьмите дощечки от сигарных ящиков или купите доску дерева, приготовленного для выпиливания, — конечно, самую дешевую, коп. за 15 или 20; распилите ее на небольшие дощечки, и буравчиком просверлите на ней дырочки, от дырочки до дырочки проведите линии, и работа заготовлена: ни изорвать, ни смять они ее не могут. Возьмите толстую, непременно

тупую иглу, вденьте нитку и начните вышивать, продавая нитку в дырочки и покрывая ей проведенные на доске линии. Первое время и эта наипростейшая работа представляет детям некоторое затруднение, особенно им трудно при каждом стежке перевертывать работу (снизу попасть в дырочку они тоже не могут), а потому необходимо первое время помогать ребенку: придерживать работу, переворачивать и указывать дырочки. Конечно, вышивание по дереву практического результата иметь не может: вечером, ради сохранения рабочего материала, приходится распарывать то, что дети вышивали днем, но в такое время, когда они этого не могут увидеть, — уничтожение работы их очень обидело бы; многие дети-идиоты даже еще более нормальных детей дорожат своими работами и очень бывают довольны, когда их работы попадают в витрину, — на выставку.

Когда они немного начинают понимать приемы вышивания и протыкают иголку аккуратно в каждую дырочку, — без пропусков, — можно дать им кусочки картона (от старых коробок), на которых должен быть проколот и нарисован рисунок, материал не дорог; и возможно, ради поощрения, отдавать детям вышитые квадратики, что их всегда очень тешит; они их большей частью берегут, дарят друг другу или любимым сестрам. Всегда с большою радостью и благодарностью надо принимать их подарки. Постепенно от совершенно бесцельных квадратов можно переходить к вышиванию разных маленьких безделиц, годных для лотереи или подарков. Конечно, эти вещи тоже бездельны, но я уже объясняла вам, сестры, что труд этих детей важен, — не как производительный, действительно полезный труд; нет, он важен как лечение, как отвлечение ребенка от дурных мыслей и поступков, как занятие, отвлекающее его от мысли о болезни, а также и развлекающее его.

При некотором вашем старании, сестры, можно придумать массу очень красивых, разнообразных и легких работ; к сожалению, заготавливать их приходится самим: все, что есть в продаже, или слишком трудно, или слишком дорого для нас. В игрушечных лавках продается «прокальвание и вышивание», но оно настолько мелко, что я удивляюсь, как еще ни один доктор не обратил внимание родителей на развитие близорукости у детей при подобных работах. В последнее время в продаже появились очень красивые работы по сукну (рисунок проколот и начертан), но эти работы очень дороги, а потому и непрактичны для нас: идиот всегда может, совершенно неожиданно, испортить работу, а потому, сестры, нам самим приходится заготавливать все из самого простого, дешевого материала, например, карточной бумаги (лист 4 коп.).

Плетение

Благодаря машинной заготовке прорезные листы для плетения настолько теперь дешевы, что заготавливать их самим почти не стоит:

приходится тратить очень много времени, а экономии почти не получается. Всего лучше их покупать в мастерской учебных пособий и игр (Графский переулок, 9). Берите лишь самые крупные №, например 1 и 2; № 3 бесполезен для наших детей. Правда, из тоненьких плетенок можно делать очень красивые узоры, но мелкое плетение настолько трудно для наших детей, что его можно давать только отсталым детям-школьникам, а для них можно найти работу более полезную. К сожалению, очень мало применения можно придумать для плетенок; только маленькие плато да фунтики для елки. Зато плетенки являются подготовкой к другим работам, правда более дорогим, но и более полезным. Закажите плотнику квадратную рамку в 1/2 аршина или вершка. 10, набейте с 2 сторон гвоздики, на расстоянии 1 1/2 — 2 сантиметра, натяните на них тесемку, которую обыкновенно пришивают к подолу юбки, а ребенку дайте переплестать тесемкой другого цвета, нарезав ее предварительно на полоски, которые должны быть длиной с наружный край рамки, наметите плетенку по краю, снимите ее осторожно с рамки, шейте углом две стороны, и у вас получится мешок для щетки или пыльной тряпки; можно мешочек украсить шнуром, сплетенным или свитым детьми из остатков шерсти, а на уголках повесить помпоны, работы детей...

Закажите еще плотнику большую раму, аршина в два вышины и 1 арш. ширины, на верху и внизу прибейте также гвоздики, но пореже, через 3—4 сантиметра, туго натяните вдоль длинные полосы кромки сукна (можно очень дешево купить у военных портных), а, за неимением кромки, купите самое грубое солдатское сукно, разрежьте его на полоски и дайте детям переплестать; получатся очень прочные и довольно красивые коврики, которые можно положить на подкладку, а затем даже и продавать. Работа эта полезна и очень легка.

Более развитые дети могут плести корзиночки. Закажите меднику проволочные формы, купите в москательном магазине мочалу, с вечера намочите ее, и дайте детям обматывать проволоку; работа эта очень легкая, простая. При некотором старании можно сделать очень много красивых вещиц. Хороши тоже работы из папки и мочалы... Не так красивы, но более полезны работы из простой мочалы (покупаемой в москательных лавках): ее плетут толстыми косами, а потом сшивают кружками; выходят очень хорошие и прочные половики.

Описание всех работ очень затруднительно: образцы можно видеть и купить в приюте.

Шитье

К сожалению, шитье мало доступно нашим бедным деткам. Даже и наиболее развитые из наших питомцев, отсталые и эпилептики, —

с трудом справляются с ним. Особенно трудно им даются швы: подрубка, запошивка; без наметки, конечно, невозможны. Но не теряйте терпения и учите девочек шитью. Как знать, вдруг да и выучите чему-нибудь! Я видела идиотку (водянка мозга), которая знала лишь одну работу: прекрасно выметывала петли, — мать ее была белошвейка: и эта идиотка, почти немая, не умевшая в 20 лет купить фунт хлеба, являлась помощницей матери. Чтобы заинтересовать детей, никогда не давайте им шить ни к чему ненужные лоскутки. К сожалению, так учат во всех школах, благодаря чему многие девочки, предназначенные в белошвейки или портнихи, начинают ненавидеть шитье; да и может ли быть иначе, если они изо дня в день, целые месяцы шьют то, что будет брошено?

Чтобы заинтересовать девочек шитьем (я говорю о детях несколько более развитых, — для менее развитых достаточно вышивания), подарите ей неодетую куклу и предложите сшить ей много, много белья и платьев, целое приданое; все девочки, конечно, с радостью согласятся. Многим из них уже знакомо слово выкройка, некоторые даже слышали о школах кройки и шитья, и вот мы открываем такую школу! Надо видеть радость девочек, запасшихся, как и их старшие, здоровые сестры, тетрадкой, карандашом, наперстком, линейкой, с делениями и даже сантиметром! Заметьте, сестры, здесь опять соединяется игра с учением; только так и возможно учить наших детей. Помогите девочкам, которые могут начертить (по образцу) выкройку, а более слабым дайте выкройку рубашки, кнопками укрепите к бумаге; девочки с величайшим старанием обрисуют и вырежут ее, приколите к коленкору и поручите девочкам вновь обвести синим карандашом и вырезать. Девочки в восторге, думают, что они уже выучились кроить! Наметите рубашку по краю, немного отступя, проведите линию карандашом и начните по ней сшивать рубашку вперед иглой: этот шов — наилегчайший. Не позволяйте шить без наперстка, вначале он очень мешает девочкам, но впоследствии будет значительно труднее приучить их к нему. Многие вначале шьют, как в пяльцах, т. е. опускают иголку вниз и опять продевают вверх. Конечно, много, много времени пройдет, пока они выучатся даже самому простому шву — вперед иглой; пока они его твердо не выучат, не показывайте им других швов. Когда они сошьют всю рубашку вперед иголку, то низ можно вырезать фестончиками или, подогнув и наметав, тоже подшить вперед иглой, а ворот и рукава отделайте сами, сестры; окончив рубашку, продолжайте с девочками шить кукле приданое, — все тем же одним швом, вперед иголку. Постоянно наматывайте и проводите линию, где должен быть шов, — и вы, поверьте мне, так заинтересуете девочек, что многие, никогда и иголки не бравшие в руки, готовы будут чуть не целый день сидеть за шитьем. Некоторые девочки будут просить дать им работу

«настоящую», захотят сшить себе платье или передник; не препятствуйте им. Радуйтесь их желанию: возьмите мягкий (легче шить), дешевый ситец, и начните, благословясь. Конечно, вы сами успели бы сшить 3 платья несравненно лучше и скорее, чем помогать идиотке шить одно платье, но что делать, ведь ваша обязанность не только учить, но и развлекать больных питомцев.

Очень полезно выучить детей пришивать пуговицы; многие наши девочки, уже умеющие несколько шить, часто пришивают пуговицы не на то место, где она была пришита; чтобы приучить их верно пришивать пуговицы, я давала им кусок холста, разделенного синим карандашом на ровные клетки; в каждой клетке, посередине, девочка пришивала по одной пуговке. Пуговицы берите разные: с сквозными дырочками, ушками и дырочками внизу, представляющими наибольшее затруднение; выучившись крепко и аккуратно пришивать пуговицы, дети могут быть вам помощницами: сколько бывает досады, иногда и неприятности от оторвавшейся не вовремя пуговки!

Что касается штопки, починки, заплаток, то эта работа недоступна для идиотов; но остальные дети могут выучиться, хотя и с большим трудом.

БЕСЕДА XII

Кубики, постройки, рисование, вырезание и игрушки

Во всех беседах я говорила вам, сестры, о необходимости развивать, занимать детей, — но если бы вы вздумали целый день ходить за ребенком, без умолку разговаривать с ним и, с раннего утра до позднего вечера, сами играли бы с ним, постоянно предлагая то одну, то другую игру, то, кроме вреда, вы ничего не принесете ребенку: или он сделается страшно капризен и требователен, видя в вас как бы свою крепостную, послушно исполняющую всякое его желание, или, наоборот: сам больной ребенок, со слабой волей, настолько подчинится вам, настолько привыкнет исполнять чужую волю, что скоро даже не будет иметь своих желаний, превратится в какую-то куклу; — то и другое, как вы сами видите, нехорошо, а потому, сестры, вы обязаны давать ребенку свободу, т. е. он сам должен выбирать ту игру или игрушку, в которую он хотел бы поиграть, или просто иногда и в окно поглядеть, или даже полежать; — последнее иногда бывает и полезно, только смотрите, сестры, внимательно, особенно за мальчиками следите, где они держат руки; конечно, вы понимаете, о чем я вам говорю. Следите, удерживайте их от дурной и столь вредной привычки.

По окончании ручного труда, в часа 2 1/2 или 3, надо все аккуратно убирать вместе с дежурными. Теперь дети до 5 часов пользуются полной свободой: каждый играет чем и как хочет; — конечно, сестры, вы должны смотреть, чтобы дети не причинили себе вреда или не поссорились.

Одна из любимых детских игрушек — это кубики или складные картинки. Целыми часами, даже днями, дети-идiotы способны складывать одну и ту же картинку. Не мешайте им, они так мило, так спокойно занимаются, только смотрите, следите, чтобы один не мешал другому; иногда и помогите сложить новую, а потому и более трудную для них картинку⁵.

Некоторые дети очень любят целыми часами сооружать иногда довольно красивые постройки, не мешайте им, только смотрите чтобы при разрушении высокой постройки кусочки дерева не ушибли маленьких. Иногда более капризный, невожатанный ребенок в минуту злости начинает раскидывать деревяшки и может поранить ими кого-нибудь, а потому, сестры, не оставляйте детей никогда одних ни на минуту, помните, что вся ответственность при несчастном случае падает на вас.

Дети очень любят рисование: одни, например, готовы проводить разные неправильные линии и при этом рассказывать, что они нарисовали, но многие не удовлетворяются подобным рисованием. Таким детям очень полезно давать бумажные шаблоны, металлические или бумажные, — последние лучше выходят; их можно купить в каждой игрушечной лавке и стоят они не дорого. Некоторые очень любят раскрашивать; это тоже очень хорошее занятие; но цветные карандаши давайте только тем детям, которые не берут карандаш в рот (краска графита может быть вредна), а для тех, которые имеют эту дурную привычку желание раскрашивать может служить прекрасным средством, чтобы их отучить: «не будешь брать карандаш в рот, — дам тебе цветные карандаши», и в первый день когда ребенок за уроком не возьмет карандаша в рот, непременно исполните свое обещание.

Рисунки красками почти всегда выходят хуже, т. к. дети берут слишком много воды. — Покупать книжки для раскрашивания не стоит: всегда дома найдутся картинки, — прибавления к газетам и старые журналы.

Детям более развитым очень хорошо давать рисовать по клеткам, — в продаже есть очень хорошие и недорогие образцы, но это рисование, вероятно, как более трудное, не особенно радует и занимает детей.

Вырезание. Не бойтесь детям давать ножницы, но непременно с тупыми концами. Между нашими детьми можно встретить детей-школьников даже довольно развитых, уже правильно обучающихся чтению и письму, и совершенно не умеющих владеть ножницами; возьмите бумагу, сложите ее по данным образцам, обрежьте по линиям, показанным точками, и вы получите хорошенькие рисунки, которые можно наклеивать в отдельную тетрадь. Не жалейте несколько копеек и покупайте более развитым детям-школьникам картинки для вырезания и склеивания. Какие хорошенькие домики можно склеить, и как они занимают детей; а сколько хорошеньких вещей можно сделать для елки! Здесь, конечно, сестры, надо вам опять прийти на помощь к деткам.

Игрушки. Я уже говорила вам, сестры, что детям надо давать игрушки. Ваша обязанность следить, чтобы дети всегда были чем-нибудь заняты, играли во что-нибудь. Недостаточно, сестры, открыть шкаф, вынуть, что попало под руку и сунуть ребенку; нет, сестры, надо знать ребенка и дать ему именно то, что действительно, доставит ему удовольствие. — Так, например, если вы дадите маленьких оловянных солдатиков более развитому ребенку, то он с величайшим удовольствием будет играть с ними, но если вы тех самых солдатиков дадите идиоту, то он их всех сломает или, что несравненно хуже, может сунуть в рот и подавиться ими, а ведь в ответе будете опять вы, сестры.

Я не буду описывать вам, сестры, всем известные и столь любимые игры девочек в куклы, в дочки и матери, в хозяйство и кухню; — все это известно вам, стоит только вспомнить свое детство. Как бы бедно, безотрадно оно ни было, а кукла, хоть тряпичная, да была у вас, и сколько радости она доставляла вам. Так и у нас детки любят игры в куклы. Только вам, сестры, иногда надо принять участие в игре, особенно с менее развитыми детьми.

Дорогие, заводные игрушки совершенно бесполезны: дороги и очень скоро ломаются.

Но, сестры, предупреждаю вас, и это не только у нас, в приюте, но еще скорее в частном, богатом доме, вы отвечаете за целостность игрушек, которые иногда стоят очень больших денег. Конечно, возможно, нечаянно, уронить и сломать, дорогую, ценную вещь, но не о таком несчастном случае я говорю; большей частью бывает так: вынули игрушки, дали детям и успокоились: дети не плачут, заняты, значит, все хорошо. — Хорошо, да не совсем. Это не время вашего отдыха, а тоже дежурство: значит вы так же бдительно, внимательно, должны следить за детьми, за тем, что они делают; ведь ребенок (даже и умный) не знает цены вещам; он одинаково сломает и простую 3 коп. лошадку и дорогого заводного барашка; вот за этим, сестры, вы и должны следить. Смотрите,

чтобы более ценные игрушки не попадали в руки идиотов; чтобы игрушка, принесенная родными одному ребенку, — не была сломана другим; бедная мать, быть может, на последние деньги купила игрушку своему несчастному, больному ребенку, а он не успел еще ее посмотреть хорошенько, как она уже попала в руки идиота, который сломал ее. В таких случаях вы, сестры, обыкновенно сердитесь на детей; — подумайте, справедливо ли это? рассудите хорошенько, кто больше виноват: идиот (который даже и перед законом, на суде, не отвечает за свои поступки) или вы, — ведь обязанности ваши заключаются в том, чтобы все время наблюдать за детьми, следить за каждым их шагом, словом и действием. Конечно, может случиться, что ребенок нечаянно или даже нарочно совершенно неожиданно сломает игрушку, и вы, несмотря на все ваше внимание, не успеете остановить его, но сознайтесь, — это случается очень, очень редко. Не поймите меня, сестры, превратно, не думайте, что я советую вам стеснять игры детей, не давать им игрушек. О нет, я только советую вам более внимательно следить за детьми и не давать детям-идиотам тех хороших игрушек, которые вы можете дать детям более развитым.

Я еще ничего не сказала вам о так называемых «общественных играх», в которых участвует много дутей. Наиболее любимые детьми игры — это игра в лото и домино: целые вечера дети могут играть в них, но к сожалению, если дети играют одни, то часто возникают ссоры, а потому в общественных играх вам, сестры, необходимо участвовать. — Игры с бросанием костей (гусек, скачки) менее любимы детьми. Некоторых очень занимают игры шашечные: они очень полезны, так как развивают соображение. В продаже есть много, и очень разнообразных шашечных игр. Играя с детьми, конечно, вам, сестры, придется часто делать неверные ходы и поддаваться, потому что, если вы будете играть правильно, то всегда обыграете ребенка, и игра скоро надоеет ему; но поддаваться надо очень осторожно; чтобы больной не заметил: ведь ложь и в игре не должна быть.

Детей очень занимает, если вы вместе с ними откроете «игрушечную фабрику» и будете приготавливать игрушки. Как бы плохо, грубо они ни были сделаны, но очень часто доставляют детям больше радости, чем дорогие, покупные игрушки

Дети тоже очень любят чтение вслух, но надо выбирать легкие, детские рассказы или сказки. Страшное ничего никогда не читайте, — вы можете испугать ими больных детей; грустные рассказы тоже не одобряю; лучше веселое, смешное, или из обыденной детской жизни, или из жизни животных⁶. При чтении очень много значит, как вы, сестры, будете читать: если скоро, да все одним голосом, то дети не поймут такого чтения и все разбредутся, но если вы будете читать оживленно, меняя часто голос: то смешно замыкаете, от лица кошки, или вдруг

заговорите басом, говоря за волка, то такое чтение очень, очень забавляет детей и радует их. Прочитав 1—2 страницы остановитесь и спросите: «О чем вы читали?» Может случиться, что из 10—12 детей, по-видимому, очень внимательно слушавших вас, ни один не сумеет ответить — а все-таки, — я говорю по опыту, — чтение интересует их. Как смиренно сидят наши дети, с каким вниманием следят они за каждым словом! Вообще, лучше выбирать короткий рассказ, чтобы не прерывать чтения вопросами, а окончив его, задать каждому 1—2 вопроса, начиная со слабейших. Приведу пример разбора сказки «Красная шапочка».

С. — Дети, про кого я читала?

Д. — Про волка.

С. — Еще про кого.

Д. — Про девочку.

С. — Как звали девочку!

Д. — Красная шапочка.

С. — Куда пошла девочка?

Д. — В лес, к бабушке.

С. — Кого она встретила?

Д. — Волка, и т. д.

Конечно, если бы вы вздумали одному ребенку предлагать все эти вопросы, то очень скоро надоели бы ему; но, когда детей много и каждый старается ответить, то эти вопросы (очень развивающие детей) превращаются в веселую болтовню. Только, сестры, разбирая по вопросам рассказ, не уклоняйтесь от него; так, разбирая ту же Красную шапочку не вздумайте расспрашивать детей, например, о лесе, — это совершенно спутает детей, и они никак не будут в состоянии вновь сосредоточиться на рассказе. — Вначале наши дети, даже более развитые, например, школьники, очень плохо рассказывают, но постепенно привыкают. Не запрещайте детям при вашем чтении вслух заниматься играми, конечно не производящими шума, например складыванием картинок, рисованием или рукоделием. — Так, в веселых играх и занимательном чтении проходит время до вечернего чая, после которого дети читают вечерние молитвы и ложатся спать. — Но не все одновременно пьют чай: тех, которых купали, необходимо пораньше, тотчас как принесли из ванной, напоить чаем или теплым молоком; многие настолько устают к вечеру, что часов в 7 уже совершенно сонные, а некоторые даже сидя засыпают; этого, сестры, не должно быть: как только вы замечаете, что дети устали, хотя спать, — поспешите отдельно (в спальне) напоить и уложить их. — После вечерней молитвы тоже не все тотчас ложатся спать: старшие могут еще часок, другой посидеть. Сознаюсь, сестры, что несравненно было бы лучше, если бы все ложились в одно время, как во всех приютах, но что делать, ведь наши дети не такие, как все дети, и с этим приходится постоянно

считаться! Если вы, сестры, прикажете, то дети разденутся и лягут, но будут ли они спать? Не вызовет ли ваше приказание раздражения, слез, припадка, бессонницу; а главная причина, почему нельзя детей слишком рано укладывать спать раньше, чем они действительно устали и чувствуют потребность сна, это та опасная привычка, которой подвержены, к несчастью, очень и очень многие из наших детей. «Следите за этим, сестры, следите постоянно и очень внимательно, особенно когда дети лежат раздетые в постели и еще не засыпают; не поленитесь лишний раз пройти по спальням и внимательно посмотреть, что делают дети, где они держат руки. — Перед сном деткам надо вымыть руки, лицо и помочь им раздеться; менее развитых раздевайте сами. Не настаивайте, как утром, чтобы они сами раздевались; — вечером ребенок более усталый, более капризный, а потому и ладить с ним труднее. Все, что дети разорвали в продолжении дня, необходимо отложить и сдать дежурной для починки, чтобы утром возможно было одеть детям все крепкое. Конечно, укачивание, баюканье в приюте не существуют. — Около постели каждого ребенка обязательно должна стоять табуретка, и на ней должна быть сложена его одежда. От беспокойных детей на ночь убирайте одежду в другую комнату, т. к. они могут ночью разорвать ее.

БЕСЕДА XIII

Закон Божий

Добрые сестры! думаю, некоторые из вас были удивлены, что я, подробно говоря об обучении наших детей, до сих пор ни слова не сказала вам о самом нужном, о самом главном: как учить их Закону Божию? Это потому, что мне хотелось более подробно поговорить с вами об этом, и я надеюсь, что беседу эту вы запомните лучше других, как наиболее важную. Некоторые спрашивают: возможно ли учить детей-идиотов Закону Божию, могут ли они понять что-нибудь о Боге, когда и мы столь многого понять не можем? есть ли у детей-идиотов какое-нибудь представление о Боге? Могу сказать вполне утвердительно: да, есть. В этом я убеждалась много, много раз. Так, однажды, перед Рождеством, я взяла посмотреть предпраздничную выставку четырех девочек (2 идиотки и 2 очень отсталые, одна из них — эпилептичка, другая — немая); в ту минуту, как мы подошли к кондитерской Конради, окно осветили ярким красным светом и мы увидели старика с елкой; мои 4 девочки перекрестились, а немая прошептала: «Бог»⁷. Конечно, я поспешила увести их. Этот случай заставил меня глубоко задуматься: моих девочек я водила в церковь, показывала им образа, картины из Священного Писания, учила их молитвам и креститься, но для них все это было только наружное; мне самой казалось невозможным вести с ними отвлеченные беседы о Боге,

и вдруг мои бедные, больные девочки, в невиданном освещении, в непонятном для них появлении света, увидели нечто высшее, божественное! Значит, и их бедные головки работают, думают о том же, о чем и нам так часто приходится задумываться. Одна из девочек, услышав евангельский рассказ о Страшном суде, заплакала и сказала: «я не могу быть в раю, я не напоила, не накормила, не посетила ни одного бедного». На мое утешение, что она сама больная и что Господь не требует этого от нее, что своими безропотными страданиями она вполне заслужила Царствие Небесное, она со слезами отвечала: «об этом Спаситель ничего не сказал». Но с того дня, — сама калека, — она старалась помочь всем. Один 8-летний эпилептик, услышав впервые рассказы об исцелении Спасителем болящих, спросил: «а почему мама, когда папа умирал, за доктором да в участок бегала, а не пошла к тому Иисусу, Который всем помогает?» Да, это та чистая детская вера, на которую указал нам Сам Спаситель.

Как лучше детей-идиотов учить Закону Божию? Конечно - по картинам.

Приведу вам примеры рассказов по картинам:

С. — Милые дети, у нас скоро будет праздник Рождества Богородицы.

Посмотрите картинку, а я вам ее расскажу.

Д. — Ах, Рождество, Рождество, будет елка!

С. — Не кричите, не шумите, детки, — а лучше посмотрите и слушайте; посмотрите, кто это здесь нарисован?

Д. — Дитя, маленький ребеночек.

С. — Хорошо, детки. А кто знает, как зовут Его, маленького дитя?

Д. — Иисус... Мария.

С. — Нет, не Иисус; ты угадала, молодец. Зовут нарисованного здесь Ребенка Мария. Повторите все: Мария; повторите еще раз. Хорошо, верно, только не кричите так. — А кто мне может сказать, кто это?

Д. — Мама и папа Марии.

С. — Очень хорошо, детки. Только надо запомнить, как их зовут. — Посмотрите, детки, вот этого старичка, отца Марии, зовут Иоаким; повторите, кто может, Иоаким; ну, ты маленький, еще не можешь, — это не беда. А мать Марии, эту старушку зовут, дети, не вертитесь, — смотрите на картинку, — зовут ее Анна. Это легко, это вы все должны знать. Повторите еще раз. Это кто?

Д. — Маленький ребеночек.

С. — Хорошо, а как Его зовут?

Д. — Мария.

С. — Хорошо. А это кто?

Д. — Отец... мать Марии.

С. — Очень хорошо, детки; все знаете. А как называется вся эта картина, как называется праздник, который у нас скоро будет?

Д. — Забыли, не знаем.

С. — Ну, это не беда. Я вам скажу, а вы повторите несколько раз, только не забывайте: праздник называется «Рождество Богородицы» (слово «пресвятой» было настолько трудно для многих, что пришлось его, к сожалению, пропускать). А когда бывает елка, то чье Рождество?

Д. — Иисуса Христа.

С. — Хорошо, детки. Помните: когда вот эта маленькая Мария выросла, от нее родился И. Х., — и тогда у вас бывает елка. — Как еще называли Марию?

Д. — Богородица.

Но опять, сестры, повторяю вам, что наших детей нельзя учить так, как учат во всех школах; если бы мы вздумали читать или рассказывать детям события из Ветхого или Нового Завета, объяснять притчи, даже и очень легко, но все же так, как обыкновенно рассказывают во всех школах, то это было бы слишком мало понятно для наших детей. Внушите нашим детям любовь к Богу - Отцу, пусть наши дети-страдалцы знают, что они имеют на небе Отца, Который очень любит их, пусть они, страдая на земле, твердо верят, что там, на небе им будет хорошо, очень хорошо... Даже смертные случаи, неизбежные в приюте, можно обставить так, чтобы не со страхом, а с радостью дети встречали смерть - избавительницу. Когда скончалась страдальца Верочка (первый смертный случай в приюте), все было так обставлено, что дети даже завидовали ей: «ведь она, счастливая, теперь у Бога, совсем здорова, видит Ангелов», говорили дети между собой. Я нарочно, сестры, так долго остановилась на этом вопросе, чтобы предупредить вас: пусть смерть для всех наших призреваемых, как детей, так и взрослых будет не страшна, а радостна, как переход от земных страданий к радостям небесным. Достигнуть этого легко можно рассказами о милосердии Иисуса Христа и Его Пречистой Матери. Не пугайте никогда призреваемых рассказами о мытарствах души, об адских мучениях, не говорите им о страхе смерти и боязни покойников или, что еще хуже, о привидениях; такими рассказами вы можете принести страшный вред если не идиотам (которые едва ли поймут вас), то эпилептикам; вы можете напугать их, расстроить их и без того болезненное воображение до полного умственного расстройства, т. е. до сумасшествия.

Но вернемся к обучению детей Закону Божию. Первая картина, которую вы им должны показать, это «Христос, благословляющий детей»; как хорошо было бы, если бы картина эта висела в каждой комнате, где есть дети! Вторая картина: «Христос, исцеляющий болящих»; долго, долго, всю зиму можно рассматривать и изучать только эти две картины. Сколько интересных бесед и вопросов возбуждают они! Только бесноватого непременно называйте припадочным. За 2—3 дня до каждого праздника выставляйте, сестры, на особой полочке, близ образа, картину Праздника и изучайте ее; дети запоминают имена и могут по вопросам рассказать, какой наступает праздник. Каждое воскресенье, перед тем, чтобы идти в церковь, читайте им, сестры, то евангелие, которое будут читать в этот день в церкви, и непременно поясните им его; от вас будет зависеть объяснить его так, чтобы дети поняли. Если положенное Евангелие очень трудно или вы затрудняетесь объяснить его, то расскажите детям что-нибудь другое: о чудотворных иконах, об исцелении

болящих, о жизни святых. Только, сестры, не рассказывайте много и часто о страшных мучениях первых христиан: рассказы эти слишком возбуждают наших бедных эпилептиков, и еще не говорите им никогда о бесноватых, о порченных, о невозможности для них стоять в церкви при пении «Иже херувимы», и т. п. Эти рассказы вредны и очень опасны для наших больных. Слово бесноватый даже при евангельских рассказах заменяйте словом припадочный (Господь, по милосердию своему, простит вам это): подумайте только, сколько новых страданий может прибавиться нашим более развитым эпилептикам, если они, несчастные вообразят себя одержимыми бесом, вообразят, что не могут посещать св. храм Божий, что в них вселился бес и т. п. Если кто-нибудь из больных спросит вас об этом, ответьте просто, что вы ничего объяснить ей не можете, так как сами не знаете и посоветуйте обратиться к священнику или доктору. Да и вам, сестры, не советую слишком много думать о том, что малодоступно, малопонятно для всех нас. Помните, твердо помните, что разговоры о бесноватых при припадочных никогда не должны быть.

Вначале, сестры, мне было неудобно, даже страшно говорить о Боге, о Святых столь простым, обыденным языком, но 7-летний опыт доказал мне, что только так можно учить наших бедных деток. Иногда, при изучении праздника, помогает пение, так, при рассказе о «Входе Господнем в Иерусалим» дети всегда пели слова «осанна, осанна в вышних», а при рассказе о Рождестве Христовом «слава в вышних Богу»; пение вообще оживляет беседу и помогает быстрее запомнить.

Приведу вам два рассказа по Закону Божьему наших детей, рассказ Веры 12 лет, идиотки, точно мною записанный: «люди захотели избу построить большую, большую, до самого неба, а Бог-то не хотел, — зачем людям нехорошим, сердитым на небо идти? это нельзя. Вот Бог и сделал так, что люди вдруг заговорили: кто по-французски, кто по-немецки, друг друга не поняли, рассердились, поссорились и строить перестали».

Мальчик-эпилептик 8 лет, прослушав воскресное Евангелие, подробно объясненное, рассказал: «бедный человек около церкви сидел и милостыню просил, — вот услышал, что люди идут и спросил он, кто идет, а ему и говорят: Иисус идет. Он добрый, всем помогает, проси скорей. Он тебе поможет. «Тетя, а правда, что Он всем помогает и мне тоже поможет, и я здоров буду?» Вот нищий-то и говорит: «Барин, барин, помоги мне, Христа ради, дай копеечку». А Иисус и говорит: «Копеечки у меня нет, а я сделаю так, что ты здоров будешь, опять видеть будешь». И стал нищий здоров, обрадовался, поблагодарил Христа и пошел домой. Тетя, а если я попрошу Христа, Он услышит меня; ничего, что Он далеко на небе живет? тетя, а я буду

здоров?» Как непохоже на школьный урок, сколько раз нужно было бы остановить, поправить мальчика, но зато какая вера, искреннее желание исцеления слышна в нем? Вот, сестры, тот простой детский язык, которым и вы должны говорить о Боге с детьми. Не о правильности речи, а о возбуждении чистой веры и любви к Богу должны вы заботиться.

Занимайтесь с детьми Законом Божиим не так, как другими уроками. Занимайтесь не в определенные дни и часы, — пусть и этим беседы ваши отличаются от других занятий; занимайтесь иногда вечером. Какой рассказ, как не о Боге, лучше всего рассказать детям перед сном? беседуйте с детьми тогда, когда вам, сестры, грустно, тяжело на душе, и вы успокоитесь; говорю это по личному опыту. Занимайтесь с ними раз или два в неделю, и непременно по воскресеньям или праздникам, перед посещением Храма Божьего, — ведь неудобно перед обедней затеять шумную игру. Но, сестры, как бы мало ни были развиты наши дети, приучайте их, непременно приучайте, при рассказах о Боге сидеть смирно. Я постоянно твердила вам, что всякое учение у детей-идиотов идет хорошо лишь тогда, когда оно весело, но имя Божье так высоко, должно произноситься с таким благоговением, что ни одна улыбка, ни малейшая шалость дозволены быть не могут. «Дети, я буду вам рассказывать о Боге», — предупредите вы детей, пусть уберут свои игрушки и сядут около вас лишь те, которые хотят послушать о Боге, а кто не хочет, пусть играет. От вас, сестры, будет зависеть заинтересовать детей настолько, чтобы все с радостью оставляли игрушки и шли к вам на беседу. Тех, кто не хочет слушать о Боге и отвечать на вопросы, не берите в церковь. При очень крупных проступках (воровстве, сознательной лжи), тоже не берите детей в церковь. Пусть дети любят посещать Храм Божий и посещение его будет им наградой. Как вы сами знаете, все наши дети очень любят ходить в церковь, а с каким вниманием следят они за богослужением! Сколько интересных вопросов задают они! Так, раз придя домой от преждеосвященной обедни, дети рассказывали, что «бабушка перепутал всю службу, начал всенощную, а потом маленькую обедню служил и вынес чашу». Многие ли нормальные дети стоят так внимательно в церкви?

Принуждать детей к посещению богослужения никогда не надо: разве возможно молиться по принуждению даже нам, взрослым, а ведь дети еще более впечатлительны! Представьте себе: ребенок занят игрою, ему так хочется докончить постройку высокой башни или укачать, уложить спать свою любимую куклу, а вы отрываете его от игры, приказываете ему идти в церковь и долго, долго стоять там смирно, не шевелясь. Полюбит ли ребенок храм Божий, будет ли он внимательно следить за богослужением? Конечно, нет! Не лучше ли заранее объявить детям, чтобы те, которые хотят идти в церковь, убирали бы или вовсе не доставали своих игрушек, а оделись бы почище да приходили бы

«послушать, поговорить о Боге». Те, которые устают долго стоять в церкви, могут свободно сесть или даже уйти. Вы сами, сестры, знаете, что, благодаря свободному помещению храма Божия, не по приказанию, а по собственному желанию, возможности посидеть и уйти, шалостей в церкви не бывает, а уходят дети лишь по необходимости, когда предчувствуют припадок или действительно очень устали. Мальчиков за хорошее поведение можно назначать прислуживать в церкви: носить просфоры и ставить свечи; к сожалению, это дело нельзя поручать припадочным, что их обижают, а у некоторых возбуждает зависть. Можно мальчику-школьнику, хорошо читающему по-славянски, позволить изредка хоть немного почитать в церкви, что побудит его учиться с еще большим старанием.

Но, сестры, предупреждаю вас, если вы вздумаете целый день говорить с больными только о Боге да о святых, то вместо пользы можете принести им громадный вред, все хорошо в меру. Знаете ли вы, что есть особый род сумасшествия, которое так и называется «религиозное помешательство». А насколько осторожно и обдуманно надо говорить с детьми о Боге, могу вам привести такой пример: раз дети слышали прекрасную проповедь о всемогуществе Божьем, а вечером параличный Ваня и говорит: «Я не люблю Бога, Он скупой, все может, а не хочет дать мне ручки и ножки». Лучше меньше рассуждайте с детьми о Боге, а больше рассказывайте им о Его милосердии, о чудотворных иконах и о жизни святых. А вот и другой отрадный пример: раз детям рассказали о старце, который не позволял своим духовным детям читать молитву «Отче наш» до примирения с теми, с кем они ссорились. На вечерней молитве за дежурного мальчика молитву Господню читал другой, наутро — тоже. Когда его спросили, отчего он не читает молитвы, то Петя ответил со слезами: «Я вчера поссорился с Шурой, еще не помирился и не смею читать молитву Господню».

Итак, сестры, да поможет вам Господь, да научит вас Сама Царица Небесная, как учит наших детей любить Бога, верить и молиться; как понятнее и легче передать им Св. слова молитвы. Этому научить вас нельзя: веруйте, молитесь, и Господь, как всегда, поможет вам.

О молитве. Заучивание молитв вначале было соединено с общим учением, которое, как я вам уже говорила, шло весело, шутя, а потому больше нравилось детям заучивать стихи, чем молитвы, столь трудные и малопонятные для многих из них. Но вот приехали в приют, ко мне на помощь, «добрые сестры-монахини»; они, бедные, очень скучали по монастырю и, сидя у детей, часто пели молитвы. Дети прислушивались к новым, неизвестным им напевам, начинали подпевать, и в одну зиму выучили много молитв. Так и вы поступайте: часто, часто твердите или

напевайте вполголоса все одну и ту же молитву. Вам кажется, что дети заняты своими кубиками, игрушками и не слушают вас; нет, сестры, пройдет неделя-другая, и многие удивят вас безошибочным знанием молитвы. Очень много помогает хоровое пение молитв и тропарей, которые все дети очень любят.

БЕСЕДА XIV

О детях-школьниках и призреваемых

Добрые сестры! До сих пор я все беседовала с вами о детях-идиотах, но у нас есть еще и дети-школьники, отсталые и эпилептики. Не любите вы у них дежурить, часто жалуетесь мне на них; плохо слушают они вас да и вам на них больше досадно, чем на идиотов. «Да какой он больной: баловник он, не место ему у нас», — часто приходится мне слышать. Нет, милые сестры, вы неправы, говоря так. Если ребенок принят в приют или в нашу школу, — значит доктор, после тщательного осмотра, нашел его подходящим, признал больным, требующим лечения и ухода. Вы, сестры, должны подчиняться приказанию доктора, и без всяких рассуждений, только вредящих делу, одинаково усердно ухаживать за всеми, кто поручен вам. Знаете ли вы, что уход за этими детьми может быть и очень отраден: ведь это единственное отделение в приюте, в котором дети совершенно поправляются и из которого выходят, чтобы поступить в другие учреждения, жить среди здоровых, нормальных людей. Как же, сестры, не любить вам это отделение, не стараться употребить все все ваши силы и знание, чтобы облегчить доктору скорее вылечить больного; ведь вы, конечно, помните, что уход для наших больных также важен, как лечение.

Дети-школьники требуют уже другого ухода, других приемов, чем дети-идиоты; они более приближаются к здоровым детям, а потому и воспитание их должно быть почти то же, что и нормальных детей. Старайтесь выработать в них известную самостоятельность; не ухаживайте за ними слишком много, не ходите за ними шаг за шагом: пусть они сами одеваются, сами стелят свои постели, чистят обувь и платье, — ваше дело присмотреть за ними, ласково, но твердо напомнить им, что это все они должны делать сами. Между ними есть очень много детей упрямых и дерзких, — не сердитесь, не кричите на них: все это совершенно напрасно и скорее испортит дело. Спокойно, но твердо побеждайте их упрямство. «Я не спрашиваю тебя, хочешь ли ты это сделать или нет, но ты должен исполнить то, что я тебе сказала». Никогда не меняйте ваших приказаний; ничего не мешает так при воспитании, как приказание, за которое сегодня строго взыскивают, а завтра отменяют. — Дети этого отделения уже могут работать, но их надо заинтересовать как работой, так и учением. Устройте так, чтобы дети полюбили школу и тогда, поверьте мне, дело пойдет хорошо. —

Учительница бывает в школе только 3—4 часа, остальное время дети остаются на вашем попечении. Следите за ними не менее внимательно, чем за детьми-идиотами, помните, что и они тоже не вполне нормальны.

Особенно внимательно следите за их поведением; никогда не забывайте отмечать в дневнике и сообщать доктору о каждой перемене в их расположении духа. Помните, что от вашей бдительности зависит успех лечения. Обращайте также внимание и на их учение. Как часто бывает во многих, даже богатых семьях, что ребенка больного заставляют учиться через силу! К каким печальным последствиям, неизлечимым страданиям на всю жизнь приводит неразумная строгость родителей и воспитателей! Если вы замечаете, что ребенок начинает хуже учиться, и, несмотря на все свое старание, не может понять или заучить то, что прежде давалось ему легко, поспешите сообщить об этом доктору и учительнице.

Вам часто придется среди этих детей встречать, как многие говорят «дурных детей»: злых, упрямых, лживых и вороватых. Тяжело с такими детьми, но знаете ли вы, сестры, что и эти проступки бывают проявлениями тяжелой, душевной болезни? — Обо всех проступках, как то: воровстве, дерзости, желании мучить животных и т.п., ничего не скрывая, вы должны сообщить доктору, а он скажет вам, как надо поступать в каждом отдельном случае. — Самый бдительный надзор, постоянный, разумный труд, сменяемый веселыми играми, если возможно на свежем воздухе, и ласковое, всегда ровное обращение, но непреклонно твердая воля воспитательницы, — вот что нужно этим детям.

Приведу вам несколько примеров из жизни наших школьников: Сережа П., 12 л., исключен из-за припадков из нормальной школы; учится плохо, работает — тоже; всем детям предлагают плату за работу, — Сережа получает за 1 сплетенную им корзинку 15 коп. — (конечно, работа была оценена выше ее стоимости); нужно было видеть его радость. Так как он не особенно нуждался дома, то его и спросили, чему же он так радуется. «Да я приду домой и скажу, что я не совсем пропащий человек, и я могу заработать деньги». — Здесь, этими словами он открыл свою душу. Слишком часто говорили при нем о его болезни, о том, что он не человек, не кормилец. Разве, сестры, не доброе дело поухаживать за ним, научить его чему-нибудь, отвратить от зла, дурного примера товарищей, которые так часто, так зло смеются над ним и, конечно, добру не научат. — А Федя, исключенный из двух школ за малоспособность! Да и мог ли он, голодный, забитый, хорошо учиться? — «Лентяй, отъявленный лентяй, баловник, — бить его надо», — говорила о нем мать. — Правда, шалун он был большой и ругался первое время, но что же удивительного: где он был и что видел? неужели побои

могли помочь? Нет, прежде всего его надо было откормить хорошенько, а потом учить лишь тому немногому, что он слабый, изнуренный, мог легко усвоить. — Скоро он стал первым учеником, а от ругательств стал удерживаться, когда ему серьезно было заявлено, что только в том случае он может посещать нашу школу, если не будет произносить дурных слов.

Теперь он переведен в школу для здоровых, нормальных детей и учится очень успешно. — Итак, сестры, не теряйте терпения, а ухаживайте за детьми-школьниками с той же любовью и вниманием, как и за детьми-идиотами. О том, как учить этих детей, я не буду рассказывать, учить их вам не придется, — это дело учительницы; а ручным трудом, вы можете заниматься с ними по данным вам образцам.

Теперь, сестры, хочу я с вами еще поговорить о призреваемых, о тех несчастных страдальцах, которые хотя и выросли и сохранили ум, могут мыслить и работать, но не могут по болезни, покинуть учреждение. Знаете ли вы, что это самые жалкие, самые несчастные из всех наших питомцев. — Большой частью, при виде полных идиотов-калек, помещающихся в лазаретном отделении говорят: «какие несчастные!», а я скажу вам, что они совсем не так несчастны, как наши взрослые эпилептики. Те сыты, в тепле, у них ничего не болит, и им ничего не надо; у них даже нет, да и быть не может, никаких желаний. А наши бедные призреваемые, ремесленницы, как мы их называем, кроме тяжелых страданий от припадков, сколько нравственных страданий выносят они! Подумайте только, сестры: одни оторваны от родной семьи, которой им так хотелось бы помочь; других — дома не любят, попрекают... Они, несчастные, всю жизнь должны жить на чужом хлебе, а недаром говорят: «горек чужой хлеб». Не иметь никогда свободы, не иметь возможности одной выйти на улицу, купить себе какую-нибудь безделицу, — всегда, во всем зависеть от других! и при этом всегда бояться, — вот-вот случится припадок, упаду, разобьюсь, — не до смерти, нет, — для многих это было бы счастьем, избавлением от долгих страданий, — а так, что буду еще более страдать, превращусь в полную беспомощную калеку или благодаря частым припадкам сойду с ума... Вот как ужасно душевное состояние наших бедных эпилептиков!

Часто после припадков бедные девочки очень плохо соображают, путают и портят работы. Помните, сестры, что это происходит не по их вине, а по болезни. Не сердиться на них, не упрекать, не заставлять пороть да переделывать работу, а напротив, успокаивать их надо, облегчать им труд: показать, наметать лишний раз; если и не совсем хорошо исполнена работа, то при малейшей возможности лучше оставить ее, не переделывать. — Одна из сестер недавно сказала мне: «что же вы меня учите их обманывать, я не могу хвалить то, что дурно».

Подумайте, сестры, права ли была та сестра; поняла ли она душевное состояние наших больных? — Рассудите сами, что лучше: похвалить не вполне удовлетворительную работу больной или, придерживаясь строгой правды, распороть работу и этим обидеть больную.

Многие удивляются, что эпилептики угрюмы, раздражительны и очень обидчивы. Да разве может быть иначе при их ужасных, физических и нравственных страданиях. Вы, быть может, подумаете, что я — преувеличиваю. — Нет, сестры, я пишу правду, одну правду.

Но, сестры, больные вверены вам, и от вас многое зависит: вы можете сделать их жизнь страшно тяжелой, нестерпимой, но вы можете и так поставить дело, что наши больные почти позабудут о том, что они призреваемые. Постарайтесь только, сестры, сблизиться с ними, не напоминайте им ежечасно, что они больные, что они призреваемые, которые обязаны подчиняться тем или другим правилам (например, непременно ложиться спать в известный час, а вы тут рядом за стеной будете до полночи болтать да смеяться. — Нет, милые сестры, постарайтесь смотреть на них не как на детей (ведь они уже и не дети), а как бы на равных себе, как на подруг. Пусть они будут считаться теми же служащими (ведь я нарочно назвала их ремесленницами, хотя отлично знала, что много они не наработают). Внушите им, что мы все работаем на одно и то же, дорогое для всех нас, учреждение.

Иногда заварите чай не в определенное время и пригласите одну-другую к себе выпить чайку или возьмите прогуляться. И как они оценят вашу ласку! Читайте им вслух, побольше разговаривайте с ними; поверьте, вам не будет от этого труднее, а сколько радости внесете вы в их страдальческую жизнь! Только, сестры, в разговоре с припадочными надо быть очень и очень осторожной: не все при них можно сказать, что думаешь; например, рассказами о веселии, свадьбе, театрах можно вызвать зависть, сожаление о невозможности посещать их; при чтении газет тоже надо быть осторожной: подробные описания убийств или выдающихся катастроф — пропускайте, так как это слишком возбуждает больных, так же как и романы. Зато смешные рассказы читайте почаще; иногда попрыгайте, потанцуйте с ними, спойте веселую песню и вообще старайтесь развеселить их, чтобы они возможно менее думали о своей болезни. Никогда не говорите им, да и сами избегайте разговоров о докторах: который лучше или хуже лечит. Этими разговорами вы можете очень повредить больным, да и себе, если это дойдет до начальства. Вообще, сестры, наше дело только все точно исполнять. Вы слишком мало знаете, чтобы позволять себе рассуждать о назначениях докторов; если бы вы даже наверно знали, что доктор ошибся, вы все — таки должны исполнить все то, что им приказано, — тогда только может выработаться из вас хорошая сестра.

Об удовольствиях

Для наших детей, а также и призреваемых, я считаю очень полезным, даже необходимым, различные удовольствия. Чем больше развлечений, тем лучше; это тоже лечение, и часто очень успешное. Одно из любимых удовольствий — это спектакли.

Надо выбрать пьесу, в которой могли бы участвовать очень многие, — например воины, свита и т. п., а говорить только 2, 3, наиболее развитые. — Разговоры многих лиц — совсем не ладятся: детям легче заучить один длинный монолог (стих), чем вести общий разговор, который они часто будут сбивать; то один, то другой забудет или не в свою очередь заговорит. — Зато хоровое пение, танцы доставляют им большое наслаждение, особенно в костюмах. За неделю, за 2 до спектакля, все интересы сосредоточены только на нем, все заняты разучиванием ролей, шитьем костюмов, склеиванием всевозможных принадлежностей. Сколько радости и смеха: о болезнях нет и помина! Даже у некоторых и припадки делаются реже.

Надо ли прибавлять, что елка встречается так же радостно, а приготовления начинаются за месяц или еще ранее. Радостный день Светлого Христова Воскресения тоже требует известных приготовлений: красить яйца, чистить и толочь миндаль, протирать творог, — все это должны непременно делать больные. Чем больше они заняты, тем менее они думают о своей болезни, а это очень, очень важно.

Полезны тоже дальние прогулки; к сожалению, они всегда сопряжены с расходами и некоторым риском, — в случае неожиданного припадка. Очень интересно задавать больным описание прогулки. Насколько своеобразны бывают их описания! Так, после посещения зоологического сада, одна девочка всем рассказывала: «я видала в саду очень хорошенькую обезьянку, она такая же хорошенькая, как я». Другой мальчик рассказывал о «маленьком беленьком зверьке с очень длинным носом», — оказался слон.

Один мальчик при посещении балагана был обижен до слез тем, что должен был смиренно сидеть и смотреть, а ему так хотелось самому на сцене с бубнами «плясать и петь».

Многие дети любят кататься, особенно по конке: их так интересуют звонки кондуктора и рожок кучера. Железная дорога и пароход многих пугает.

БЕСЕДАХ V

Хотелось мне, сестры, сказать вам несколько слов о вновь поступающих детях. С особой лаской должны вы к ним относиться: как бы плохо не было дома ребенку, но все-таки вы — чужая для него; ваш костюм, ваша черная косынка, новая обстановка, шум детей, — все пугает вновь поступившего ребенка; всего он боится, а тут еще такие для многих непривычные вещи, как стрижка волос машинкой, да ванны. Помните, сестры, первый день у многих детей надолго остается в памяти, а потому вы должны стараться на сколько возможно сделать его приятным. — Постарайтесь узнать от матери привычки и любимые игрушки нового ребенка. Спросите, как он кушает, как просится. Сведения матери во многом могут помочь вам; подарите ему (конечно из казенных) какую-нибудь игрушку; дайте сладкого; если маленький, то на первый раз и на руках побольше подержите, и песенку ему спойте. Ребенок очень скоро полюбит вас, а полюбит, так и слушаться будет, — для вас же легче.

Еще хотела вам сказать о заболевающих детях. Если вы замечаете, что ребенок не весел, капризен, старается уйти от детей и лечь, — обратите на него все ваше внимание и попросите более опытную сестру посмотреть его.

Если вы во время заметите начинающуюся болезнь, то вы не только можете сохранить жизнь заболевшему ребенку, но и многим другим.

Зараза детских горловых и сыпных болезней так быстро распространяется! Заболевшего ребенка, конечно, немедленно надо отправить в лазарет; если болезнь незаразная и доктор разрешит, — навещайте вашего питомца, принесите ему какую-нибудь безделицу (конечно, от приюта, — вы слишком мало получаете, чтобы тратить еще свои деньги), приласкайте его. Как он обрадуется вашему приходу, какое удовольствие вы доставите ему — страдальцу!

Теперь еще два слова о ВАННАХ:

Вода должна быть точно измерена, никогда нельзя на глаз добавлять воду. Добавив воды, необходимо вновь измерить ее; ошибка ни на 1/2 градуса никогда не должна быть допущена. Часы всегда должны быть пред вашими глазами: чтобы не вынуть ребенка из воды слишком рано, или, наоборот, не оставить в воде больного более определенного доктором времени. Вы конечно, сестры, знаете, как точно надо исполнять всякое предписание доктора. Когда вся вода, до последней капли вылита, — ванна должна быть очень чисто вымыта и сухо вытерта; тогда только возможно наливать чистую воду для приготовления другой ванны. — Для сыпных детей должна быть непременно отдельная ванна.

Если доктор велит во время ванны класть детям холодный компресс на голову, то к нему надо пришить тесемки, так как трудно у подвижных детей придерживать полотенце все время, пока они сидят в воде: дети нарочно будут вертеться и сбрасывать его, а «холодный чепчик», как они называют, дети охотнее переносят, только не надо мочить тесемки. Ребенку можно позволить взять в ванну неломкие игрушки: при мытье куклы или переливании воды из одной чашечки в другую дети сидят в ванне гораздо спокойнее, что очень важно. Никогда не зовите ребенка купаться совершенно неожиданно, чтобы не оторвать его от любимых игр и тем не дать повода к капризам. Каждый раз перед ванной осмотрите внимательно больного: нет ли у него сыпи, прыщиков, или не появились ли регулы; если вы почему-нибудь сомневаетесь, можно ли купать больного, то лучше спросите более опытную сестру; помните, сестры, всегда несравненно лучше лишний раз спросить, чем потом сожалеть, ведь дело ваше — дело серьезное. Вам доверены больные. Иногда из-за пустяка может значительно ухудшиться их болезнь, а как тяжело будет вам сознавать, что в этом виноваты вы, сестры! — Когда вы ребенка вынете из воды, то должны очень сухо его вытереть, а маленьких не забудьте присыпать, где надо. Хорошенько укройте их, — после ванны так легко простудить больного; непременно напоите его тотчас, не ожидая общего чая, горячим молоком или чаем.

Особенное внимание должны вы, сестры, обратить на ПОСТЕЛИ: часто спокойный сон больного зависит от хорошо постланной постели: ни одной складочки не должно быть на ней; а подушки должны быть хорошо сбиты; у нечистоплотных непременно должна быть клеенка, которую необходимо ежедневно вытирать; как только она начнет портиться, — немедленно заменять ее новой; если промокнет матрац, то это ваша вина, сестры. — Простыни и одеяло, конечно, должны быть всегда чистые. Обращайте внимание, чтобы в постели не было крошек, которые очень беспокоят больных.

Так, добрые сестры-труженицы, с раннего утра до вечера приходится вам трудиться; только тот, который сам ухаживал за ненормальными больными, может вполне понять и оценить ваш тяжелый труд. В 8 часов после общей молитвы дети идут спать; старшие несколько позднее. Но и после того, как все дети улеглись, ваш труд, сестры, еще не кончен: необходимо записать про каждого вверенного вам больного: как он провел день, был ли стул, ставили ли клизму; были ли припадки и какие; не был ли больной особенно беспокоен, и почему, каков аппетит. — Вы должны, сестры, следить за аппетитом больных, — если ребенок перестает кушать, — это есть признак болезни: необходимо об этом передать доктору; если больной (не здоровый, капризный идиот, а действительно слабый) не ест какое-нибудь кушанье, то вы должны позаботиться, чтобы ему было приготовлено то, что он любит, — ведь

питание так важно для наших детей! Окончив все, вы, наконец, свободны и можете отдохнуть, но увы! Не все: некоторые из вас идут на ночное дежурство. До 11 часов вам почти нечего делать, — только посмотреть, хорошо ли убрали сестры одежду детей, а главное, что делают дети, которые не скоро засыпают, где они держат руки. Вы обязаны осмотреть с вечера все то (белье, платье, обувь), что было у детей одето; осмотреть подробно: целы ли все пуговицы, не разорвались ли чулки, если починка небольшая, примитесь за нее, если же дети много оборвали, — отложите, чтобы сдать портнихе, но не забудьте взамен разорванного спросить крепкую одежду или обувь, чтобы не вышло задержки, когда утром начнут одевать детей. На дежурстве спать, конечно, нельзя — это проступок, из-за которого вы можете немедленно лишиться места; надо очень внимательно следить за детьми: не намок ли кто, не перепачкался ли? и немедленно переменить или обмыть ребенка; обмывать детей можно только теплой водой и очень быстро, чтобы не простудить. Я вам, сестры, мало говорила о том, как приучать детей-идиотов к чистоплотности, а это одна из ваших первых и очень трудных обязанностей. Маленьких детей надо днем сажать возможно чаще: перед и после еды, чая, прогулки, а ночью 2—3 раза, но непременно всегда в один и тот же час: этим только и возможно приучить детей-идиотов к чистоплотности. Конечно, о наказаниях и речи быть не может, — вы знаете, что для больных наказания не существуют; да поймут ли они их, несчастные? Если у детей от мокроты появится сыпь или краснота, — то в этом виноваты вы, сестры; — это может произойти только от вашей небрежности, за которую вы заслуживаете строгого порицания, а в некоторых случаях и удаления из приюта как недостаточно внимательно относящихся к своим обязанностям; но если случится такая беда и у ребенка появится краснота или сыпь, то не скрывайте, а лучше попросите более опытную сестру сделать нужную перевязку или присыпку.

Подходить к сонным детям никогда нельзя с зажженной лампой в руках: свет может разбудить спящего ребенка, а главное, больной может неожиданно вскочить и выронить лампу из ваших рук, — подумайте, какое страшное несчастье тогда произойдет! Вы тоже не должны ни на минуту оставлять на столе без себя горящую лампу или принадлежности для шитья: ранее обхода вы обязаны все убрать и запереть в шкапулку, а лампу взять с собою. Наши черные косынки пугают ночью новых, непривычных к ним детей (знаю это по опыту, так как мне первой пришлось дежурить в косынке, и маленький Миша, когда я хотела переменить его, очень меня испугался), а потому советую вам на ночное дежурство или снимать косынки, или заменять их белыми платками.

Еще, сестры, забыла я вам сказать о посетителях; вы всегда должны быть с ними очень вежливы, кто бы они ни были; помните, что мы живем их помощью, — вы, конечно, хорошо знаете, как мало имел приют при своем основании! Господь посылает добрых людей, которые помогают нам содержать и лечить наших бедных больных, строить для них целые дома; правда, иногда бывает досадно на посетителей, на их глупые вопросы, но что делать. Подумайте, если бы вдруг все перестали посещать нас и помогать, чтобы тогда стали бы мы делать? Они помогают нам делать великое дело: призывать наших больных, а потому, сестры, вы обязаны каждому вежливо и толково ответить на предлагаемые вам вопросы, а если позволят, то все показать и объяснить⁸.

Денег от посетителей никогда не берите: вы пришли сюда, ради Бога, поработать — поухаживать за больными, и имеете все, что вам нужно, а потому если посетители дадут вам что-нибудь, — вы должны непременно при посетителе опустить в кружку или передать старшей, которая выдает квитанции в получении денег, а всего лучше вежливо поблагодарите и откажитесь. Помните, если начальство узнает, что вы получаете деньги от посетителей, то у вас будут очень крупные неприятности. С родителями детей я вам не советую очень много разговаривать: отвечайте кратко и всегда вежливо; излишние разговоры до добра не доведут; легко могут произойти сплетни: вам же будет хуже. Деньги от родителей и родных призываемых ни к празднику, ни как награду за уход вы принимать не имеете права; если и об этом узнает начальство, то вы можете даже лишиться места. Если родные будут вам давать деньги на покупку детям сладкого или игрушек, сами никогда не берите, а посоветуйте обратиться к старшей сестре, которая может выдать родным квитанцию в получении денег.

Теперь, сестры, я хотела поговорить с вами о припадках. Как помогать припадочным, что делать с ними во время припадков, я вам объяснять не буду, — это не мое дело, а доктора; я могу вам, сестры, указать лишь на следующее: многие так теряются при виде припадка, что кидаются к больному, хватают его и кричат: «припадок, тише, не шумите», а сами, того не замечая, производят шум больше всех; особенно часто это случается в частном доме, в семье. Некоторые, наоборот, настолько мало обращают внимания на припадочных, и видя, что их личная помощь не нужна, продолжают с детьми шумную игру, иногда громко поют, бегают, смеются. Это, сестры, тоже плохо; ведь больной ребенок часто после припадка долго спит, а мы рядом будем шуметь да кричать, какой же тогда будет покой больному? Надо, сестры, держаться середины: при виде припадка (если есть другой, ранее подоспевший на помощь) не надо бросать

начатое дело, а, продолжая его, стараться насколько возможно отвлекать детей, не давать им смотреть на припадок (хотя это многих очень интересует). Если припадок случился во время шумной игры, то необходимо ее прекратить, но спокойно, не пугая детей, просто — переменить одну игру на другую; дети часто даже и не заметят причину перемены.

Вы знаете, сестры, что у нас в приюте есть такие несчастные дети, которые в минуты раздражения рвут и ломают все, что попадется им под руку: они передвигают тяжелые вещи (большие столы, железные кровати), и при ушибах, по-видимому, не ощущают боли; они очень больно бьют себя, кусают свои руки, стараются оторвать себе уши, выколоть глаза; когда эти дети делаются опасны для себя, но только для себя, тогда, как это ни грустно, но приходится их связывать! Всего удобнее одеть им так называемую смирительную рубашку. Это, как вам известно, сшитая из толстого холста кофточка, длиною до колен, застегивается сзади, и с очень длинными рукавами (аршина 2—3), которые постепенно сужаются: они обматывают, как бы пеленают ребенка, и завязываются сзади (чтобы ребенок не мог развязать). Тяжело, страшно тяжело видеть связанного ребенка! Не могу вспомнить без слез, как мой бедный Ваня, предчувствуя припадок злобы, сам протягивал няне свои ручки. Благодаря Бога, таких несчастных детей немного я видала, — только 4. Чем реже вы будете связывать ребенка, тем, конечно, лучше: обращайтесь ваше особое внимание на таких больных; смотрите, чтобы никто из призреваемых не дразнил их; ласкайте их, угождайте им, но если ничто не помогает и вам все-таки придется связать больного, не оставляйте его одного и старайтесь возможно скорее успокоить и развязать его; вообще, чем лучше вы будете следить за больным, тем реже придется вам его связывать. Есть у нас в приюте еще «мягкая комната»; она устроена для тех же несчастных, беспокойных детей, а иногда и для тяжелых эпилептиков, которые перед припадками теряют всякое самообладание (вспомните, как доктор объяснял вам, — что это тот же эпилептический припадок, только в другой форме); в мягкую комнату можно помещать больных (отнюдь не всем сестрам, а только старшей сестре) лишь тогда, когда больной сильно возбужден и опасен для окружающих; полная тишина всегда быстро успокаивает больных; удобна эта комната и для тех больных, которые любят раздеваться догола. Но помните, сестры, что комната эта не есть карцер, место наказания, как почему-то думают некоторые; я уже много раз говорила вам, что наказания для больных детей не существует; помещение больного в такую комнату есть тоже лечение, как ванны, как массаж и т. п. За помещенным в мягкую комнату ребенком надо очень бдительно следить; чтобы он не причинил себе вреда, за который вам, сестры, придется серьезно ответить.

Еще, сестры, я хотела предупредить вас: многие няни имеют дурную привычку — пугать детей: «будешь кричать, — я тебя трубочисту отдам», «Вот медведь придет, тебя съест», и т. п.; случается, что ребенок испугается и перестанет капризничать: но знаете ли вы, сестры, насколько опасно так пугать ребенка, знаете ли вы сколько несчастных случаев бывало от подобного запугивания детей? Я сама знаю три случая: одна девочка (единственная дочь богатых родителей), напуганная няней всевозможными сказками, войдя в темную комнату, чего-то испугалась, громко вскрикнула, упала и умерла; другая, увидев трубочиста, которым ее всегда пугали, получила припадки, а третью разбил паралич! Знаете ли вы, сестры, что когда пугают ребенка, то он от страха видит то, чем его пугают: он видит приближающегося к нему трубочиста или хватающего его медведя; да, сестры, ребенок видит то, чем его хотят пугать. Вы не верите мне, думаете, что я говорю неправду? А вспомните, как часто и вам самим кажется то, чего вы боитесь! Например, тот, кто боится покойников, ведь отлично знает, что покойник ничего ему не сделает, а сам готов чуть не бежать из той квартиры, где есть покойник; а кто из вас согласится идти одна ночью на кладбище? Если вы вздумаете вечером много говорить о привидениях и тому подобных глупостях — то и вам самим от страха может привидеться нечто страшное. Вот так-то и наши бедные детки! Я убеждена, что вы никогда не пугали детей, но я вам рассказала это для того, чтобы вы могли при встрече и разговоре с неразумными нянями удержать их от того великого зла, которое они творят совершенно бессознательно.

Кто - то из вас спросил меня: «если нельзя наказывать ребенка, то что же делать с ним? неужели исполнять все, что он захочет, — если образ со стены попросит, то тоже дать? «Нет, сестры, я вижу, что вы не вполне поняли меня. Вспомните, как я вам рассказывала о молитве, — об удалении капризного ребенка; — так же поступайте и в других случаях: если ребенок начинает без толку кричать, злиться или драться, — удалите его немедленно в другую комнату, следите за ним, чтобы он не мог причинить себе вреда, но делайте вид, что не обращаете внимания на него. Чем меньше вы будете его уговаривать, тем скорее он успокоится.

Некоторые дети представляются в припадках. Конечно, очень легко отличить настоящий припадок от «выдуманного»: раз-другой не придите к ним на помощь, и дети перестанут притворяться, — не стоит. Некоторые говорят, что припадки — пустяки, капризы, стоит хорошенько прикрикнуть, и все пройдет: Бога ради, не слушайте, сестры, таких советов, а лучше с любовью и терпением ухаживайте за больными; но если вам действительно попадетя чрез меру капризный, избалованный ребенок, то посоветуйтесь с доктором или более опытными сестрами. Иногда помогает просто более холодное обращение, даже нежелание поцеловать ребенка, слова: — «я не люблю тебя, ты не хороший», и ребенок со слезами кидается к вам на шею, обещает

исправиться; но чтобы иметь такое влияние на ребенка, необходимо заслужить его любовь и полное доверие.

Добрые сестры-няни, я рассказала вам все то небольшое, что сама знаю, чему мне самой пришлось выучиться в эти 7 лет при уходе за больными детьми, я рассказала вам, как надо ухаживать за ними; описала все те игры и занятия, которыми можно развлекать бедных деток; для вас, добрые сестры, записала я эти беседы, для вас собрала образцы первых детских работ; при некотором старании вы, несколько изменив их, можете сделать много новых, более красивых; только очень прошу вас, не выдумывайте трудных рисунков: все равно дети их не сработают, а вы — время потеряете, да и материал испортите.

Я не думала печатать эти беседы, так как не имела на это средств; но одна несчастная мать, имеющая такого больного сына, как наши дети, дала мне 50 р. на издание их. Великое спасибо ей за это. Теперь вы все, сестры, получите по такой книге, почаще перечитывайте ее: она поможет вам занять больного ребенка, напомнит о забытой вами работе, или игре. Я по опыту знаю, добрые сестры, как трудно исполнить все, что здесь написано, но с помощью Божьей вполне возможно.

Для облегчения выберите себе тех детей, которые вам больше по душе; если вы молоды и веселы, идите к деткам Фребелевского отд.: занимайте их разными играми, пойте, бегайте, играйте с ними; или идите к ремесленницам, повеселите и их; если вы не искусны в работах, но обладаете силой, идите к беспокойным; вы удручены горем, вам трудно переламывать себя, петь, бегать да играть, — и для вас найдется дело: ухаживайте за детьми калеками, полными идиотами: с терпением мойте, кормите, переворачивайте их. — Если кто из вас слишком устал, кому нездоровится, — скажите, не стесняйтесь; лучше отдохнуть день, другой, чем через силу ухаживая за больными, принести вред как себе, так и больным: при самом небольшом недомогании человек делается раздражителен, а это непременно отразится на уходе за больными, и, кроме вреда, ничего им не принесет.

Да поможет вам Господь в вашем трудном деле; да пошлет вам Царица Небесная силы и терпение, чтобы безропотно ухаживать за самыми несчастными больными. Вспоминайте чаще слова Спасителя: — «что сотворите одному из малых сих, Мне сотворите», и слова Апостола Павла: «вера без дел мертва есть», и другое его изречение: «если я раздам все имение мое, и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, — нет мне в том никакой пользы». — Вот как высока пред Господом любовь к ближнему, — даже выше мучений.

Ссылки к Приложению 3

¹ Небольшое полено обтянуть каким-нибудь остатком (чтобы ребенок не мог занозить руку) и пришить с 2-х сторон тесемки; ребенок, играя, выучивается завязывать и развязывать простой узел; а потом завязывать тесемки бантиком в одну и две петли; при ежедневном повторении некоторые учатся завязывать простой узел около года.

² Более развитых детей, например, наших же детей-школьников, очень интересуют игры в мяч, — но они слишком возбуждают, часто вызывают ссоры, а потому лучше избегать их.

³ Эту игру любят дети-школьники и ремесленники, но для них она оказалась очень вредной: при ловле больших девочек — мальчики старались обнять их.

⁴ Многому, даже очень полезному, можно научить ребенка на прогулке. Сколько интересного ведь не даром говорят, что «природа — лучшая книга».

⁵ Прекрасная работа для наших мальчиков-школьников: на доску наклеивается дешевая картинка, с обратной стороной на дереве чертят разные неправильные линии, по которым мальчики распиливают его: получается складная картинка.

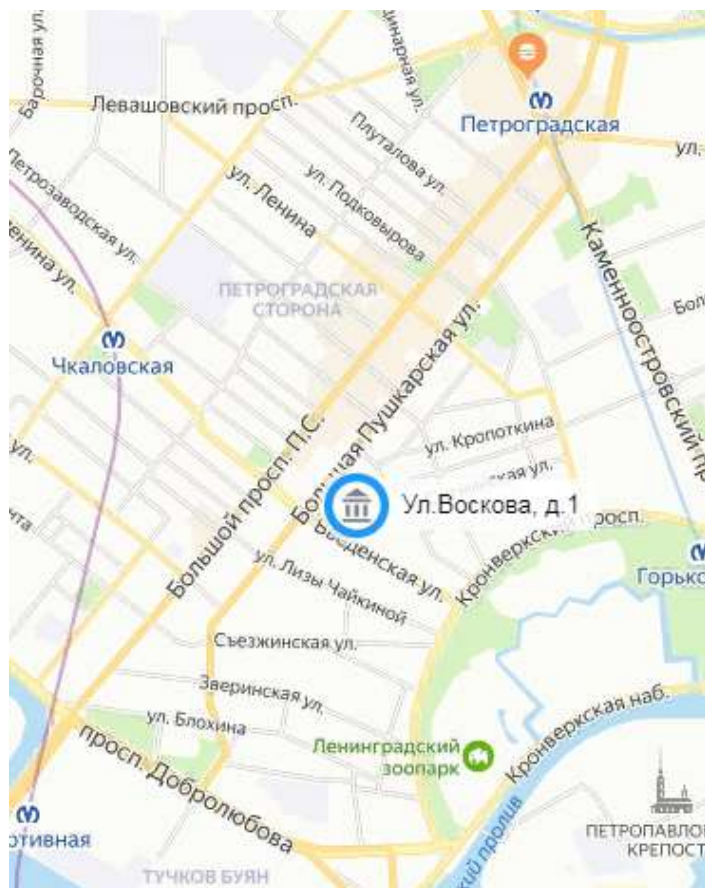
⁶ Одна очень опытная учительница даже уверяла меня, что наши дети слушают чтение внимательнее нормальных детей.

⁷ Эту немую девочку довольно успешно учили говорить по губам.

⁸ Если вас спросят об определении больного или поступления в сестры, сообщите вежливо все, что вам известно, или укажите на более опытную сестру.

Приложение 4

Места, связанные с жизнью и деятельностью Е. К. Грачевой

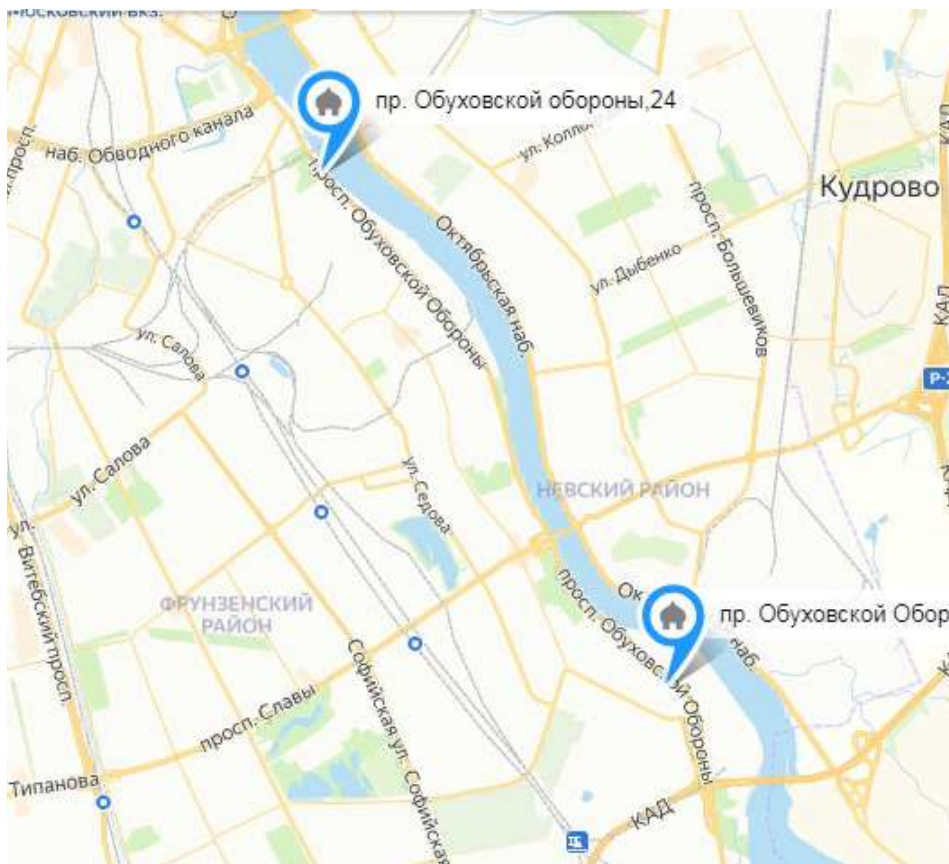
Здание приюта с часовней и храмом, построенное в 1915 г. на ул. Воскова дом 1
(бывш. Бол. Белозерской)

Ныне музыкально-педагогическое училище и действующая часовня.

Рядом на углу Б.Пушкарской и Введенской ул.
стоял Введенский храм, взорванный в 1932 году

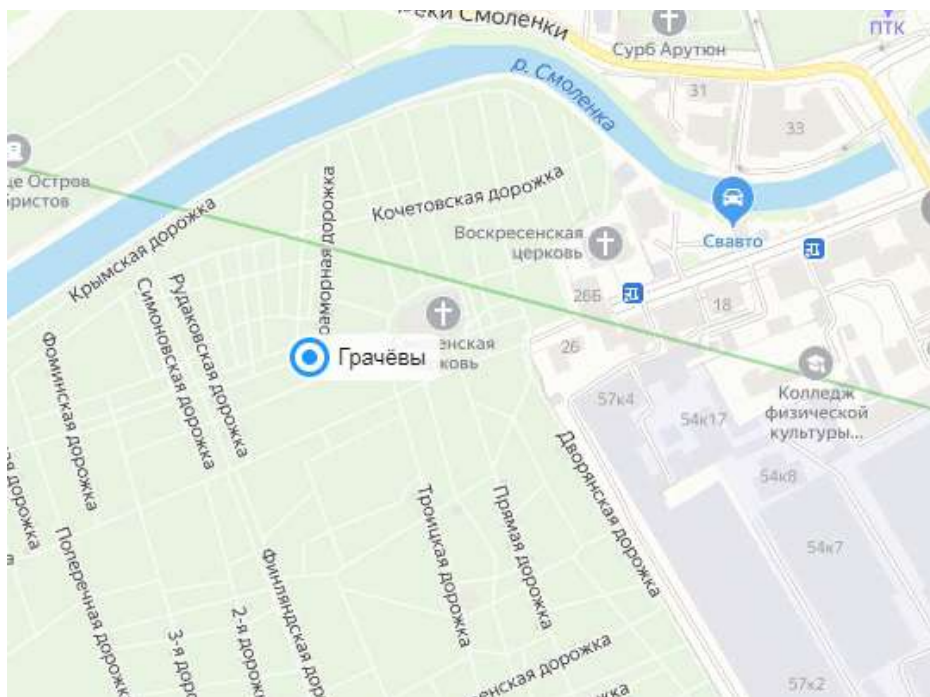
Храм-часовня иконы Божией Матери "Всех скорбящих Радость" с грошиками
(пр.Обуховской обороны,д.24)

В деревянной часовне, стоявшей на этом месте произошло
исцеление больного отрока Николая Грачева

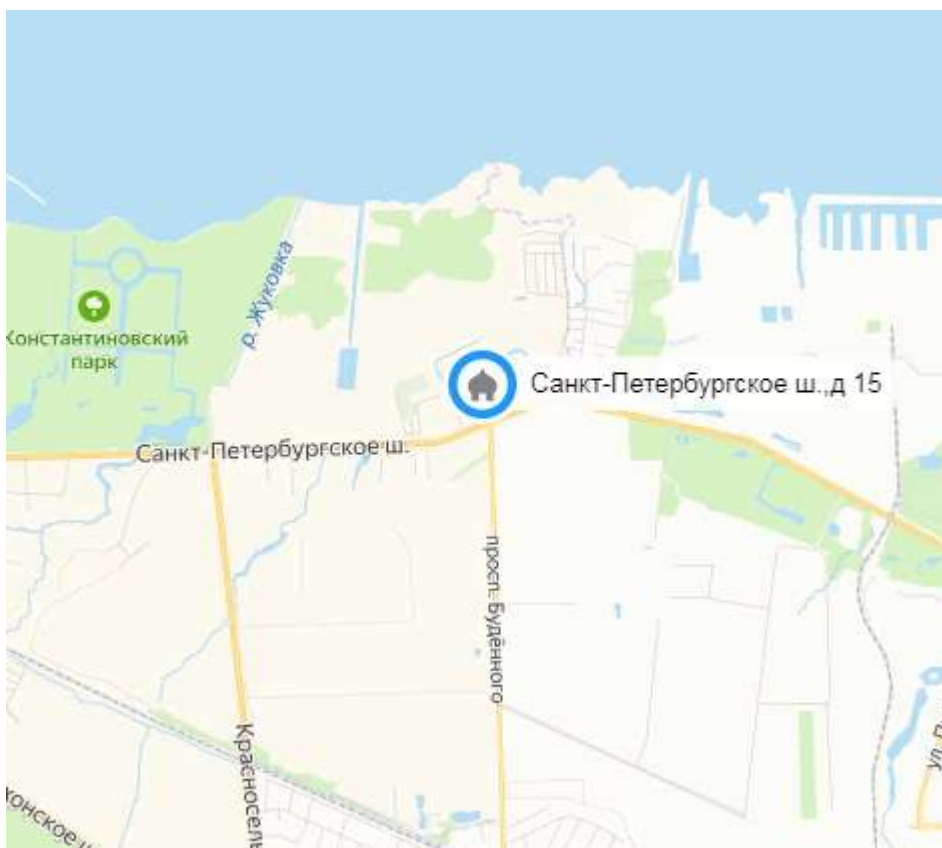

Храм Пресвятой Троицы "Кулич и Пасха". Шлиссельбургский пр., д.235
(ныне проспект Обуховской Обороны, д. 235)

Здесь находится икона Богородицы "Всех скорбящих Радость"
с грошиками (перенесена в советское время)

Семейное захоронение Грачевых на Смоленском православном кладбище. Вход на кладбище с Камской улицы до церкви Смоленской иконы Божией Матери, поворачиваете ко входу в храм, затем направо и двигайтесь по узкой дорожке, которая идет параллельно главной дороге до семейного захоронения Чичаговых (с черной большой крышей), чуть дальше по дорожке вы увидите захоронение Грачевых, установлены информационные стенды.

Троице -Сергиева Приморская мужская пустынь.
За алтарем храма
св. преп. Сергия Радонежского
Надгробный крест иеромонаха Николая (Грачева)

Список литературы

1. Амвросия (Оберучева), монахиня. История одной старушки. М., 2002.
2. Братство во имя Царицы Небесной при приюте, основанном архимандритом Игнатием для детей идиотов и эпилептиков. Краткий очерк. СПб., 1908.
3. В гостях у идиотов // газета «Петербургский листок», 20 декабря 1895 г.
4. Виноградов А. Приют и Братство во имя Царицы Небесной в Санкт-Петербурге. Вильна, 1903.
5. Воззвание Братства во имя Царицы Небесной о помощи идиотам, эпилептикам и калекам. СПб., 1908
6. Воззвание Братство во имя Царицы Небесной. СПб., 1910.
7. Грачева Е.К. «Сеющи слезами, радостью пожнут» // Духовный вестник. Самара 2002
8. Грачева Е.К. Беседы с сестрами-нянями о воспитании и развитии детей идиотов и эпилептиков. СПб., 1902.
9. Грачева Е.К. Брат во Христе. Жизнеописательный очерк пастора Фридриха Боденшвинга. Общество призрения калек несовершеннолетнего возраста и идиотов. СПб., 1912.
10. Грачева Е.К. Воспитание и обучение глубоко отсталого ребенка. 35-летний опыт работы с дефективными детьми / Предисловие проф. Л.С. Выготского. М.-Л., 1932.
11. Грачева Е.К. Вспомогательные школы для малоспособных и умственно отсталых детей, СПб., 1909.
12. Грачева Е.К. Дневник: 36 лет среди больных детей // Замский Х.С. Умственно отсталые дети. История их изучения, воспитания и обучения с древних времен до середины XX века. М., 2008.
13. Грачева Е.К. Он слеп, он глух, он нем. Общество попечения о слепоглухонемых в России. СПб.: Типография училища глухонемых, 1909.
14. Грачева Е.К. Приюты-школы для детей идиотов и эпилептиков в Швеции, Франции и Германии. СПб., 1909.
15. Грачева Е.К. Руководство по занятиям с отсталыми детьми и идиотами. СПб., 1907.
16. Грачева Е.К. Что может сделать один человек. Жизнь и учреждения пастора Фридриха Боденшвинга. Зарайск, 1911.

17. Грибоедов А.С. Детская психопатология и лечебная педагогика. Л., 1926.
18. Дефектологический словарь. М., 1970.
19. Дом благодарных родителей. Петербургское Братство во имя Царицы Небесной. СПб., 1909.
20. Закладка нового дома для приюта детей-идиотов // Прибавление к Церковным Ведомостям. 1913. № 25.
21. Замский Х.С. История олигофренопедагогики. М., 1980.
22. Зачем он страдал? История возникновения приюта и Братства во имя Царицы Небесной. СПб., 1900.
23. Из жизни Братства во имя Царицы Небесной за 1903 год. СПб., 1904.
24. Известия по Санкт-Петербургской епархии. 1905. № 15.
25. Извещение о собрании членов Братства во имя Царицы Небесной 9 декабря 1909 года. СПб., 1909.
26. Косцов М.Г., сост. Царица Небесная Книга II. Дом Пресвятой Богородицы Петроградской. СПб., 2014.
27. Краткое описание того, что было сделано под Покровом Царицы небесной для детей слабоумных и припадочных в 10 лет. СПб., 1905.
28. Малофеев Н.Н. Знаменитая петербурженка Е.К. Грачева (тетя Катя) // Дефектология. 2003. № 5.
29. Наркевич Самуил, протоиерей. Чудотворная икона Божией Матери Всех Скорбящих Радости (с монетами) и описание чудес от нее. СПб., 1908.
30. Николай (Грачев), иеромонах. О современных богослужебных чиноположениях и обрядах. Петроград, 1915.
31. Николай (Грачев), иеромонах. Табель современного богослужения, чиноположение обрядов. Петроград, 1915.
32. Новое знамение милости Божией // Церковные ведомости. 1891. № 4.
33. Отчет приюта, основанного архимандритом Игнатием для детей идиотов и эпилептиков. (1895 — 1900 г.); Отчет Братства во имя Царицы Небесной при приюте основанном архимандритом Игнатием для детей идиотов и эпилептиков (1901-1903); Отчет состоящего под Августейшим покровительством Государыни Императрицы Александры Федоровны Братства во имя Царицы Небесной для для призрения детей идиотов и эпилептиков.(1903- 1913).

34. Письмо Совета Братства во имя Царицы Небесной настоятелям и церковным старостам о проведении церковных сборов в пользу Братства. СПб., 1914.
35. Погожев (Поселянин) Е.Н. Земное дело Царицы Небесной. История возникновения приюта и Братства во имя Царицы Небесной. СПб., 1907.
36. Приют на Б. Белозерской // Новое время, 28 мая 1895.
37. Рахманов Капитон, священник. Чудотворная икона Пресвятыя Богородицы «Всех Скорбящих Радости» (с монетами) в селении Императорского Стеклянного завода г. С-Петербурга. СПб., 1902.
38. Русский паломник. 1903. № 4, 51.
39. Санкт-Петербургский Духовный вестник. 1898. № 36; 1901, №8; 1901. № 27.
40. Трефилова Т.А. Братство во имя Царицы Небесной // Православные братства в истории России. К 100-летию возвания патриарха Тихона об образовании духовных союзов. Часть 2. М., 2018. С. 219-229.
41. Трефилова Т.А. Икона Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» (с грошиками) и Братство во имя Царицы Небесной». (К истории олигофренопедагогики.) // Православный летописец Санкт-Петербурга. 2002. № 11.
42. «Ты мой Бог, я твой раб» . Жизнеописание настоятеля Троице-Сергиевой пустыни архимандрита Игнатия (Малышева).СПб., «Сатис», 2007.
43. Устав Братства во имя Царицы Небесной. СПб., 1900.
44. Устав состоящего под Августейшим покровительством Государыни Императрицы Александры Федоровны Братства во имя Царицы Небесной. СПб., 1913.
45. Чудо Божие для слабоумных и припадочных детей. История возникновения приюта и Братства во имя Царицы Небесной в Санкт-Петербурге. СПб., 1903.
46. Церковные ведомости.1903 № 11 //Посещение Их Императрскими Величествами приюта Братства во имя Царицы Небесной для детей идиотов, эпилептиков и калек.
47. Шамонин Владимир, прот. Страницы жизни петербургского священника. СПб., 1995.

Проект по сохранению исторической памяти Екатерины
Константиновны Грачевой - первого отечественного дефектолога
реализуется Благотворительным фондом помощи детям
сиротам-инвалидам во имя святой блаженной Матроны Московской

Фонд попечительствует над детьми и взрослыми с ограниченными
возможностями здоровья. Деятельность фонда заключается в трудовой
социализации и духовно-нравственном воспитании, созданы
5 учебно-трудовых мастерских с дальнейшим трудоустройством,
работает воскресная школа "Благодать",
проводятся культурные мероприятия в социальных учреждениях

Адрес: г. Санкт-Петербург, ул.Крупской, д.5(м.Елизаровская)
Тел.: +7(812)931-19-71

Сайт: <http://www.matrona-fond.org>
e-mail: matrona.fond@gmail.com

Екатерина Константиновна Грачева
Исторический очерк об основании отечественной дефектологии

Автор исторического очерка: Т.А. Трефилова
Вступительное слово: Н.Н. Малофеев
Редактор, корректор, дизайнер: Н.С. Арзамасцева
Корректор, дизайнер: Б.О. Сметанина

Благотворительный фонд
помощи детям сиротам-инвалидам
во имя святой блаженной Матроны Московской

Совету Братства покорнѣе проситъ оо. Настоятелей и церковныхъ старостъ изъ Крестопоклонной недѣлѣ Великаго поста поимѣнять это воззваніе на входныхъ дверяхъ храма.

В О З З В А Н І Е

передъ сборомъ пожертвованій на дѣтей идиотовъ и эпилептиковъ, призрѣваемыхъ въ пріютахъ Братства во имя Царицы Небесной.

Братья-христіане!

Сегодня Церковь зоветъ насъ на Голгофу, устремляетъ взоры наши на Крестъ.

Смотрите, говоритъ, какъ Господь „изъявленъ за грѣхи наши, мучится за беззаконія наши“. Онъ снялъ ихъ съ насъ, принявъ на Себя и, вмѣстѣ со Своимъ Пречистымъ Тѣломъ, пригвоздилъ ко Кресту.

Сострадайте же Христу, радуясь сквозь слезы, что побѣждены грѣхъ, смерть поправа и двери царствія Божія, отверсты для всѣхъ. Идите, поклонитесь Кресту Христову и прославьте Его воскресеніе. Христосъ, жизнь наша, зоветъ насъ къ новой жизни.

Но идите — каждый — не одиноко. Христосъ обнялъ всѣхъ Своею любовію, всѣхъ соединилъ въ Своемъ сердцѣ. И мы въ Немъ стали каждый другъ другу братьями и сестрами. Возьмемъ ихъ съ собою и прежде всего, несчастныхъ, обиженныхъ, страдальцевъ, коихъ по преимуществу Господь называлъ своими меньшими братьями.

Изъ нихъ Святая Церковь, въ праздникъ Креста, выдѣляетъ самыхъ несчастныхъ. Это — дѣти безумныя, припадочныя, калѣки. Они въ тягость себѣ самимъ, на горе родителямъ. Они протягиваютъ къ вамъ руки свои и молятъ безъ словъ, часто лишь безмысленными звуками, слезами, страданіями, своимъ убожествомъ — дайте намъ теплый уголь, кусокъ хлѣба, ласковую улыбку, заботливый уходъ.

Братство Царицы Небесной озабочено призрѣніемъ и воспитаніемъ такихъ несчастныхъ дѣтей. Ихъ много на Руси, десятки тысячъ, и они ждутъ, когда откроютъ предъ ними двери и скажутъ: идите, дѣтки, познайте на себѣ дѣла Божія, поклонитесь Христу-Крестоносцу и увидите новую жизнь.

Дорогіе братья. Своими лептами ускорьте счастье этихъ дѣтей, дайте Братству средства умножить и расширить пріюты для нихъ.

Адресъ Братства во имя Царицы Небесной: С.-Петербургъ, Петербургская стов., Больш. Бѣлозерская ул. д. 4.

Печатать разрѣшается. Протоіерей Философъ Орнатскій.

Спб. Типо-литографія М. П. Фроловой, Галерная, 6.

